ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

М.Ф. Видясова, М.Ш. Умеров

ЕГИПЕТ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

ОПЫТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Москва 2002

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

М.Ф. Видясова, М.Ш. Умеров

ЕГИПЕТ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Опыт либерализации экономики и политической системы

Подписано в печать 12.08.2002 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 15,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 61

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»

Глава I
ЕГИПЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПУТЯХ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

> «В истории все связано, и, в частности, экономическая деятельность не может отделяться ни от политики, ни от взглядов, которые ее обрамляют, ни от возможностей и ограничений, которые определяют ей место».
>
> [*Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 3. – М.: Прогресс, 1992, с. 9.*]

Ключевой особенностью социально-экономической истории Египта явилось то обстоятельство, что в этой стране, которая с 1922 года пользовалась формальным государственным суверенитетом, еще в период между двумя мировыми войнами сложились крупная буржуазия и национальный капитал, достигший монополистической стадии развития[1]. По последнему признаку Египет можно сравнивать, например, с Индией, но не с другими странами Северной Африки и Ближнего Востока.

Тем не менее, крупная национальная буржуазия составляла в капиталистическом секторе Египта лишь «третий эшелон». Первый – это представители иностранного капитала, включая европейцев-резидентов, второй – так называемая инонациональная буржуазия, а точнее, компрадоры и бизнес-элита из локальных «иноверческих» общин. Европейцам и представителям меньшинств (армянам, грекам, евреям, христианам-левантинцам и т. д.) в сумме принадлежало 60% акционерного капитала и столько же авуаров в кредитно-банковской сфере[2].

Несмотря на то, что к середине XX века Египет оказался на Арабском Востоке единственной страной, обладающей относительно развитой промышленностью II подразделения, частично контролируемой местным бизнесом, перед этой страной не менее остро стояла задача сокращения разрыва с индустриальным миром, преодоления «пропасти отсталости» (типичное выражение тех лет), образовавшейся между центром и периферией мирового хозяйства. Проблема заключалась и в том, что вечным бременем Египта («цивилизации речного оазиса») служило, как служит и сейчас, крайне неблагоприятное соотношение между массой народонасе-

ления и темпом его воспроизводства (нараставшим с 1930-х годов), с одной стороны, и земельными ресурсами, да и в целом хозяйственно полезной территорией, – с другой[3]. Не приходится отрицать, что эта специфика наложила свой отпечаток на весь ход социально-экономического развития Египта после 1952 года, включая внутренние миграции, урбанизацию и проч., а также на социально-политические и собственно политические процессы, протекающие в этой стране.

1. Основные этапы экономической политики: смена парадигм

Со времени военного переворота, осуществленного организацией «Свободные офицеры» («июльская революция» 1952 года), экономическая политика Египта прошла несколько этапов. О ней иногда говорят как о движении по кругу: поворот с рельсов классического либерализма («laissez-faire») к дирижизму, который перерос из государственного капитализма в «социалистические преобразования»; затем – обратный ход к идеям свободной экономики в рамках политики «открытых дверей» и современной программы приватизации.

Действительно, *на первом этапе* (1952–1956) новая власть в экономических вопросах еще не порывала с либеральным курсом прежних, дореволюционных кабинетов. Сутью стратегии была попытка разрешить проблему отсталости переливом капитала из аграрного сектора и третичного – в индустриальное производство. Ввиду этого и выстраивалось инвестиционное законодательство, которое менялось даже не в ущерб, а в пользу иностранных вкладчиков. (Показательно, что был отменен закон от 1947 года, который требовал при создании новых компаний закрепления 51% акций за египтянами). Аграрная реформа 1952 года, наиболее значимое и самое раннее мероприятие военного режима, установив потолок индивидуального частного землевладения в 200 федданов (затем он последовательно снижался), санкционировала изъятие излишков за выкуп и продажу их малоземельным крестьянам в рассрочку. Предполагалось, что аккумулированные в банках денежные компенсации помещикам приобретут форму промышленных инвестиций, пойдут на создание отраслей первого подразделения[4].

Второй этап (1956–1960) обычно характеризуют как период «египтизации» и начального развития госсектора. Отправным пунктом этого периода послужило решение президента Насера национализировать компанию Суэцкого канала, активы которой делили между собой Англия и Франция. Как известно, это решение, связанное с поиском средств на строительство Высотной Асуанской плотины, повлекло за собой «тройственную агрессию», вторую после 1948 года ближневосточную войну… Не заставили себя ждать ответные меры египетского правительства: секвестр на всю собственность и акции, принадлежавшие англичанам и французам, с передачей соответствующих авуаров в государственную собственность или част-

ные руки. В этот же период наметилось сближение по линии экономического взаимодействия между Каиром и Москвой[5]; закладывались основы планового ведения хозяйства[6].

Наступление на иностранный капитал завершила египтизация активов бельгийских компаний в разгар конголезского кризиса 1960 года. Между тем правительство испытывало все большее разочарование в намерениях представителей национального капитала, политически чуждых новому режиму и не желавших идти на риск долгосрочных вложений.

Позиции крупной египетской буржуазии были впервые серьезно подорваны решением о национализации, согласно закону от 11 февраля 1960 года, финансово-промышленной корпорации – банка «Мыср», как раз готовившегося отметить сорокалетний юбилей своей деятельности. Аналогичный указ поступил в отношении «Национального банка» Египта.

Третий этап – период официально заявленных «социалистических преобразований» пришелся на начало–середину 1960-х годов, когда правительство Гамаля Абдель Насера, проведя широкую кампанию по национализации иностранной, а затем и египетской частной собственности, приступило к программе индустриализации в рамках первого Пятилетнего плана развития (1960/61–1964/65 финансовые годы[7]). Его центральным объектом становится высотная Асуанская плотина, на сооружении которой в самый горячий период было занято до 25–28 тыс. рабочих и служащих[8]. Было развернуто строительство заводов транспортного и общего машиностроения, крупнейшего на Арабском Востоке предприятия черной металлургии в г. Хелуан (под Каиром), алюминиевого комбината в Наг-Хаммади, фабрики по производству удобрений в Асуане, а также других предприятий энергетического комплекса и тяжелой промышленности[9]. Был проведен и второй этап аграрной реформы, в рамках которого облегчались условия приобретения земли крестьянами, с одной стороны, и положение арендаторов, – с другой.

Дирижистская политика 1960-х годов отвечала распространенной в то время на уровне экономической теории и в хозяйственной практике освободившихся стран концепции форсированного роста через наращивание объема инвестиций в импортозамещающих отраслях промышленности, что предполагало активное государственное вмешательство на базе средне– и долгосрочного планирования. Огосударствление экономики, не затрагивавшее, впрочем, сельское хозяйство, достигло в Египте (тогда – ОАР) впечатляющих масштабов: 90% капиталовложений в промышленность, 75–80% выпуска ее продукции и около 50% занятой рабочей силы к 1965 году приходились на государственные предприятия[10]. С июля 1961 года действовала государственная монополия на экспорт хлопка и весь импорт, на ведение банковских и страховых операций. Кредитную систему стали контролировать четыре госучреждения (Национальный банк

Египта, банк «Мыср», Банк Каира и Банк Александрии), которые служили важнейшим инструментом мобилизации накоплений на нужды промышленного производства.

Важным элементом общественно-политической практики авторитарного режима Насера стал своего рода социальный контракт с наемным трудом. Забастовки были запрещены, профсоюзы лишены автономии, но работникам государственной сферы гарантировались занятость и пожизненное социальное обеспечение. Самим государственным предприятиям, нередко в ущерб рентабельности, вменялось в обязанность сохранять заданную численность персонала, обеспечивать работой образованную молодежь, заканчивавшую профессиональные училища и высшую школу.

Четвертый этап, который следовало бы назвать переходным, имеет своими границами военное поражение в июне 1967 года, заставившее отложить второй Пятилетний план развития (уже замороженный годом раньше из-за финансовых трудностей), и объявленное весной 1974 года введение политики открытых дверей. За эти семь лет, когда еще не снималась идея социалистического выбора (при Садате с формулировкой «демократический социализм»), был сделан ряд уступок частному капиталу, углублялась аграрная реформа, нацеленная на поддержку хозяйств современного капиталистического типа. Но в целом ситуация неопределенности оказывала депрессивное воздействие на экономику страны, ресурсы которой мобилизовались на подготовку к новым военным действиям[11].

Пятый этап – период *инфитаха* (1974–1989 гг.), имеющий своим аналогом экономическую политику Турции 1970-х годов или же курс Туниса (после его отказа в 1969 году от «дустуровского социализма»), явился образцом развития по модели «смешанной экономики» и послужил прелюдией к нынешним реформам. В политическом аспекте период ознаменовался переходом к «контролируемой демократии», сменой основных внешнеполитических партнеров и новой стратегией Египта по ближневосточной проблеме.

Инфитах, или «открытые двери». Политика Садата. Известно, что не столько военная, сколько морально-политическая победа в конфликте с Израилем (октябрьская война 1973 года) обеспечила Анвару Садату, казалось бы, бледному преемнику харизматического лидера, столь необходимую в его обстоятельствах легитимацию личной власти. Именно после достигнутого перелома в расстановке сил на Ближнем Востоке правительство Садата объявило о начале либеральных экономических реформ, уже подготовленных снятием монополии государства на внешнюю торговлю, выдачей кредитов частным предпринимателям, производящим экспортную продукцию.

Политика *инфитаха*, которую – как и в других подобных случаях – можно объяснить внутренней логикой развития страны, в том числе интересами новой «бюрократической буржуазии» и реваншем

старого класса египетских капиталистов, находилась, между тем, в соответствии с возобладавшим на рубеже 1960–70-х годов направлением экономической теории, в рамках которой рекомендовалась более глубокая интеграция освободившихся стран в мирохозяйственные связи. В таких документах, как доклад комиссии Л. Пирсона, подготовленный в 1969 году по заданию Международного банка реконструкции и развития (МБРР), как региональные стратегии, разработанные спецкомиссиями ООН по Латинской Америке (ЭКЛА) и Азиатско-Тихоокеанскому региону (ЭСКАТО), предлагался переход от относительно замкнутой и капиталоемкой схемы экономического роста к более открытой и трудоинтенсивной. Последнее подразумевало если не отмену государственного вмешательства, то поддержку частного сектора, которому отводилась ведущая роль в формировании индустриального экспорта[12].

В этих параметрах и складывалась программа египетского *инфитаха*, предоставившая относительную свободу частной инициативе и благоприятный инвестиционный климат для зарубежных партнеров. Согласно принятому в феврале 1974 года закону № 43 об арабских и иностранных инвестициях и свободных зонах (представлявшему собой модификацию закона от 1971 года об арабских инвестициях), внешние инвесторы приобрели право на налоговые каникулы сроком от 5 до 15 лет, получили разрешение действовать в сфере финансов, открывать филиалы банков, участвовать в операциях как с иностранной, так и с египетской валютой[13]. С 1977 года аналогичные права делегировались и внутренним инвесторам, если они вступали в смешанные компании, делая при этом капитальные вложения в египетских фунтах.

Сущность юридической базы *инфитаха* заключалась в предоставлении частным иностранным капиталовложениям в Египте гарантий от ареста, национализации и конфискации (то есть от некоммерческого риска), а также права на свободный перевод прибыли за границу и репатриацию капитала. Мероприятия по «либерализации» включали также выделение зон свободной торговли, или свободных зон, на которые не распространялось национальное таможенное законодательство. В Порт-Саиде, Александрии и некоторых других городах создавались предприятия с участием иностранного капитала, продукция которых в основном экспортировалась в третьи страны. Сферами приложения иностранных капиталов в Египте, помимо разведки и добычи нефти, были определены энергетика, машиностроение, нефтехимия.

В свое время в курсе Садата общественность страны и за рубежом усматривала намерение вернуть на египетскую почву капитализм, однако спустя годы становится ясно, что частнопредпринимательский капитал эпохи *инфитаха* развивался лишь в дополнение к госсектору, хотя политика открытых дверей действительно выпестовала посредническую буржуазию[14].

Вклад частного сектора в накопление, составлявший около 10% в 1970 году, возрос не столь значительно, как ожидалось (до 23% в 1979 году). Еще скромнее выглядело его самостоятельное участие в выпуске промышленной продукции, которое увеличилось всего на шесть процентных пунктов: с 26 до 32% за тот же период[15]. Большие надежды в видах развития экспортного потенциала возлагались на привлечение капиталов из Саудовской Аравии и других «нефтяных монархий». Но на практике частные инвестиции из региона Персидского залива устремились главным образом в операции с недвижимостью, туризм и жилищное строительство. В промышленности сотрудничество внешнего арабского капитала с национальным частным бизнесом ограничивалось производством традиционных потребительских товаров, вроде мебели, ковров, одежды, прохладительных напитков и т. п.

В середине 1970-х годов была предпринята попытка, позже признанная неудачной, осуществить децентрализацию государственного производства (и тем самым повысить его рентабельность), но, по словам местных специалистов, в том числе ответственных лиц из министерства экономики, она лишь создала анархию в управлении, не улучшив капиталоотдачу. Спустя десять лет из 116 госкомпаний промышленного профиля только 38 давали прибыль, и то в пределах до 10%[16].

В планах развития (которые составлялись, но переносились по срокам, перекраивались, а в конечном итоге были заменены годовыми корректируемыми программами) акцент сместился на финансовые вливания в инфраструктуру и сферу услуг, включая туристический бизнес. При этом государственный сектор скорее перестраивался изнутри, нежели терял свой удельный вес в инвестициях, производстве и занятости.

Государственные предприятия к началу 1980-х годов выпускали около 70% промышленной продукции, производя (как и до сих пор) всю электроэнергию, контролируя на 98% добычу полезных ископаемых, в том числе разработку топливных ресурсов[17]. Устойчивое преобладание госсектора в несельскохозяйственной сфере экономики Египта объясняется и тем обстоятельством, что иностранный капитал, поощряемый новыми законами, был склонен к вложениям именно в государственные предприятия, лучше подготовленные к сотрудничеству технологически и организационно. И наконец, госсектор контролировал самые выгодные сегменты хозяйства. Подводя итоги *инфитаха*, египетские специалисты с разочарованием отмечают, что не только приоритетной, но фактически и единственной отраслью промышленности, заинтересовавшей крупных иностранных инвесторов, оказалась нефтяная индустрия.

Как результат, не удалось обеспечить диверсификацию и облагораживание экспорта, в структуре которого традиционно лидирующее место египетского хлопка заняла нефть. Если в 1970 году вы-

ручка от продажи нефти на внешних рынках еще составляла менее 5% стоимости товарного экспорта, то в 1985 году на ее долю падало 68% (против 11,5%, приходившихся на хлопок, и 5% – на прочее сырье)[18]. В нефтегазовом хозяйстве, куда зарубежные инвесторы привлекались с 1973 г. по соглашениям о разделе продукции, стала действовать целая группа представителей Международного нефтяного картеля и крупнейших независимых, в том числе американских, корпораций. К середине восьмидесятых примерно три четверти египетской нефти и 65% природного газа добывались при участии американских подрядчиков.

Основным западным инвестором и кредитором в 1970-е годы становятся Соединенные Штаты. На их долю к концу десятилетия приходилось около 40% всех займов и субсидий, полученных Египтом от индустриально развитых стран на двусторонней и многосторонней основе[19]. Все возрастающую роль приобретала безвозмездная американская помощь (также и в военной сфере), по масштабам которой Египет до сих пор превосходит все страны мира, кроме Израиля[20]. Всего за период 1975–2000 годов по программе американской экономической помощи в АРЕ поступило 24,5 млрд. долл., по линии военной – 27,3 млрд.

Не вдаваясь в детали, отметим, что концепция открытой экономики была сопряжена во внешней политике с выбором Садата в пользу сближения с Западом, прежде всего с США. Дотоле тесное взаимодействие АРЕ со странами восточного блока постепенно нарушалось – вплоть до денонсации (в 1976 году) советско-египетского Договора о дружбе и сотрудничестве.

В этом заключался наиболее решительный пересмотр внешнеполитической стратегии Насера, предпочитавшего балансировать между интересами супердержав в биполярном мире и поддерживать движение неприсоединения, одним из инициаторов которого Египет в свое время выступил. Вместе с тем в своей политической риторике Садат избегал привычного раньше разделения ближневосточных режимов на «прогрессивные» и «консервативные», или «реакционные», преследуя в отношениях со всеми, как он говорил, «арабскими братьями» чисто прагматические цели. Расчетом на приток арабских нефтедолларов пришлось, однако, пожертвовать, когда правительство Садата пошло на подписание Кэмп-Дэвидских соглашений и сепаратный мир с Израилем. В марте 1979 года Египет был временно исключен из Лиги арабских государств, члены которой разорвали с Каиром дипломатические отношения и прекратили официальную финансовую помощь. Бойкот все же не сопровождался требованиями о репатриации египетских рабочих.

Трудовая эмиграция в соседние арабские страны, в основном – в государства Залива, быстро перевалившая за миллионный порог, стала одним из важных компонентов экономического роста. На рубеже семидесятых – восьмидесятых суммарный размер денежных

переводов от рабочих-эмигрантов составил свыше 2 млрд. долларов ежегодно. Этот фактор вкупе с появлением у АРЕ других относительно новых источников валютных поступлений (доходы от добычи и экспорта нефти[21], возобновление эксплуатации реконструированного Суэцкого канала, иностранный туризм) позволил увеличить норму накопления с 13 до 25% валового внутреннего продукта и выйти на его расширенное воспроизводство: в среднем 8% ежегодно в 1975–81 годах[22].

В отдельных отраслях хозяйства вклад частного сектора заметно увеличился (особенно – в инфраструктуре, посреднической сфере, туристическом бизнесе). Продолжалась капиталистическая интенсификация сельского хозяйства, применительно к которому большое значение имели принятые в 1975 году поправки к закону об аграрной реформе. Они повышали ставку земельного налога и позволяли землевладельцу сгонять арендатора с земли в случае двухмесячной просрочки арендной платы. Одновременно упразднялись местные комитеты по земельным конфликтам, специально созданные в 1960-х годах для защиты крестьянских интересов. Соответствующие вопросы делегировались в компетенцию обычного суда[23]. Наконец, был снят секвестр с ряда крупных землевладений, когда-то наложенный по политическим мотивам, что знаменовало собой примирение Садата с представителями или потомками старой земельной аристократии (она же – финансово-промышленная олигархия дореволюционного периода), интересы которой были в первую очередь ущемлены всеми начинаниями властей после переворота «Свободных офицеров»[24].

Важным элементом египетской либерализации 1970-х годов было расширение диапазона политической активности законодательной ветви власти. Имели место реабилитация почти ста «реакционных юристов», восстановление относительной независимости судебных органов. Началось – хотя и с отступлениями – движение в сторону многопартийной системы (подробнее см. в главе второй). Установленный при Насере однопартийный режим уже не соответствовал меняющейся экономической реальности и был реформирован сверху. На базе политических платформ («трибун») внутри ранее единственной партии Арабский социалистический союз (АСС) были образованы три новые организации, по классической схеме: центр, правое крыло и левое крыло. С ноября 1976 г. они получили легальный статус и были зарегистрированы как партии. В 1979 году прошли парламентские выборы, и у политических партий появились фракции в Народном собрании.

Правящая Национально-демократическая партия (НДП), контролируемая президентом, получила 92% мест в парламенте. Таким образом, частичная либерализация в экономике и политике при Садате на самом деле сопровождалась укреплением института президентской власти. Важнейшие решения главы государства проводи-

лись, как правило, через референдумы, получая поддержку в «четыре девятки», то есть положительный показатель голосования, стремящийся к 99,99%. Однако в обществе назревали конфликты, подогреваемые ростом безработицы и расширением люмпенизированной массы населения. Еще в январе 1977 года по городам прокатились демонстрации с требованием отменить принятое (под давлением МВФ) решение правительства вдвое сократить дотации для поддержания твердых цен на товары первой необходимости: хлеб, сахар, топливо, простые ткани. На подавление демонстрантов, выдвигавших, в том числе, насеристские лозунги, власти бросили войска безопасности и армейские части; но правительство было вынуждено отступить и взяло назад распоряжение об отмене субсидий.

Новые волнения возникли в марте 1981 года: демонстранты выражали протест по поводу нормализации отношений с Израилем. Позже в Каире произошли кровавые столкновения на религиозной почве. Арестам были подвергнуты представители и левой, и правой оппозиции, коптские священники и мусульманские деятели, журналисты и активистки женского движения.

Помимо того, в стране все громче говорили о пороках «потребительского *инфитаха*», имея в виду преимущественное развитие частного предпринимательства в посреднической сфере, импорт не столько товаров производственного назначения, сколько предметов роскоши, и крикливое богатство египетских нуворишей, особенно раздражавшее мусульманские круги. Экстремистские организации, число которых множилось после визита президента Садата в Израиль (ноябрь 1977 года), прервавшего его медовый месяц с мусульманским фундаментализмом, создали особую опасность для режима. Драматическая гибель Садата в результате заговора группировки «*Джама'ат аль-джихад*» стала тому свидетельством.

Изменения в хозяйственной практике инфитаха при Мубараке. Как отмечают многие исследователи, президентство Хосни Мубарака началось с колебаний между еще не отжившим наследием насеровской эпохи и линией, определившейся в «постпопулистский» период Анвара Садата. Это проявилось и в компромиссных политических решениях (диалог с легальной оппозицией, отвечавшая ее требованиям кампания по борьбе с коррупцией, более сбалансированное развитие международных связей), и в подходе к сугубо экономическим вопросам. Среди них ключевым был – как, впрочем, и остается до сих пор – вопрос о повышении экономической эффективности и рентабельности государственного сектора, о переходе к «производственному *инфитаху*».

Не отвергая в принципе концепцию открытой экономики и сохранив ее законодательную базу, правительство, неоднократно реорганизованное при Мубараке и освобожденное от прямых сторонников прежнего президента, восстанавливало элементы планового ведения хозяйства. По данным Центра стратегических исследований

при газете «Аль-Ахрам», текущие капиталовложения по линии госсектора возросли с 1822 млн. ег. фунтов в 1981/82 финансовом году до 4888 млн. в 1990/91 году[25]. В рамках двух пятилетних планов социально-экономического развития АРЕ (1982/83 – 1986/87 и 1987/88 – 1992/93 гг.), показатели которых, правда, были выдержаны далеко не полностью, значительные средства из государственного бюджета выделялись на покрытие финансовой задолженности ряда государственных компаний, на техническое перевооружение и модернизацию предприятий базовых отраслей.

Возврат к практике средне– и долгосрочного планирования при президенте Мубараке проводился под лозунгом сотрудничества частного и государственного секторов. При этом программа развития на 1982/83 – 1986/87 годы предполагала более чем трехкратное превышение бюджетных ассигнований в экономику над частными инвестициями, четырехкратное – в сфере материального производства[26].

Противоречивый характер носили мероприятия в области административного регулирования деятельности госсектора. Согласно законопроекту, одобренному в августе 1983 года, расширялась самостоятельность госпредприятий в деле использования прибыли и в вопросах заработной платы. Вместе с тем в различных отраслях экономики воссоздавались «генеральные» государственные организации (упраздненные в 1975 году) с функциями трестов, на каждую из которых был возложен контроль над деятельностью однопрофильных предприятий.

Введенное с 1982 года внешнеторговое регулирование должно было приостановить опережающие темпы развития импорта и сбалансировать торговлю с основными партнерами. Министерство экономики и внешней торговли ограничивало выдачу лицензий на импорт товаров из США, Франции, стран Бенилюкса и Японии. Была предпринята попытка введения налога на потребление импортных товаров и повышенного курса иностранных валют при импорте; лимитировался и даже запрещался ввоз ряда товаров, прежде всего относящихся к предметам роскоши. Наконец, в задачи нового Египетского банка развития экспорта вошло краткосрочное финансирование закупочных операций на внешних рынках и выдача долгосрочных кредитов для поддержки проектов по производству экспортной продукции. Все эти меры, направленные на расширение экспортной базы и сокращение внешнеторгового дефицита, не принесли, однако, ожидаемых результатов.

Кризис второй половины 80-х годов. Несмотря на известные успехи, достигнутые египетской экономикой на рубеже 1970–80-х годов, новое десятилетие характеризовала все более выраженная стагфляция. Экономический рост, по-прежнему зависевший от четырех ведущих факторов (нефтяные доходы, переводы рабочих-эмигрантов, туризм и Суэцкий канал), снизился к середине десятилетия до 2,5% в год. Стоимость экспорта в процентном отношении к

ВВП в 1985 г. оставалась на уровне 1975 года (20%), а в 1987 году упала до 13%, что явилось следствием ухудшения условий торговли, в том числе неустойчивости цен на топливо и хлопок.

В 1980–1986 годы отрицательный торговый баланс вырос с 3 до 4 млрд. долл.; общий отрицательный баланс текущих расходов – с 438 млн. до 1870 млн. долл., а сальдо платежного баланса, положительное в 1980 году (609 млн. долл.), стало показывать отрицательные значения. Если в 1986 году платежный баланс был сведен с дефицитом в 73 млн. долл., то в 1989 году его отрицательное сальдо составило 533 млн. долл.[27]

Самым неблагоприятным образом на экономическом положении Египта сказался обвал мировых цен на нефть в феврале 1986 года, после чего сократились и собственные доходы Египта от продажи энергоносителей, и доходы арабских стран – крупных экспортеров нефти, от которых можно было ожидать помощи (после восстановления дипломатических отношений); начался отток египетских рабочих-эмигрантов из государств Персидского залива.

В кризисном 1986/87 финансовом году нефтяные доходы сократились наполовину, доходы от туризма – на одну треть. Другой важнейший источник валютных поступлений также уменьшился: переводы рабочих-эмигрантов, составлявшие в 1983/84 году 3,9 млрд. долл., снизились в 1985/86 году на 33%, а в 1986/87 году составили менее 600 млн. долл.[28] Как следствие, к концу восьмидесятых в стране неумолимо росла бюджетная и банковская задолженность.

Египет – не единственная страна, демонстрировавшая подобную тенденцию. Как пишут в своей коллективной монографии о национальной безопасности на Ближнем Востоке канадские исследователи, за двадцать лет после нефтяного бойкота, объявленного Западу в 1973 году, арабские страны получили около двух триллионов долларов за продажу энергоносителей[29]. Из них примерно 100 млрд. долларов были переведены по линии кредитов и безвозмездной помощи от «богатых» (члены ОПЕК) «бедным» арабским странам, не имеющим нефти вообще, либо с ограниченными ее ресурсами (Египет, Сирия и др.). Эйфория нефтяного бума повлекла за собой «потребительский тип развития».

В том же Египте руководство страны, заботясь о лояльности выращенного им среднего класса, старалось как-то выдержать обещание, данное еще Насером, и обеспечить работой каждого выпускника с университетским дипломом. Молодежь тысячами направлялась в государственные учреждения и промышленные корпорации, а государственным банкам, по распоряжению правительства, приходилось кредитовать эти корпорации, не справлявшиеся с выдачей раздутому персоналу пусть мизерной, но все же зарплаты. Как продолжают авторы, другая черта социальной политики, унаследованная относительно бедными странами от периода социалистических экспериментов, – практика субсидирования доступных цен на товары

широкого спроса, которая, в свою очередь, заводила бюджеты в налоговую западню.

Так, в начале 1980-х годов на субсидии уходило до четверти египетских государственных расходов[30]. Уточним, что, по данным египетской бюджетной статистики, в 1960–1971 годах доля затрат на субсидии в текущих расходах правительства колебалась от 1,4 до 7,7%. В 1974 г. она составляла уже 42,3%, в 1976 г. – 33,6% и в 1978 г. – 42,6%[31].

В дальнейшем наблюдалось снижение этого показателя. Тем не менее в 1988 году список товаров с подконтрольными ценами насчитывал почти 20 наименований. Сохранялись твердые цены на сахар, соль, растительное масло, молоко, дешевые ткани, а также на холодильники, стиральные машины и т. п.[32].

Добиваясь пролонгации внешнего долга, Египет подписал в феврале 1987 года соглашение о намерениях с Международным валютным фондом, который уже выдвинул требование сократить госрасходы, урезать или вовсе отменить субсидии, привести внутренние цены в соответствие с мировыми, а также начать приватизацию. Но это соглашение было фактически сорвано, если не считать начатой с 1987 года валютной реформы, призванной устранить чрезвычайно громоздкую, многоступенчатую и бюрократическую систему обменного курса. Намечалось также, согласно плану развития на 1987/88 – 1991/92 годы, несколько снизить – примерно до 70% – долю правительства в инвестиционных расходах и начать эксперимент по приватизации с госпредприятиями местного подчинения[33].

Взяв осторожный старт на пути к рыночной перестройке хозяйства, президент Мубарак декларировал концепцию постепенности, или «градуализма», а в своих публичных выступлениях даже утверждал, что денационализация крупных объектов не входит в планы правительства. Президент и члены его кабинета указывали на специфику египетского образа жизни и традиционных форм хозяйствования, а также на то, что меры, предписываемые международными финансовыми институтами, подходят далеко не для всех стран.

В интервью газете «Аль-Ватан аль-Арабий» в ноябре 1987 года президент сказал, что его удивляет позиция тех, кто ратует за распродажу государственного сектора, ибо это опасный шаг, который дорого обойдется рядовому гражданину.

«Что ему остается делать, кроме как голодать? Социальная зависть и разгул преступности станут неизбежными, а зависть подорвет общественные устои. Ведь государственный сектор регулирует частный и тем самым держит под своим контролем жизнеобеспечение народа по разумным ценам… Я снова и снова повторяю, что госсектор – это краеугольный камень египетской социально-экономической системы»[34].

Делая такие заявления, Хосни Мубарак между тем инициировал обсуждение в печати, на различных собраниях и конференциях вопроса о приватизации, которой, учитывая позицию западных доноров, уже было не миновать. Критически настроенные наблюдатели отмечали,

что стиль президента, рассчитанный на выработку желанного единодушия, на самом деле – предлог для проявления нерешительности, и что Мубарак, хотя его авторитет никем не оспаривается, а личная честность не вызывает сомнений, скорее оказывается «арбитром между враждующими группировками и кланами, чем осуществляет твердое руководство»[35]. Но поскольку на пороге девяностых Египет становился одним из крупнейших международных дебиторов, его уклончивость на переговорах с МВФ и отступления по вопросу о внутренних экономических реформах более не могли затягиваться.

Проблема египетского долга. Содержание соглашений с международными финансовыми институтами. Согласно имеющимся оценкам, за одиннадцатилетний период президентства Садата внешний долг АРЕ увеличился с 5 млрд. долл. (в том числе 1,7 – гражданский) до 30 млрд. По итогам 1989/90 финансового года, размер этого долга вместе с процентными обязательствами достиг рекордной цифры в 50 млрд. долл. (38 – гражданский, данные 1988 года), что перевешивало стоимость ВВП почти в полтора раза. Внешняя задолженность Египта составляла по отношению к внутреннему производству товаров и услуг 118% в 1985/86 финансовом году, 155% – в 1987/88 г. и 144% – в 1989/90 году[36].

Таким образом, Египет оказался одной из развивающихся стран, занимающих верхнюю строку в списке мировых должников. На АРЕ приходилась ровно пятая часть общеарабского долга, который – по оценке на 1990 год – достиг 250 млрд. долл., учитывая и задолженность внутри региона перед «нефтяными монархиями» – чистыми экспортерами капитала[37]. Как отмечают исследователи экономики Ближнего Востока, этот долг (в нем была велика военная часть) сформировался – в отличие от латиноамериканского – не столько в виде обязательств перед иностранными банками, сколько за счет непогашения кредитов, полученных по межправительственным соглашениям[38].

Необходимость пойти на требования МВФ, а следовательно, и пересмотреть некоторые параметры, заложенные во втором четырехлетнем плане развития, стала очевидной к исходу восьмидесятых годов. В это время стране приходилось тратить на обслуживание внешнего долга почти 3,5 млрд. долл., что соответствовало 116% экспортной выручки (1989 год). Ситуация улучшилась после того, как Каир, направивший самые крупные арабские войска в Саудовскую Аравию во время войны в Заливе, добился от США в декабре 1990 года списания всей своей задолженности по военным статьям (7 млрд. долл.). Подобную уступку правительство Египта получило и со стороны членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), простивших Каиру 6 млрд. долл.[39]

Кризис в Заливе принес египтянам и определенные экономические потери – хотя бы из-за возвратной волны рабочих-эмигрантов, однако значительная часть долгового бремени бюджета растаяла. Затраты на

обслуживание долга только по кредитам от США сократились с 948 млн. долл. в 1990 г. до 484 млн. в 1991 г. и 393 млн. – в 1992 г.[40]

Тем временем шли к завершению переговоры с МВФ, составной частью которых была разработка подготовительной программы приватизации. В мае 1991 года кредиторы Парижского клуба заключили с Каиром соглашение о поэтапном списании 20 млрд. долл. из египетского долга (который к этому времени составлял уже не 50, а около 35 млрд. долларов). Первый транш списывался сразу, второй, как было запланировано, – через 18 месяцев. Последний транш, размером 20% от общей суммы, предполагалось списать спустя три года при условии, что кредиторы убедятся в успешном ходе экономических реформ[41]. В ноябре 1991 года было достигнуто и соглашение с Всемирным банком о специальном займе в 300 млн. долл. на цели структурных преобразований.

Соглашениями оговаривалось, что на первой стадии ERSAP усилия правительства будут концентрироваться на стабилизационных мероприятиях: перестройке денежно-кредитной сферы, борьбе с инфляцией, а также на валютно-финансовой либерализации[42]. В рамках подготовительной программы приватизации, намеченной на 1991/92 финансовый год, предполагалось обеспечить административную и финансовую автономию государственных экономических корпораций, которые лишались бюджетных вливаний на покрытие убытков, но получали независимость в вопросе ценообразования и право самостоятельной продажи частнопредпринимательскому сектору долевого участия в акционерном капитале[43].

Нужно иметь в виду, что одобренный в 1991 году, после парламентских дебатов и еще более острой публичной дискуссии, закон № 203 определял список намеченных к приватизации компаний нефинансового профиля, которые в ожидании торгов переходили на самоокупаемость, но могли и ликвидироваться как нерентабельные. В этот список вошло 314 предприятий – полностью государственных или с контрольным пакетом акций у государства и с общим числом занятых около 1 млн. человек. В основном предприятия относились к отраслям добывающей и обрабатывающей промышленности, а также энергетики (распределение электричества), но часть списка составляла сфера торговли и обслуживания. Означенные 314 предприятий, в свою очередь, являлись держателями акций в 184 компаниях смешанного типа, номинально – частных, но сотрудничавших с госсектором и в ряде случаев ему фактически принадлежавших[44]. Подпадавшие под закон № 203 предприятия выводились из-под контроля отраслевых министерств и были объединены в 27 холдингов (их число было сокращено до 17 в 1993 году), которые отвечали за текущую деятельность компаний и подготовку процедуры приватизации. Она должна была начаться в отдельных отраслях непосредственно в 1991/92 финансовом году и, по расчетам, к середине 1995 года охватить около 100 предприятий, которые либо перейдут

полностью в частные руки (к единичным «стратегическим» инвесторам), либо выставят акции на продажу через фондовый рынок, или же будут приватизированы в пользу своих работников через приобретение ими всего уставного капитала[45].

Приняв принципиальное решение о реформе госсектора, египетское правительство подчеркивало, что государство оставит за собой объекты, наиболее значимые для народного хозяйства[46]. Электроника и черная металлургия, оборонная и нефтеперерабатывающие отрасли, производство и распределение электроэнергии были признаны стратегическими сферами, не подлежащими приватизации. То же относилось к авиакомпании «Иджипт эйр», управлению железных дорог, портам и Суэцкому каналу. За рамки приватизации, во всяком случае, на первом ее этапе, выводились и крупнейшие банковские учреждения страны.

2. Программа приватизации и «структурной адаптации» (1990-е годы)

Как уже отмечалось, в 1991 году Египет приступил к реализации ориентированных на рынок экономических реформ, программа которых была согласована с Международным валютным фондом и предусматривала, с одной стороны, серию мероприятий по финансовой стабилизации, с другой – ликвидацию убыточных компаний и приватизацию предприятий госсектора. Именно эта вторая часть пакета реформ вызвала напряженную общественную реакцию и критику, исходящую не только от лагеря парламентской оппозиции, но и от управленческого аппарата. В свою очередь, и президентская власть поддерживала политическую неопределенность вокруг курса реформ, касавшихся госсектора. Соответствующие мероприятия в основном пришлись на 1996–1998 годы – на момент, когда программа приватизации, отложенная на более поздний срок, получила, наконец, санкцию парламента, а в обновленном кабинете министров усилились позиции «либералов».

Одной из причин замедленного хода реформ, начатых по отдельным направлениям еще в 1987 году, многие наблюдатели называют инертность египетской бюрократии, ее явное или скрытое сопротивление процессам адаптации к рынку. Например, в конце восьмидесятых отмечали, что египетское правительство обросло сонмищем вспомогательных и межведомственных организаций с разветвлениями в госпредприятиях производственного характера. Подобные структуры приданы и президентской администрации. Среди них особым влиянием до сих пор обладает, как это ни странно выглядит, египетский «статкомитет», Central Agency for Mobilization and Statistics (CAPMAS), который с момента его создания в 1964 году и затем много лет подряд возглавлял бывший армейский генерал[47]. CAPMAS призван не только обеспечивать сбор информации, но и является центром принятия решений, тогда как Министерство

планирования, образованное также в середине шестидесятых, традиционно играло второстепенную роль в правительстве. Не менее могущественным, чем CAPMAS, является Central Auditing Agency, которое осуществляет проверку деятельности предприятий госсектора и следит за всей хозяйственной деятельностью в государстве. Имеется и уникальный в своем роде институт Социалистического государственного прокурора (Socialist Public Prosecutor) с необозримыми контролирующими функциями, введенный при Садате и утвержденный постоянной конституцией 1971 года[48].

Вместе с тем есть основание говорить о том, что Хосни Мубарак упустил время для начала рыночных реформ: наиболее благоприятной в этом смысле была как раз первая половина восьмидесятых годов, когда новый президент пользовался доверием населения, когда динамика основных экономических показателей еще не вызывала тревоги, количество зарегистрированных трудовых конфликтов было минимальным, а волна выступлений экстремистских группировок временно пошла на убыль. Даже лояльные политики винят Мубарака в том, что, растратив целых десять лет на невнятные призывы к экономии ради отечества, к преодолению апатии и национальному пробуждению, он поставил вопрос о реформах и приватизации в разгар экономического и социального кризиса, к тому же отягощенного ростом исламистских настроений.

В развернутом виде идея макроэкономических реформ прозвучала в речи Хосни Мубарака по случаю Дня труда 1 мая 1990 года. Сам вопрос о дальнейшей судьбе госсектора был официально вынесен на всеобщее обсуждение еще в конце предыдущего года. Готовясь к новым парламентским выборам и одновременно проводя консультации с МВФ, президент предпочитал заручиться поддержкой общественности, или, во всяком случае, иметь возможность сослаться на ее мнение. В декабре 1990 года, когда выборы уже прошли, за пять месяцев до подписания соглашений с МВФ президентская администрация объявила о «Программе 1000 дней» по экономической либерализации. Тем самым реформе, предусматривавшей столь непопулярное решение, как отмену системы государственных субсидий, придавался внешне самостоятельный, «египетский» характер. Это было сделано для того, чтобы избежать критики со стороны антизападников в управленческих и деловых кругах и опасности более широкого недовольства[49]. Ведь в памяти были еще свежи грозные волнения, вспыхнувшие в феврале 1986 года с участием служителей правопорядка («бунт полицейских») в ответ на решение тогдашнего премьер-министра Али Лютфи прибегнуть к мерам жесткой экономии; не забылись и январские события 1977 года, вызванные подобными действиями правительства Садата, попытавшегося – именно с подсказки МВФ – отменить твердые цены на «народную лепешку» и другие ходовые товары.

С мощными социальными ограничителями реформ, равно как и с настроениями политической оппозиции и в первую очередь – «ис-

ламского альянса» египетскому руководству придется считаться на протяжении всех пореформенных лет и особенно на затянувшейся стадии перехода от чисто монетаристских мероприятий к приватизации госсектора.

Социальный контекст реформ: некоторые характеристики. За сорок лет, разделяющих переворот 1952 года и начало современных реформ рыночного типа, в социальной структуре общества произошли существенные изменения, включающие утрату страной ее прежнего аграрного облика, сокращение относительной численности крестьянства и урбанизацию – с характерной для Египта концентрацией городского населения в непомерно разрастающемся столичном мегаполисе. Как следствие, наблюдалось увеличение массы люмпенизированных городских слоев, всевозможных маргинальных групп, завоевывающих себе пространство на карте того же Каира. По официальным оценкам, в 1970–90 годах в черте столицы и вокруг нее, а также в других крупных городах страны возникло около семисот новых кварталов нищеты. Численность их обитателей на середину девяностых колебалась в пределах между 10 и 12 миллионами человек[50]. И это при том, что общая численность населения страны в 1996 году составляла 60 млн., в том числе 30 млн. горожан (из них половина – в Большом Каире)[51].

Заметным итогом сорокалетнего развития стало расширение границ среднего класса, особенно за счет категории госслужащих, и выдвижение на первый план всесильной египетской бюрократии, находящейся в непростых отношениях со старой и новой экономическими элитами – если иметь в виду вернувшихся к активной деятельности выходцев из дореволюционной земельно-финансовой олигархии и новую буржуазию, которая с 1970-х годов расширяла поле своей деятельности под сенью государственного сектора и в сотрудничестве с ним.

По имеющимся подсчетам, армия госслужащих (во внеэкономической сфере) в 1950-х – начале 60-х годов увеличилась с 250–350 тыс. до 700 тыс. человек, то есть она как минимум удвоилась еще до издания Насером «социалистических декретов», а к 1969–70 годам ее численность составляла уже 1,2 млн. человек[52]. Парадоксально, но реализация политики *инфитаха*, направленной на развитие частных форм хозяйствования и управления, сопровождалась новым ростом численности лиц, работающих по государственному найму. К середине восьмидесятых количество служащих и чиновников различного ранга достигло, по одним данным, примерно 2,5 млн. человек, по другим – 3 млн. Правда, эта цифра включает не только «белые воротнички», но и занятых в системе обслуживания работников физического труда. (Для сравнения: в 1984–85 годах численность занятых в подконтрольной государству производственной сфере составляла 1,7 млн.)[53].

Спустя десять лет, к началу 1996 года, государство являлось работодателем для 34% учтенного статистикой самодеятельного

населения. В госучреждениях, включая управленческие структуры в центре и на местах, систему образования и медицину, а также другие виды общественного обслуживания, трудилось 4 млн. человек; в то время как госпредприятия (компании) и экономические организации отраслевого типа насчитывали в совокупности 1,5 млн. рабочих и служащих (на 100 тыс. меньше, чем в 1990 г.)[54].

Как пишет профессор политологии Каирского университета Мустафа Камиль ас-Саид, египетская бюрократия в целом не возражала против популистских аспектов экономической стратегии Насера, которая открывала даже мелкому чиновнику возможность получения дополнительных привилегий, обеспечивала ему престиж в обществе и надежную перспективу его детям. Не случайно бюрократия сдержано, если не сказать больше, встретила рыночные начинания – хотя бы потому, что стабилизационная программа, согласованная с МВФ, требовала остановить рост занятости в системе государственных учреждений и предприятий. Надо иметь в виду, уточняет Камиль ас-Саид, что в своей массе египетские кадры представлены отнюдь не выходцами из элитарных и зажиточных семей. Своим нынешним благополучным положением чиновник обязан политике, начатой еще в шестидесятые годы, и ностальгия по этим («социалистическим») временам во многом определяет настроение данного слоя общества[55].

Подобный взгляд на вещи разделяют в своей массе и рабочие госпредприятий, опасающиеся за свою судьбу в связи с реформами и планами приватизации. Это тем более понятно, поскольку безработица (только официальная) в Египте возросла с 10–15% самодеятельного населения в начале 1970-х годов, до 25% в 1990 году[56], а трудоизбыточность госсектора, о которой в стране уже давно говорили, ставит его персонал перед угрозой сокращений.

Устойчиво негативное отношение к либеральным экономическим идеям проявляют профсоюзы. Но не они, объединенные в Египетскую федерацию труда (ЕФТ), которая еще со времен Насера была инкорпорирована в государственно-административную систему[57], а различные клубы, общественно-профессиональные ассоциации и исламское движение выступают в качестве выразителей фрустрации, характерной для значительной части населения, работающего по найму, занятого мелким предпринимательством и т. п., включая традиционно активный в политическом смысле «нижний средний класс», который один из исследователей метко назвал нервным узлом египетского общества[58].

Именно этот социальный слой, к которому примыкают учащиеся старших классов школ, многочисленные студенты египетских университетов, в свое время поддерживал «насеризм» как идеологию и экономическую программу, но на нынешнем этапе стал резервуаром сторонников ассоциации «Братья-мусульмане». Ее роль подробнее рассматривается нами в главе третьей. Здесь же стоит лишь обра-

тить внимание на то, что президент Мубарак, отказываясь признать за движением «Братья-мусульмане» статус политической партии, на определенном этапе разыгрывал карту «исторического примирения» с этой организацией, со времен Насера находившейся под запретом. «Братство» же, со своей стороны, сделало упор на проникновение в неправительственные организации (НПО) и активизацию их благотворительной деятельности.

Показательно, что количество добровольных общественных ассоциаций (формально неполитических) в Египте стремительно растет, уже достигнув нескольких десятков тысяч. По мнению социологов, они особенно привлекательны для молодежи, современное поколение которой уже не видит для себя перспектив на государственной службе или, по крайней мере, не может рассчитывать на государственную милость; в равной мере оно равнодушно и к деятельности в рядах политических партий, которые к тому же имеют «столичный» характер, не обладают развитыми структурами на местах. Только правящая Национально-демократическая партия (НДП), унаследовавшая традиции Арабского социалистического союза (АСС), имеет свои отделения во всех 26 провинциях (мухафазах) Египта. Вследствие всего этого легальные оппозиционные партии не приходится рассматривать как эффективный инструмент обратной связи между обществом и государством. Тем не менее их парламентское представительство (пусть речь идет о десятке мандатов), а главное – голос в средствах массовой информации оказывают свое влияние на политический климат в стране, что в полной мере проявилось в ходе дискуссий по поводу перехода к рыночным реформам[59].

Поляризация общественного мнения по вопросу о приватизации. Каждая из оппозиционных партий[60], число которых при Мубараке расширилось до 14 (из них 5 обладают реальным политическим весом), имела свои аргументы против программы структурных реформ еще в конце восьмидесятых годов, то есть на том этапе, когда программа была еще в проекте. Основным объектом критики или хотя бы поводом для сомнений была именно политика в отношении госсектора, которую в Египте коротко называют «приватизация и ликвидация».

Основные представители правой части египетского политического спектра – партия Новый Вафд, наследница самой влиятельной в дореволюционном Египте буржуазной партии Вафд, и Либерально-социалистическая партия (ныне Партия либералов), соглашаясь в целом с необходимостью освобождения хозяйства из-под государственной опеки, выражали опасения в отношении методов, которыми оно, это освобождение, станет осуществляться – к тому же при отсутствии политической реформы, которая должна была бы предшествовать экономической.

Левый центр политических сил, представленный Арабско-демократической партией насеристов[61] и Национально-прогрессивной (левой) партией (НПП) – *Тагамму'*, выступил против курса пра-

вительства в основном из-за отсутствия социальной реформы, которая предваряла бы хозяйственную реформу или, по крайней мере, сопутствовала бы таковой. Исходя из идейных соображений, *Тагамму'* резко осуждала программу приватизации, утверждая, что египетское государство уступает функции управления международным финансовым институтам. Экономическая политика режима трактовалась как продукт действия бюрократических, технократических и паразитических сил[62].

Партия *Тагамму'* имела исторические и идеологические предпосылки для того, чтобы выступать против ликвидации и приватизации предприятий госсектора. В 1987 году основатель партии Халед Мохи ад-Дин, один из бывших руководителей организации «Свободные офицеры», объяснял это следующим образом:

«Большинство наших [членов *Тагамму'*] работали в том или ином качестве у Насера. Но Садат отправил многих из нас в тюрьму, потому что мы выступили против политики «открытых дверей» и свободной торговли, которые воссоздали буржуазию. Примером этого является возвращение Вафда. Мы же верим в централизованное планирование. Это – модель экономики, которая сработала на Востоке и сработала бы у нас, если ее последовательно придерживаться, однако с 1974 года началась политика «открытых дверей». Я уверен, что президент Садат ввел ее для выгоды меньшинства, а не для процветания Египта… Государственный сектор – единственное, что поддерживает стабильный уровень жизни в Египте, потому что это система, основанная на социальной справедливости. «Приватизация и ликвидация» – это сумасшествие. Кому выгодно продавать государственное имущество частным предпринимателям, которые, естественно, займутся обкрадыванием бедных, чтобы самим стать богатыми? Так происходило до революции 1952 года, и случится вновь, если начнется приватизация. Нельзя губить государственный сектор, потому что государственный сектор – это Египет. И сегодня он необходим нам, как никогда»[63].

Таким образом, уже в конце восьмидесятых *Тагамму'* не принимала сами основы приватизации. С течением времени позиция партии мало изменилась. В «Программе периода преобразований», принятой партией в феврале 1993 года, в пункте пятом, говорится о необходимости опоры на собственные силы, об обеспечении роста национального производства и развитии сельского хозяйства благодаря повышению производительности труда, а не путем ликвидации госпредприятий или продажи их долей частному сектору. Для этого, по мнению членов *Тагамму'*, необходимо произвести оздоровительную экономическую реорганизацию госсектора, усилив бюджетное финансирование его предприятий, реально оценив стоимость его продукции, назначив специальных контролеров, которые противостояли бы его разворовыванию, обеспечивали соблюдение прав работников и их активную роль в управлении[64].

Наконец, своеобразное, как будто непоследовательное, но имеющее свою логику отношение к реформам высказывали, как высказывают и сейчас, деятели Социалистической партии труда (СПТ), тяготеющие к идеологии исламского фундаментализма. При этом в заявлениях отдельных представителей партии слышна разноголосица. Одобряя идею рынка вообще, как не противоречащую исламу, идеологи СПТ относятся настороженно к приватизации госсектора, оговариваются, что она не может быть всеохватывающей и не должна разрушать систему социальных гарантий.

Один из депутатов от СПТ в египетском парламенте созыва 1987 года Ахмед Сейфу-ль-Ислам Хасан аль-Банна, внук основателя ассоциации «Братья-мусульмане», знаменитого Хасана аль-Банны, так отвечал на вопрос о мнении его партии по отношению к приватизации и ликвидации убыточных предприятий: «Фундаментальной идеологией СПТ является ислам. Свободная торговля – путь Пророка. Поэтому мы верим в необходимость свободной торговли в контексте политических и социальных задач Египта, поддерживаем расширение частного сектора, если это не нарушает социальной справедливости»[65].

Когда правительство на деле начало проводить реформы, СПТ потребовала ввести ряд условий, ограничивающих расширение частного сектора за счет государственного. Ее лидеры со всей силой обрушились на коррупцию, разъедающую верхи, и на скрытые происки внешних сил, предлагая заменить налоговую систему западного типа традиционным *закятом* и утвердить другие нормы «исламской экономики».

Публичное обсуждение проблемы госсектора в канун реформ. Большой интерес представляют материалы, отражающие ход первой широкой, выплеснувшейся далеко за круги специалистов и профессиональных политиков дискуссии по поводу реформирования госсектора. Она велась вне партий, далеко не всегда проходила по их границам, в ней участвовали многие видные партийные деятели, выступавшие и на личной основе, и в качестве представителей своих организаций.

Открытая полемика началась с заявлений для печати в августе-сентябре 1989 года некоторых членов правительства, неоднозначно комментировавших экономическую ситуацию и перспективы реформ по западным рецептам. Дело в том, что в эти месяцы общее падение производства все продолжалось, очередные переговоры с МВФ, тянувшиеся больше года, зашли в тупик, а в октябре ожидался визит в Египет миссии Фонда, и тем временем в кабинете ‘Атефа Сидки возникли разногласия по поводу дальнейшего формирования бюджета. Одной из их причин стало подведение итогов второго года (1988/89 финансовый год) выполнения государственного плана развития, показавшее, что частные и смешанные компании терпят убытки, а их совокупные инвестиции – ниже ожидаемых. В этой связи автор отчетного документа вице-премьер и министр планирова-

ния Камаль аль-Ганзури подчеркнул, что госпредприятия имеют более устойчивое положение, нежели частный сектор.

Дискуссия по поводу приватизации, развернувшаяся в конце 1989 года с участием парламентариев, ученых и журналистов, не привела к явной победе какой-либо из групп. Однако на разных дискуссионных площадках наблюдался невиданный до тех пор в египетском обществе уровень напряженности и открытого расхождения во мнениях по этой проблеме[66]. Можно заключить, что в Египте по отношению к приватизации сформировались три основных подхода, три концепции.

Первую концепцию можно охарактеризовать как консервативную (консервативную – не в традиционном западном понимании, а в том значении, какое это слово имело, например, в либеральных кругах советского общества эпохи перестройки и распада СССР, когда ортодоксальных коммунистов называли «правыми»). Ее суть выражается в необходимости продолжать линию этатизма с опорой на государственный сектор. Сторонники данной концепции ссылались при этом на опыт развитых капиталистических стран, где, по их словам, доля госсектора достигает 30–40%. Они указывали на то обстоятельство, что госсектором накоплен огромный опыт работы – и именно ему под силу вывести экономику из кризиса. Приватизация, по их утверждениям, Египту не только не нужна, но даже опасна.

Наиболее активно эту позицию выражал тогдашний глава министерства промышленности Мухаммед Абдель Ваххаб. Его точку зрения разделяли ведущие деятели Социалистической партии труда Махмуд аль-Бакри и Хильми Мурад (заявлявшие, что госсектор стал неотъемлемой частью национального хозяйства и разве что мелкие предприятия следует вернуть их прежним владельцам). В том же духе высказывался видный публицист Ибрагим ‘Иссави из партии *Тагамму‘*. Член экономического комитета своей партии, он особенно настаивал на том, что перемены в госсекторе, если и нужны, то в первую очередь должны быть направлены на демократизацию внутреннего управления.

Другая концепция – умеренно реформаторская. Она допускает перестройку государственного сектора при сохранении его ведущей роли в экономике. В рамках этого подхода высказывались предложения о частичной приватизации госсектора и прочих мерах, направленных на повышение его эффективности, в том числе таких, как создание совместных предприятий, внедрение современных методов управления и предоставление больших прав директорам. Данные методы чаще всего предлагались в научных кругах и от имени университетской профессуры, а также влиятельными членами директорского корпуса – такими, как ‘Адель Газарин (в 1989 году – президент Египетской промышленной федерации) или Диаэддин Тантави (председатель совета директоров Компании железа и стали) и другими.

И наконец, собственно реформаторская концепция. Как и в России, ее сторонники исходили из известных западных концепций либерализма в экономике. Среди ведущих экономистов-теоретиков и политологов Египта большинство составляют сторонники реформирования госсектора, но лишь немногие из них были убеждены в необходимости полной и скорейшей приватизации. Яркими сторонниками таковой были министр туризма Фуад Султан и ряд известных финансовых экспертов – например, Хасем аль-Беблави (глава Египетского банка развития экспорта).

Конечно, такое разделение концепций является до определенной степени условным. В реальной жизни границы между интересами, приоритетами различных политических и социальных групп не всегда бывают вполне отчетливыми, а их позиции не остаются неизменными и не исчерпываются сказанным.

Правящая Национально-демократическая партия (НДП) в основном постоянно поддерживала позицию президента, являющегося ее председателем. Тем не менее в парламенте делегаты от НДП в ряде случаев проваливали конкретные предложения по приватизации (как это было, например, в феврале 1988 года с голосованием по отелю Сан-Стефано в Александрии). Подход самого Мубарака, в свою очередь, претерпевал известную эволюцию. Так, если в конце восьмидесятых он неоднократно подчеркивал, что цены на основные продукты потребления ни в коем случае не должны вырасти, говорил о том, что приватизация, которую ему настоятельно рекомендуют проводить западные и некоторые отечественные советники, это – не египетский путь, то с начала девяностых глава государства отстаивает приватизационные программы, причем все более решительно.

Небезынтересным является то обстоятельство, что крупные чиновники, ученые-экономисты, государственные деятели, представители финансовых кругов и туристического бизнеса, как правило, выступают за более полную и глубокую либерализацию экономики. Промышленники, напротив, либо тяготеют к сохранению ситуации, которая сложилась еще при Насере (и лишь частично была изменена при Садате), либо поддерживают реформы, но с большим количеством оговорок.

Традиционно критическим отношение к приватизации было и остается у руководителей профсоюзов. В ходе дискуссии, о которой идет речь, и в более поздних выступлениях они отрицали программу ERSAP как способ улучшить хозяйственную ситуацию, всячески подчеркивали различия между экономическими системами Египта и стран Запада. Профсоюзы особенно обеспокоены опасностью сокращения числа рабочих мест в результате приватизации, неминуемым ростом безработицы, дальнейшим ущемлением прав работников наемного труда. В ряде случаев отраслевые подразделения Египетской федерации труда (ЕФТ) занимают более жесткую позицию,

чем центральное руководство профобъединения, как правило, не одобряющее забастовки.

Когда под занавес дискуссии о приватизации, 26 декабря 1989 года секретарь НДП Камаль аль-Шазли выступил в прессе с программным документом правящей партии, в котором содержались предложения по реорганизации госсектора, реакция синдикалистов была резко отрицательной. Она выразилась в образовании специального комитета из девяти видных представителей профсоюзов для подготовки соответствующего доклада, который впоследствии был послан премьер-министру ‘Атефу Сидки. Доклад был также опубликован в оппозиционной газете «Аш-Шааб»[67], печатном органе СПТ (тираж 50 тыс. экземпляров).

Авторы доклада ратовали за сохранение контроля над ценами, за обеспечение госсектора иностранной валютой в целях покрытия всех его нужд, за сохранение существующей структуры госпредприятий и за правительственную поддержку компаниям-должникам, испытывающим трудности по независимым от них причинам. Федерация профсоюзов призвала государственные компании не осуществлять инвестиции в совместные предприятия, так как это, по ее мнению, стало главной причиной убытков, которые терпит госсектор.

И все же, несмотря на большое количество оппонентов, правительство оставило за собой право решать дальнейшую судьбу реформ. Трудное экономическое положение, а также жесткая позиция кредиторов привели к подписанию в мае 1991 года второго соглашения Египта с МВФ и МБРР. Значительная часть внешнего долга страны была списана – и приватизация в Египте стала приобретать реальные очертания.

Первой отраслью, подвергшейся приватизации, стал туризм. В частные руки было продано большое число предприятий гостиничного комплекса. Началась постепенная продажа на бирже и специальных аукционах компаний пищевой промышленности, принадлежавших местной (губернской) администрации, объектов сельскохозяйственного комплекса: птицеферм, молочных заводов и т. п., а также некоторых предприятий, занимающихся добычей и переработкой полезных ископаемых. Было объявлено, что все компании, получающие государственные дотации, будут со временем проданы. Их перечень, очередность выставления на торги, равно как и стартовая цена утверждались Министерством государственной экономики и административного развития во главе с ‘Атефом Эбейдом (нынешний премьер) после согласования со специальной группой экспертов.

Однако период 1993–1995 годов характеризовался замедлением темпов приватизационного процесса. Правительство, по всей очевидности, опасалось резкого усиления социальной напряженности и в первую очередь нуждалось в новых валютных поступлениях для более полного финансирования реформ. Поэтому не прекращались консультации с зарубежными кредиторами (подробнее об этом

см. ниже). Вполне очевидной причиной торможения, а по существу – перерыва в деле приватизации, стал рост числа забастовок, демонстраций и актов саботажа в ответ на решения денационализировать либо обанкротить убыточные предприятия: если в 1990 г. было зарегистрировано всего 10 трудовых конфликтов, то в 1992 г. – 137, а в 1993 г. – 183. Еще быстрее росло число столкновений с исламскими экстремистами: 96 террористических актов и других выступлений в 1991 г. и больше тысячи в 1993 г. Добавим, что в первой половине девяностых в стране существовал однопартийный парламент, почти полностью сформированный депутатами от правящей НДП. Это, казалось бы, давало центральной власти свободу рук. Но оппозиция, включая вафдистов, недовольная авторитарными методами руководства, на том этапе отмежевалась от экономической политики правительства и создала Мубараку проблемы накануне его избрания на новый президентский срок в 1993 году, проигнорировав призывы к возобновлению национального диалога.

Ход реформ в первую половину 1990-х годов. В период рыночных преобразований по схеме, предложенной МВФ, Египет на первой стадии осуществлял в основном стабилизационные мероприятия, целью которых было определено сокращение бюджетного дефицита. Такая политика принесла свои положительные результаты: доля государственных расходов в ВВП сократилась с 43,5% в 1988–89 гг. до 34% в 1992–93 гг., а доля доходов, напротив, возросла с 26–28% до 30%[68]. Соответственно, дефицит бюджета снизился, и эта тенденция сохраняла устойчивость до последнего времени.

Административный контроль над ценами был снят по всей категории промышленных товаров, кроме основных медикаментов. Внутренние цены на нефтепродукты повысились с 35% от мирового уровня в 1990 году до 80% – к концу 1992 года, существенно возросла и плата за электроэнергию. Последовательно сокращалось субсидирование цен на продукты питания, но нетронутой осталась цена на хлеб[69].

Уже в начале стабилизационного периода правительству удалось сбить ежегодные темпы инфляции до однозначных величин (6–7% к середине девяностых годов против прежних 20–22%)[70], принять меры против долларизации экономики и повысить доверие к национальной валюте. Сдерживая давление на денежную массу, египетские власти с января 1991 года приступили к еженедельной продаже казначейских билетов. В том же году была завершена поэтапная отмена системы множественных обменных курсов; упразднялся фиксированный, притом завышенный официальный курс для расчетов, находившихся в компетенции Центрального банка. Этот курс, считавшийся основным, в конце 1980-х годов слегка варьировался вокруг отношения один к одному между ег. фунтом и американским долларом и применялся к важнейшим статьям внешней торговли, поскольку Центральный Банк контролировал 2/3 товарного экспорта,

включая нефтяной, и 1/4 импорта, а также осуществлял 40% трансфертов по невидимым статьям[71].

С осени 1991 года обменные соотношения для всех валютных операций были унифицированы и стали осуществляться на основе рыночной котировки египетского фунта, теперь фактически привязанного к доллару. Стоимость национальной валюты по отношению к американскому доллару упала с отметки 2,7 ег. фунта за 1 доллар США в 1990 году до показателя 3,3 фунта за доллар в конце 1991 года, но затем обменный курс поддерживался фактически на неизменном уровне благодаря интервенциям Центрального Банка, сумевшего увеличить свои золотовалютные резервы. И лишь в 2001 г. произошла новая девальвация: 4,15 фунта за 1 долл. по ноябрьскому курсу ЦБ; 4,26 фунта за 1 долл. – средний курс по банковским сделкам за октябрь.

Оздоровлению финансовой ситуации в начале девяностых способствовало увеличение доходности депозитов в национальной валюте, что рассматривалось как мера против утечки капиталов за рубеж[72]. Она действительно повысила привлекательность местного рынка для внешних инвесторов и стимулировала конвертацию сбережений многочисленных рабочих-эмигрантов в египетские фунты. Как следствие, совокупный удельный вес банковских депозитов в инвалюте снизился с 50% в 1991 году до 23% в 1993 году.

Новая кредитная политика, отменившая пониженную процентную ставку для предприятий госсектора, способствовала увеличению – с 25% ВВП в 1990 г. до 33% в 1995 г. – доли частного сектора в заемном капитале. Это рассматривается международными экспертами как хороший показатель, в среднем более высокий в Египте, чем в других развивающихся странах, хотя и отстающий от уровня, достигнутого в их лучшие годы «азиатскими тиграми»[73].

Предпринимались решительные шаги по снижению таможенных барьеров, что также отвечало параметрам, заложенным в соглашениях с МВФ. Либерализация внешней торговли выразилась прежде всего в снижении импортных пошлин. В результате этого возросли закупки товаров и услуг. Ближе к середине 1990-х годов правительство АРЕ продолжило осуществление этих мер, решив снизить с декабря 1994 года до 10% пошлины на ввоз целой группы товаров производственного назначения.

Тем не менее международные финансовые институты, равно как сторонники рыночных форм развития в самом египетском правительстве были недовольны слишком длинной паузой, образовавшейся между монетаристской стабилизацией и структурными реформами. Действительно, в планах приватизации значилось более трехсот государственных компаний, но к началу 1994 года были проданы лишь единицы, не считая второстепенных, главным образом муниципальных объектов. Их акции были предложены местным и зарубежным покупателям после задержки (с июня 1992 до марта 1993 г.) перевода половины кредита от МБРР в 300 млн. долларов на цели структурного реформирования.

Согласно договоренности с МВФ и следуя правительственному указу, изданному в феврале 1993 года, полагалось в двухлетний срок выставить на торги 125 компаний из главного приватизационного списка и продолжать реструктуризацию остальных. Однако реальные результаты, особенно в промышленности, оказались более чем скромными. Не обнаружилось претендентов на роль единичных стратегических инвесторов. Это привело к дроблению пакетов акций, распространяемых на местных фондовых рынках. За первое полугодие 1994 года удалось заключить лишь три относительно крупные сделки на полное приобретение консорциумами зарубежных и египетских инвесторов двух фирм пищевой промышленности (производство напитков Кока-кола и Пепси-кола), на которых суммарно было занято 8 тыс. человек, и завода котельного оборудования[74].

Кроме того, к апрелю 1995 года государство уступило часть своего пакета акций (от 6 до 32% уставного капитала) в семи компаниях, занимавшихся производством цемента, выпуском химической продукции, а также одежды и текстиля[75]. В редких случаях, в основном на мелких заводах и фабриках, частным инвесторам передавался контрольный пакет акций.

По причине невыполнения Египтом программы приватизации, являвшейся составной частью ERSAP, Парижский клуб в 1994 году отменил намеченное на этот срок списание части египетского долга размером в 4 млрд. долл. Камнем преткновения в переговорах с МВФ стало и требование последнего девальвировать египетский фунт, на что правительство АРЕ не могло решиться, хотя признавало обоснованность соответствующих рекомендаций с точки зрения повышения конкурентоспособности национального экспорта.

Парламентские дебаты 1996 года. Принятие программы второго этапа приватизации. В начале 1996 года президент Мухаммед Хосни Мубарак обновил кабинет министров, но при этом сохранил всех прежних силовых министров, а также министра иностранных дел Амра Мусу и министра туризма Фуада Султана – известных сторонников социально-экономических изменений рыночного типа. Премьер-министром стал Камаль эль-Ганзури, а пост министра экономики занял Юсеф Бутрос Гали[76], племянник бывшего Генерального секретаря ООН, получивший в США ученую степень, имеющий опыт работы в системе МВФ и на тот момент – поклонник идей автора аргентинских реформ Доминго Ковальо. Своим кредо он объявил – «держать политиков на расстоянии от экономики»[77].

После консультаций премьера с президентом страны, а также с руководством МВФ, правительство Египта 14 февраля 1996 года выпустило декрет об ускорении приватизации со списком из 50 объектов, приватизируемых в первоочередном порядке. Новая программа, рассчитанная до 1998 года, вызвала оживленную и продолжительную полемику в Народном собрании. Особо следует отметить, что лидеры оппозиционных партий: Арабско-демократической

партии насеристов, Национально-прогрессивной партии – Тагамму' и Социалистической партии труда – не ограничились ею, но даже попытались в судебном порядке опротестовать действия правительства. Слушание дела должно было начаться 28 мая 1996 года в Административном суде, который мог либо отклонить иск, либо передать его дальше в Высший Конституционный суд. Слушание, однако, не состоялось. Его опередило решение парламента. В конце апреля под давлением правительства и президентской администрации он утвердил план ускорения реформ.

Содержание предварительных обсуждений в Народном собрании заслуживает внимания. Согласно парламентскому регламенту, была создана специальная комиссия для рассмотрения вопроса о приватизации, в которую вошли в основном представители президентской НДП и независимые депутаты, которые высказали недовольство тем, что правительство не дало им времени во всех деталях и поэтапно рассмотреть проект[78]. Депутаты от оппозиционных партий утверждали в ходе дебатов, что кабинет министров не имеет права назначать к продаже какую-либо компанию, принадлежащую государству, так как, согласно принятому еще в 1991 году закону № 203, это право является прерогативой совета директоров предприятия. Многие парламентарии также подчеркивали, что сама приватизация противоречит конституции, где указано, что государственный сектор является народной собственностью и двигателем социального прогресса.

Необходимо иметь в виду, что 23 марта 1964 года, вместо временной конституции ОАР, принятой на момент объединения Египта с Сирией, была одобрена временная конституционная декларация, провозгласившая страну «демократическим, социалистическим государством, основанным на союзе трудовых сил народа: крестьянства, рабочего класса, солдат, интеллигенции и неэксплуататорской буржуазии». С 1971 года существует постоянная Конституция Арабской Республики Египет, в которую вносились изменения и дополнения, одобренные всенародным референдумом 22 мая 1980 года (см. главу вторую). В этом виде Конституция по-прежнему объявляет АРЕ «демократическим социалистическим государством», основанным на союзе трудовых сил народа (статья 1). Далее в Основном законе говорится, что экономической базой государства служит «социалистическая система», которая гарантирует справедливость, должна исключить эксплуатацию и сократить различия в обеспеченности людей материальными благами, но при этом защищает легитимные доходы (статья 4). Согласно Конституции, государственная собственность принадлежит народу. В тексте указано, что государственный сектор, которому отводится ведущая роль в экономике, должен пользоваться всемерной поддержкой (статья 30)[79].

Интересны мнения самих инициаторов дискуссии. Среди них не было полного единства. Из трех вышеназванных оппозиционных

партий только Арабско-демократическая партия насеристов (АДПН) полностью отвергала приватизацию в Египте. Лидер партии Диаэддин Дауд заявил, что решение кабинета министров и президента идет вразрез с конституцией, возлагающей на государство обязанность защищать социалистические достижения, главные из которых связаны с государственным сектором экономики. Он не согласился с тем, что предприятия госсектора несут значительные финансовые убытки. Напротив, по его словам, в определенных областях, таких как строительство, электропромышленность и банковское дело, госсектор традиционно приносит прибыли[80].

Что касается Социалистической партии труда, то ее парламентский представитель Хильми Мурад пояснил, что партия не является противницей приватизации как таковой, но критически относится к тому, каким образом она осуществляется. Он и его сторонники обращали внимание на то, что далеко не всегда продажа компаний происходит гласно, и поэтому трудно проверить, покупают ли их египтяне или же иностранцы, и какова доля каждого из участников сделки, а также куда идут вырученные деньги. Хильми Мурад также заявил, что Конституция 1971 года не отвечает изменившимся реалиям и должна быть изменена[81].

Партия *Тагамму'* потребовала от правительства соблюдения определенных условий при продаже указанных в перечне от 14 февраля 1996 года предприятий. Главное условие, по словам ее генерального секретаря Рифаата ас-Саида, следующее: приватизировать объекты госсобственности могут только египтяне, а прибыль от продажи должна направляться на финансирование социальных программ. Заняв на сей раз умеренную позицию, партия вместе с тем выдвинула требование полностью отказаться от продажи предприятий алюминиевого и электроэнергетического комплексов[82].

Полемика в Народном собрании стимулировала соответствующую дискуссию в прессе. На страницах главной газеты «Аль-Ахрам» сторонники приватизации признавали, что приватизация действительно противоречит конституции, а именно 30-й статье. Об этом, в частности, писал известный политический обозреватель Салах Монтасер[83]. Ряд аналитиков высказался за изменения в Основном законе, дабы он не мог дальше использоваться в целях замедления перехода к рыночной экономике.

В газете «Аль-Вафд» – печатном органе партии Новый Вафд – утверждалось, что простая модификация определенных статей закона недостаточна. «Если мы говорим о настоящей реформе, то Египту нужна новая конституция», – заявил помощник главного редактора газеты Гамаль Бадави[84].

В дискуссию включились профессиональные юристы. По мнению профессора конституционного права университета «'Айн Шамс» Мергани Хейри, в соответствии с буквой закона приватизация дей-

ствительно может быть признана неконституционной, а иск руководителей оппозиционных партий к правительству имел под собой реальную почву. Однако, подчеркнул М. Хейри, прежде чем выносить решение, необходимо не просто рассмотреть противоречие между действиями правительства и текстом закона, но и принять во внимание политические, социальные и экономические факторы, которые в данном случае важнее, чем текст конституции 1971 года, принятый в совсем иных экономических и внешнеполитических условиях. По мнению же спикера Народного собрания, члена НДП Фатхи Сурура, распоряжения правительства по приватизации не противоречат конституции, ибо термин «социализм» не предполагает непременного вмешательства государства в экономику[85].

Противники реформы не желали отступать. Они продолжали настаивать на том, что правительство потеряет доверие всего народа, если будет действовать незаконно. Они заявляли, что, пока в государстве действует социалистическая конституция, приватизации в нем места нет. Например, один из них – профессор конституционного права Каирского университета ‘Атеф аль-Банна указывал: «Конституцию нельзя интерпретировать так, будто бы она позволяет продавать собственность государства. В ее тексте ясно говорится о важности поддерживания государственного сектора и увеличения его роли в социально-экономическом развитии страны»[86]. Используя факт несоответствия Основного закона нынешним реалиям, а также устойчивое нежелание президента менять конституционные нормы, критики реформ создали в начале 1996 года острую ситуацию.

Тем временем МВФ на очередных переговорах в Вашингтоне, состоявшихся 25 апреля 1996 года, потребовал от Египта срочной продажи 70% государственных компаний в обмен на отмену трети египетского долга. А перед этим, 22 апреля, премьер-министр Камаль аль-Ганзури выступил на заседании Народного собрания в защиту приватизации. Он напомнил, что президент Мубарак со всей ответственностью заверил народ и парламент, что ни один рабочий не пострадает от приватизации. Премьер-министр заявил: «Мы не в состоянии управлять всем… О какой политической свободе может идти речь, если нет свободы экономической?»[87]. Он попросил оппозиционных парламентариев дать правительству возможность решать экономические проблемы страны в спокойной обстановке и высказать поддержку курсу проводимых реформ. Что в итоге Народное собрание и сделало подавляющим числом голосов: ведь из 454 его членов 417 человек являлись – в составе того созыва – представителями правящей НДП.

Опираясь на это решение парламентариев, летом 1996 года Египет сумел достичь соглашения с МВФ, которое позволило ему добиться от Парижского клуба списания третьего и последнего транша долга в размере четырех миллиардов долларов.

3. Предварительные итоги экономических реформ рыночного типа

В рамках согласованного с МВФ (октябрь 1996 г.) плана реформирования хозяйства, который получил специальную кредитную линию фонда, намечалось обеспечить повышение общих темпов экономического роста, создать около миллиона рабочих мест и добиться еще более глубокого включения страны в систему мирового рынка. Увеличение объема внутренних и внешних капиталовложений должно было обеспечить прирост ВВП на уровне 7% против 3,6% в 1990–94 годы[88]. Правительство брало на себя обязательство продолжить налоговую и финансовую реформы, а также приватизацию предприятий госсектора. Надо сказать, что в правительственных кругах еще в начале 1998 года сообщили об успешном выполнении намеченных планов. Но в действительности успех оказался далеко не полным. Ряд запланированных мероприятий был отложен еще на два года, а судьба многих государственных предприятий, которые выводились за рамки первого этапа приватизации (среди них самые крупные финансовые учреждения вместе со старейшим в стране банком «Мыср»), остается предметом обсуждения[89].

Анализ имеющихся данных показывает, что правительство АРЕ в известной мере подменяет приватизацию привлечением частных капиталов к новым крупным проектам. Как видно, это дало реальные результаты в производственной и транспортной инфраструктурах, в первую очередь в дорожном строительстве, создании новых аэропортов и развитии телекоммуникаций.

Накануне принятия программы ускорения реформ из 314 нефинансовых компаний, включенных ранее в приватизационный список, оставалось 290. И среди них насчитывалось 16, которые начали соответствующую процедуру[90]. К концу 1997 года государство продало часть своего пакета акций в 53 компаниях (в 42 из них ему принадлежал контрольный пакет), действовавших как в сфере услуг, так и в материальном производстве. Этими мероприятиями были затронуты компании, производящие около 26% промышленной продукции[91]. По состоянию на май 1998 года, государство продало свои акции уже в 84 предприятиях, регулируемых законом № 203, уступив контрольный пакет в 68 из них[92]. Но все же, как явствует, например, из материалов каирской конференции по вопросам экономических реформ (прошедшей в начале 1999 г.), на торги выставляются преимущественно крупные отели, рестораны, а также земельные участки из государственного фонда. Кроме того, приватизационная программа на 1996/97 – 1997/98 годы предусматривала – и этот пункт в основном выполнен – продажу частному сектору государственных акций в страховых обществах и коммерческих банках смешанного типа. Но давно обещанная денационализация хотя бы одного из четырех столпов египетской финансовой системы, контролирующих до 60% коммерческих операций (Банк «Мыср», Национальный банк, Каирский банк и Банк Александрии), отложена на неопределенный срок.

В мае 1998 года МВФ подвел итоги приватизации, которую осуществляют по программе ERSAP тридцать девять стран. Египет оказался на четвертом месте среди них по достигнутым успехам. В этой связи правительственные круги Египта утверждали, что страна в состоянии продолжать реформы самостоятельно, более не нуждаясь в специальных займах Международного валютного фонда и Всемирного Банка, однако поддержание удовлетворительных темпов экономического роста потребует повышения нормы накопления с 18 до 24–25%[93].

16 декабря 1998 года премьер-министр Камаль аль-Ганзури, выступая в Народном собрании с отчетом правительства, сообщил депутатам, что к этому времени 119 из намеченных 314 компаний госсектора прошли процедуру приватизации. Некоторые из них были переданы в распоряжение ЕФТ. Доходы от приватизации, согласно отчету аль-Ганзури, составили 9 млрд. ег. фунтов, из которых 3,1 млрд. поступили в казну, 2,8 млрд. были уплачены банкам в счет задолженности предприятий, 1,2 млрд. розданы в виде акций рабочим, еще 1,9 млрд. пошли на выплату пенсий[94]. В своих выступлениях президент Хосни Мубарак подчеркивает, что «приватизацию в Египте осуществляет государство и в государственных интересах, а не в интересах какой-нибудь финансовой группировки»[95]. Правительство – в лице министров и председателя – непременно обращает внимание на то, что рабочие являются полноправными участниками приватизации.

И египетское правительство, и чиновники МВФ неизменно в радужных тонах говорят об успехе приватизации. Египетское правительство утверждает, что в результате последовательных действий Египет вдохнул силы в национальную экономику, и она уже доказала свою прочность и самостоятельность, устояв в захлестнувшем полмира финансово-экономическом кризисе. Сообщалось также, что золотовалютные резервы Центрального банка существенно увеличились (по состоянию на конец 1998 года – 20 млрд. долл.)[96]. МВФ, в свою очередь, говорит о Египте как примере успеха экономического лечения по методике фонда.

Выступая на международном экономическом форуме в Давосе в январе 1999 г., представитель египетского правительства, министр иностранных дел Амр Муса заявил, что по итогам 1997/98 финансового года рост ВВП составил 5,7%, а бюджетный дефицит снизился до 1% по отношению к ВВП. Иностранные инвесторы удовлетворены сложившимися в стране условиями. Между 1994/95 и 1997/98 годами приток капитала извне увеличился более чем на 40%. По словам министра Амр Мусы, вклад частного сектора ныне составляет почти 69% в создании ВВП, и теперь Египет занимает одно из лидирующих мест среди развивающихся рыночных экономик[97]. Разумеется, поскольку речь идет об официальных заявлениях и прогнозах, следует воспринимать их с особой осторожностью. По оценкам независимых экспертов, Египту потребуется еще двадцать – тридцать лет для перестройки своей высоко этатизированной экономики[98].

Общие заявления Мирового банка и МВФ в известной мере политизированы. В рабочих документах этих организаций содержатся расчеты, показывающие несколько вероятных моделей экономического роста для Египта на начало XXI века, в их числе – и депрессивные[99]. Что касается приватизации, то ее первоначальный план к концу 1998 года был выполнен только на треть[100] (и в дальнейшем его выполнение не было ускорено). Кроме того, с торгов ушли наиболее прибыльные компании, а у оставшихся банковская задолженность резко возросла по сравнению с дореформенным 1989/90 годом. Это свидетельствует о продолжении косвенного субсидирования госпредприятий из бюджетных средств (через государственные же банки). Как отмечают обозреватели, государство предпочитает продавать лишь небольшую часть акций своих компаний, оставаясь де-факто их собственником, но при этом у предприятий изменяется юридический статус, что позволяет высшим менеджерам увеличить свои доходы и освободиться от обязательного ранее участия рабочих в советах по управлению[101]. Тенденция последних лет свидетельствует о том, что правительство снимает на неопределенный срок с аукционов целый ряд компаний, относящихся к сфере телекоммуникаций, что объясняется падением мировых цен на акции этого сектора, и желает продавать предприятия стройиндустрии, прежде всего цементные заводы.

И последнее, о чем свидетельствуют неутешительные статистические выкладки. Как признает в своем обзоре, изданном в январе 1999 года, авторитетный египетский Центр политических и стратегических исследований, на фоне обнадеживающих темпов агрегированных показателей экономического роста (по оценке Центра, увеличение ВВП в 1996 и 1997 годах составило соответственно 4,3 и 5%) «экспортная стратегия» потерпела полный провал[102]. Не только не удалось сбалансировать внешнюю торговлю, но ее общий оборот относительно ВВП рос медленнее, чем в других арабских странах, проводящих аналогичные реформы и продвигающихся к намеченному на 2010 г. приему во Всемирную торговую организацию, а также к более тесной интеграции с ЕС. Как сообщается в обзоре, по сравнению с 1980 годом египетский экспорт в стоимостном выражении и неизменных ценах возрос к 1996 году всего на 16%, а в Сирии – почти на 89%, в Марокко – на 97% и в Тунисе – на 147% за тот же период[103]. Подобная картина сохранилась и в дальнейшем.

Если обратиться к другому показателю, отражающему степень вовлечения страны в мирохозяйственные связи (доля египетского экспорта в мировом), то он понизился с 0,1% в 1985 году до 0,07% в 1995–1996 годах[104]. Не состоялась и увязка между расширением экспортной базы и созданием дееспособного национального частного бизнеса, доля которого в вывозе готовых изделий минимальна. В структурном отношении экспорт развивался в основном по статьям услуг и за счет вывоза энергоносителей. В период с 1991 по 1996 годы

сфера услуг, включающая такую динамичную отрасль, как туризм, обеспечивала Египту 67–70% экспортных поступлений, что несколько превышало соответствующий показатель в Ливане – стране, традиционно ориентированной на посредническую деятельность (60–66%), и резко отличалось от уровня, характерного для других арабских стран средиземноморской зоны: например, в разные годы миновавшего десятилетия экспорт услуг составлял в Марокко от 25 до 39%, в Тунисе – от 27 до 35%[105]. В свою очередь, товарная часть египетского экспорта высоко концентрирована: половину выручки обеспечивает вывоз энергоносителей, а в промышленном экспорте свыше 50% падает на долю текстильных товаров и готовой одежды. Отсюда и подверженность внешней торговли ценовым колебаниям на мировом рынке.

При сложившейся структуре внешней торговли будущее экономики выглядит проблематичным. Ведь Египет отнюдь не является обладателем крупных запасов нефти (менее одного процента резервной базы Ближнего Востока) и, по имеющимся оценкам, через 10–15 лет может стать ее чистым импортером[106]. В свою очередь, вывоз текстильной продукции зависит от квот, устанавливаемых на европейском рынке.

Относительно показателей движения ВВП специалисты сходятся во мнении, что они всегда недостаточно надежны, поскольку в реальной жизни Египта четверть, если не половина производства товаров и услуг приходится на неформальный сектор, который официальная статистика не отражает[107].

Но и динамика учтенных объемов, даже если кривая их роста поднялась в последние годы, может проявить обратную тенденцию в начале наступившего столетия, поскольку слабым местом египетской экономики остается недостаточный уровень внутренних сбережений – как государственных, так и частных. К тому же сокращение госинвестиций (и государственных расходов вообще), положительно повлиявшее на состояние бюджета, имеет свои пределы в условиях, когда прогнозируется ежегодное появление на рынке труда до 500–600 тысяч молодых людей (в возрасте 15–24 лет), ищущих работу и представляющих собой самую политически нестабильную часть общества.

Показательно, что одним из первых шагов нового кабинета министров, сформированного ‘Атефом Эбейдом после президентского референдума 1999 года (см. об этом подробнее в главе третьей), стало создание Министерства по проблемам молодежи. Его главой был назначен ‘Али ад-Дин Хиляль аль-Дессуки, до недавнего времени занимавший должность декана факультета политических и экономических наук Каирского университета, известный экономист, на работы которого в настоящей книге имеется ряд ссылок. Это назначение было не случайно – новый министр популярен в студенческой среде. Он заявил, что министерство будет заниматься подготовкой молодого поколения египтян к решению назревших социально-экономических вопросов. Иными словами, многомиллионной египет-

ской молодежи нужно помочь найти свое место в жизни. В непосредственной связи с этим встает задача побудить молодых людей сделать свой образ жизни более здоровым и – что особенно важно для египетских условий – содействовать снижению уровня рождаемости. Не менее актуальная для египетского правительства цель – воспрепятствовать вовлечению молодежи в религиозные экстремистские организации и предложить ей достойную альтернативу.

Подходы кабинета 'Атефа Эбейда к делу приватизации. По закону, в начале нового президентского срока кабинет министров подает в отставку. Как уже упоминалось выше, в декабре 1999 года формирование нового правительства Мубарак поручил 'Атефу Эбейду, которого и назначил премьер-министром. Это явилось неожиданностью для большинства обозревателей. Отправленный в отставку прежний премьер-министр Камаль аль-Ганзури занял этот пост в январе 1996 года, вскоре после парламентских выборов 1995 года. Его кабинет продержался 45 месяцев, в то время как средний срок деятельности предыдущих девяти кабинетов министров, сформированных при Мубараке, составлял 20 месяцев.

Почему же был уволен Аль-Ганзури и назначен именно 'Атеф Эбейд?

Нельзя исключить правдоподобного в таких случаях предположения, что президент произвел замену премьера, не желая дальнейшего роста влияния последнего как самостоятельного политика. Однако пока затруднительно привести какие-либо весомые аргументы в пользу этой версии. Бесспорно, отчасти Аль-Ганзури поплатился за так называемый «долларовый кризис». В конце зимы 1999 года на фоне разговоров относительно вероятного падения курса египетского фунта резко возрос внутренний спрос на американский доллар. Несмотря на заверения правительства о том, что страна располагает достаточными долларовыми резервами (и серию правительственных предупреждений в адрес коммерческих банков и пунктов обмена по поводу недопустимости перебоев с продажей наличных долларов всем желающим)[108], приобрести иностранную валюту зачастую можно было только на черном рынке. Пик ажиотажа пришелся на август, что вызвало тревогу за ход процесса финансовой стабилизации. В середине сентября Камаль аль-Ганзури объявил, что «долларовый кризис, сфабрикованный спекулянтами, закончился, и впредь никто не станет верить слухам о нехватке долларов США в Египте»[109].

Создается впечатление, что, зная о намечающейся отставке или хотя бы догадываясь о ней, Аль-Ганзури пытался бороться за свой пост с помощью прессы. Незадолго до референдума в газетах появился поток сообщений о дополнительных иностранных инвестициях в отечественную экономику, о новых предложениях по покупке контрольных пакетов акций двух ведущих каирских банков (разговор об их приватизации шел уже давно). Стало также известно об открытии новых запасов нефти, о заключении контрактов с иностранными

компаниями по поводу строительства двух аэропортов и т. п., то есть – о разнообразных успехах правительства на ниве экономики и хозяйственной реформы.

Однако публичная критика лично Аль-Ганзури оставалась резкой, и она усилилась непосредственно перед референдумом. Так, главный редактор газеты «Аль-Гумхурийа» Самир Рагаб заявил на ее страницах: «Народные массы имели большие надежды. Но они разбились о скалу слабого управления, высокомерия, равнодушия и себялюбия»[110]. Многие другие журналисты и политические деятели также весьма критически отзывались об Аль-Ганзури, обвиняя его в медлительности, неповоротливости, в односторонней ориентированности на сельское хозяйство, в увлечении амбициозными проектами озеленения пустынь, в недостаточном внимании к современным технологиям, к системе образования, к инфраструктуре в целом. Но были и такие, кто отмечал, что Аль-Ганзури продвигал финансовую и экономическую реформы – и это притом, что прежние кабинеты их тормозили.

Невозможно однозначно отнести Аль-Ганзури к либералам или к консерваторам. В свое время он возглавил правительство потому, что хорошо знал, как функционирует египетская государственная система, и смог добиться политического консенсуса, необходимого для ускорения либеральных экономических реформ. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что раньше, в конце 1980-х годов, состоя в правительстве в качестве его рядового члена, он выступал в экономических дискуссиях с позиций «государственника»[111]. Ведь будучи премьер-министром, Аль-Ганзури, как уже говорилось выше, применил все свое влияние, добиваясь того, чтобы Народное собрание поддержало курс на движение к рынку.

На момент назначения премьер-министром ‘Атефу Эбейду было 67 лет. С 1984 года он является членом правительства и обладает огромным управленческим опытом. В качестве министра государственных предприятий он стал архитектором «неолиберальной» экономической реформы, начав вплотную заниматься ею еще на стадии предварительных переговоров с Международным валютным фондом. В течение 1993–1997 годов Эбейд также совмещал посты министра госпредприятий, управляющего делами кабинета министров и министра административного развития. Сторонники экономического либерализма как в Египте, так и за рубежом считают Эбейда частью старой «градуалистской» школы реформаторов – людей, которые не вполне убеждены, что рынок надо либерализовать, а структурную перестройку надо стимулировать, но которые будут этим заниматься, если им так прикажет президент. Иными словами, фигура Эбейда ассоциируется с тем же осмотрительным подходом к экономической реформе, которого придерживался и его предшественник.

Назначив Эбейда, президент Мубарак сохранил сложное равновесие. Ведь в стране все еще сильна оппозиция программе реформ.

Уровень жизни большинства населения не улучшился, а нувориши проявляют слишком бросающуюся в глаза склонность к потреблению. Оппозиционная пресса с новой силой подогревает бытующее мнение о том, что судьба страны – в руках небольшой группы предпринимателей, имеющих непосредственный доступ к президенту. Говорилось и о том, что вместе с падением торговых барьеров и в ходе распродажи государственной собственности иностранцы получат слишком легкий доступ к национальному достоянию Египта.

В глазах значительной части политического истеблишмента ‘Атеф Эбейд – по меткому выражению журналистов – может выглядеть «шайтаном приватизации», но это шайтан, которого страна знает. Еще накануне референдума, 25 сентября 1999 г., будущий премьер-министр сообщил, что с начала структурных реформ в реальном секторе (с 1993 года) государство получило 5,5 из 7,5 млрд. ег. фунтов общей стоимости приватизированных предприятий. В эксклюзивном интервью агентству МЕНА Эбейд заявил, что оставшиеся 2 миллиарда будут получены в течение нескольких ближайших месяцев[112]. Касаясь вопроса о работниках приватизируемых предприятий, Эбейд сказал, что государство не поскупилось заплатить около 2,4 млрд. ег. фунтов ста двадцати тысячам рабочих и служащих, которые должны были выйти на пенсию раньше срока[113]. Он отверг предложение о продаже государственных фармацевтических компаний, так как, по его убеждению, задача государства – обеспечивать доступные цены на медикаменты. Однако автор интервью предположил, что новое правительство сможет выделить часть акций этих компаний для того, чтобы население могло на них подписаться. Эбейд также известил о планах продажи 44 государственных предприятий (суммарная стоимость – 6,6 млрд. фунтов, в том числе четыре цементные компании, оцениваемые в 2,2 млрд. фунтов), 10% акций компании Eastern Tobacco[114] и 35% акций компании, производящей лакокрасочные вещества (всего на сумму около 1 миллиарда фунтов). Пять компаний, занимающихся розничной торговлей («‘Омар Эффенди», «Седнави», «Ханну», «Бензион» и компания по продаже египетских товаров), которые имеют 270 отделений по всей стране, правительство было намерено продать финансовым концернам через аукцион, а не на бирже, при стартовой цене 550 млн. фунтов.

К вопросу о состоянии экономики Египта на пороге XXI века. Выше приводились отчеты, которые были подготовлены правительством АРЕ по истечении двухлетней специальной экономической программы на 1996/97 – 1997/98 годы, которая ранее вызвала столь острые дебаты в Народном собрании. Прошло еще два с лишним года, и Управление госпредприятиями (Public Enterprise Office), которое осуществляет надзор за процессом приватизации, сообщило, что к 31 декабря 2000 года было дополнительно приватизировано 37 предприятий. Общий итог, таким образом, составляет 156 объектов, в том числе – 25 у стратегических инвесторов, а 28 – ликвидировано[115].

Подсчеты показывают, что даже скромная программа «приватизации и ликвидации», включавшая 314 далеко не самых крупных предприятий, за десять лет была выполнена в Египте лишь на 50%. По сравнению с 1987/88 финансовым годом вклад частного сектора в производство ВВП возрос в 1996/97 году на четыре процентных пункта: с 62,4% до 66,4% (без учета сельского хозяйства – на 6,4 пункта: с 54 до 60,4%)[116]. По данным на самый конец девяностых и начало 2000-х годов, доля частного сектора в создании ВВП достигла 70% и даже превысила этот порог. (Однако, как говорилось выше, государство «присутствует» в капитале многих частных по юридическому статусу компаний). Что касается темпов экономического роста, то они в последние годы минувшего века держались на уровне около 5% при темпах прироста населения 2–2,2% в год, что для Египта, безусловно, является вполне удовлетворительным показателем. При этом на пороге нового столетия 49,5% стоимости ВВП Египта создавалось в отраслях сферы производства, 9,2% – в связи и на транспорте (включая Суэцкий канал), 17,5% – в торговле, 6,1% – в туризме и финансово-страховой сфере, 17, 7% – в прочих услугах (1999/2000 финансовый год).

Заявив о выполнении двухлетнего плана развития и приватизации (см. выше), правительство разработало Долгосрочную программу социально-экономического развития АРЕ на период до середины 2017 года и «пятилетку» на 1997/98 – 2001/02 финанс. годы, предусмотрев на перспективу покрытие египетского товарного импорта экспортом, увеличение в 2–2,5 раза доли вывоза сельскохозяйственных продуктов от их производства (4% в 1999 году) и, соответственно, промышленной продукции (16% в том же году). В качестве потенциальных рынков сбыта египетской продукции рассматриваются арабские и африканские страны, а также страны Восточной Европы и СНГ. Это во многом связано с тем, что западные страны в последние годы обвинили Египет в демпинговых поставках хлопка, некоторых видов текстильной продукции, алюминия и других товаров.

Что касается внешней задолженности, то по состоянию на 30 июня 2000 года она составила 27,8 млрд. ам. долларов. В том числе свыше 89% приходилось на средне– и долгосрочные кредиты, примерно 5,8% – на краткосрочные ссуды, 3,5% – на кредиты поставщиков и 1,4% – на негарантированные долги частного сектора[117]. В десятку основных кредиторов в конце девяностых входили США и Франция, Япония, Германия, Италия, из арабских стран – Кувейт. Таким образом, в абсолютных показателях объем внешнего долга АРЕ, который в 1999/2000 финанс. году снизился на 441 млн. долл. по сравнению с предыдущим, сохранился примерно на уровне начала девяностых. Вместе с тем определенные проблемы возникли с обслуживанием внутреннего государственного долга и управлением денежной массой.

Египет продолжает привлекать иностранную экономическую и финансовую помощь, за счет которой частично покрывается бюджет-

ный дефицит, обеспечивается импорт ряда потребительских товаров и строительство большинства крупных объектов промышленности и инфраструктуры. Так в 1998 году США выделили 1812 млн. долл. на выполнение работ по модернизации системы управления распределением электроэнергии, вырабатываемой на Высотной Асуанской плотине, на которую ныне приходится около 15% общей выработки.

В этой связи отметим, что достигнутые в конце девяностых показатели ВВП свидетельствуют о повышении динамизма египетской экономики в условиях нарастания ряда негативных тенденций, порождающих опасения в отношении устойчивости развития (Последнее нашло отражение в некотором понижении рейтинга надежности экономики АРЕ со стороны ряда международных агентств). Речь идет о том, что рост деловой активности, выразившийся в увеличении числа вновь созданных индивидуальных фирм и их капитала, а также в приросте капитала некоторых акционерных компаний, происходил на фоне повальных банкротств. Так, за январь-октябрь 1999 г. о своем банкротстве объявили 25 575 египетских компаний – на 11,2% больше, чем за аналогичный период 1998 года, при этом банкротами были признаны 2 121 компаний – на 75,4% больше, чем в предыдущем периоде. Как результат, Египет вошел в 2000-е годы в условиях нового падения деловой активности, о котором свидетельствует также устойчивое понижение сводного индекса ценных бумаг на египетском фондовом рынке[118]. Наконец, крайне неблагоприятное воздействие на экономку АРЕ оказали события 11 сентября. Иностранный туризм был подорван, а мировая экономическая рецессия к этому времени угнетающе повлияла на доходы от Суэцкого канала, равно как – от товарного экспорта, сократились объемы валютных переводов от рабочих-эмигрантов. Как результат, прогнозные оценки на 2001/02 финансовый год позволяют оценить прирост ВВП в этом году лишь в 2–2,5%.

Возвращаясь к вопросу о частном секторе в египетской экономике, следует отметить, что доля его участия в создании товаров и услуг ниже, чем в дореволюционном Египте, с одной стороны, и чем во многих современных странах мира, осуществляющих рыночные реформы, – с другой. В свою очередь, о качественных характеристиках частного сектора, в котором преобладают мелкие и мельчайшие предприятия, можно судить по форме несельскохозяйственных предприятий, имеющих легальный статус: большинство из них в 1992 году либо находились в индивидуальной собственности (47%), либо представляли собой товарищества, зачастую семейные фирмы (48%) и лишь 4–5% являлись открытыми акционерными обществами современного типа[119], причем на рынке акций большинство этих предприятий представлено не было. Наконец, по экспертным оценкам, около 2–2,5 млн. мелких фирм-товаропроизводителей и предприятий сферы услуг функционируют в Египте без регистрации, в рамках неформального сектора.

Это дает основание для вывода о том, что частный бизнес в Египте отличается полутрадиционным, семейным характером организации и управления, и это притом, что сегодня его инвестиционная активность все больше проявляется в новых для него сферах деятельности: таких, как средства связи, транспортная инфраструктура, крупные отели и т. д. Обращает на себя внимание также циклический характер прилива и отлива государственной инвестиционной инициативы в Египте, которая действует в противофазе с экономическими циклами малой протяженности, от 5 до 10 лет, свидетельствующими то об активизации, то о затухании частного бизнеса на фоне либеральных реформ за весь их период, насчитывающий уже почти тридцать лет. Кроме того, вопреки программным заявлениям Эбейда при его вступлении в должность премьера, приватизация уже в 2000 году была практически заморожена, а правительство вновь сосредоточилось, как в 1992–1993 годах, на стабилизационных проблемах[120].

Египетская ситуация не уникальна. Согласно данным лондонского центра, изучающего процессы приватизации в разных странах, на весь регион Ближнего Востока и Северной Африки в 1991–1998 годах пришлось лишь 3% мировых доходов от продажи крупных объектов собственности[121]. Что касается конкретного содержания приватизационного процесса, то, по мнению специалистов, макроэкономические реформы, осуществляемые в арабских странах, представляют собой движение от государственного диктата и монополии на управление хозяйством (независимо от того, имела такая модель социалистическую окраску или нет) к «рыночному ренессансу», в ходе которого создается смешанная, или называемая иначе – гибридная система. В этих условиях «госсектор остается основным инструментарием экономического развития, а расширение рыночного пространства должно способствовать взаимодействию и сращиванию крупного национального капитала с иностранным, но при посредничестве государства»[122]. На счет Египта можно отнести и мнение, что в развивающихся странах, которые взяли курс на приватизацию (предпочитая ее «мягкий» вариант «обвальному»), главным методом разгосударствления выступает постепенное акционирование, а идеологической основой – некое подобие «народного капитализма»[123]. Несмотря на конкретные различия между отдельными государствами, почти все аналитики, изучающие либеральные хозяйственные реформы в Тунисе или Египте, либо в Сирии (где их проводят без помощи МВФ), не без основания сходятся на том, что подобный путь представляет собой образец авторитарного перехода к рынку.

Итак, оглядываясь на путь, пройденный Египтом за последнюю треть XX века, можно констатировать следующее. Цель создания открытой экономики и экспорториентированной стратегии развития, о которой Египет заявил еще в начале 1970-х годов, пока не достиг-

нута. Сельское хозяйство остается малорентабельным, обрабатывающая промышленность по-прежнему направлена на импортозамещение (вывоз готовой продукции в 1999 году составил 37% стоимости экспорта: против 80% в Тунисе, 78% в Турции, 84% в Пакистане), а валютные доходы страны поступают в основном из тех же источников, что и тридцать лет назад: Суэцкий канал, туризм, денежные переводы рабочих-эмигрантов, иностранная помощь.

Агрегированный показатель экономического роста, испытав резкий подъем после 1973 года, затем катастрофически снижался, и кривая достигла дна в политически турбулентный период второй половины 1980-х и начала 90-х годов. С середины девяностых наблюдалось восстановление темпов экономического роста. В среднем рост составил в 1990–2000 годы 4,6%. Для сравнения напомним, что в 1975–1981/82 годах динамика производства в Египте, рассчитанная в постоянных ценах, достигала 9,6%, согласно официальной статистике, и даже по уточненным в сторону понижения оценкам – не менее 7–8% в год.

Египет наряду с такими государствами региона, как Алжир, Иордания, Иран, Тунис и Сирия, относится к категории стран со средненизкими доходами на душу населения. В 2000 году производство ВНП на душу населения составило: в Тунисе – 2,1 (6,0 с учетом покупательной способности валют), в Иордании – 1,7 (4,0), в Иране – 1,63 (5,9), в Алжире – 1,59 (5,0), в Египте – 1,5 (3,7), в Сирии – 1,0 (3,2) тыс. долл.. При этом 53% населения АРЕ находятся за чертой бедности (средний доход менее 2 долл. в день), что невыгодно отличает Египет от того же Туниса, страны без значительных нефтяных ресурсов, где категория бедных составляет 10% населения, а также от Турции (18%) и приближает его по данному показателю к Индонезии и странам Карибского бассейна. (Даниж The World Bank.)

---

[1] Накануне революции 1952 года государственный сектор Египта включал несколько предприятий общественного назначения (железные дороги, водоснабжение, электричество). Частный сектор производил 87% добавленной стоимости, в нем было занято 95% гражданского самодеятельного населения. (Belev B. Forcing Freedom: Political Control of Privatization and Economic Opening in Egypt and Tunisia, Washington: University Press of America, 2000, c. 55). Особое место в египетском частном секторе занимал финансово-промышленный концерн «Мыср» (Египет), в структуру которого входили торговые и страховые компании, ряд предприятий текстильной, обувной и табачной отраслей, компании речного и морского судоходства, киностудия и т.д. Банк имел множество вкладчиков, но находился под контролем помещичье-предпринимательских кругов, которые постоянно требовали, пользуясь своим влиянием, чтобы все фонды правительственных учреждений, а также бюджетные остатки хранились в банке. Он испытал серьезное потрясение в 1939 году. В связи с началом мировой

войны массы вкладчиков стали изымать свои сбережения. Спасая банк от краха, парламент в июле 1941 года принял закон, по которому правительство гарантировало все настоящие и будущие депозиты банка. Крупные суммы были выплачены вкладчикам из государственного резервного фонда. В результате банк «Мыср» превратился фактически в полугосударственное кредитное учреждение. В свою очередь, «Национальный банк» Египта, наделенный правом эмиссии, имел статус частного предприятия и полугосударственный характер, хотя в отличие от банка «Мыср» он был создан на английские капиталы и на деле всем управлял лондонский комитет директоров. (Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). – М.: Изд-во Московского университета, 1963. – С. 237, 270–272).

[2] *Дятлов В.И.* Крупная буржуазия в Египте накануне революции 1952 года. – Иркутск, 1983. – С.15.

[3] До середины XX века показатель воспроизводства населения колебался в пределах 1–1,5% в год, а затем кривая его роста круто поднялась вверх: 2,46% между переписями 1947 и 1960 года (пиковый показатель), 2,35% между переписями 1976 и 1986 года; затем наблюдалось плавное снижение, до 2–2,2%. Но даже этот умеренный по арабским масштабам рост в особых условиях Египта может носить характер опасного демографического взрыва. Основная масса жителей сконцентрирована в долине и дельте Нила, Файюмском оазисе и в городах вдоль Суэцкого канала. Сравнительно с другими арабскими странами (кроме Йемена, Судана и Мавритании) уровень урбанизации в Египте относительно низок: по критериям и оценкам международной статистики, доля горожан составляет 45% (см. Приложение №2); по местным оценкам, городское и сельское население Египта находятся в соотношении 50:50. В деревне оно отличается чрезвычайно высокой плотностью: до 1 тыс. человек на 1 кв. км. Вместе с тем количество обрабатываемой земли в расчете на душу населения имеет неуклонную тенденцию к сокращению: если в 1897 г. этот показатель составлял 0,53 феддана [1 феддан равен 0,42 га], то в 1937 г. – 0,33, в 1960 г. – 0,23 и в 1999 г. – 0,12. (См. Каражас О.В. Экономический рост в Египте в 1950–1980-е годы. – М: Институт востоковедения РАН, 1998. – С. 16–18, 23; http://www.fao.org/landandwater/swlwpnr/egypt/e-lcover.htm 13.03.02.).

[4] О необходимости аграрной реформы – и не только в интересах деревни – говорили еще в дореволюционном Египте. Накануне парламентских выборов 1949 г. в заявлениях 86 кандидатов в депутаты содержались требования насчет ограничения крупного землевладения и введения прогрессивного подоходного налога, с тем чтобы «сделать помещика промышленником». См.: *Гатауллин М.Ф.* Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. – М., 1985. – С. 27.

[5] Развитие событий, подтолкнувшее Насера, с одной стороны, к национализации иностранной собственности, а с другой, – к развитию экономического сотрудничества с СССР, имело следующую драматическую ис-

торию. Получив отказ Египта расторгнуть соглашения со странами «восточного блока» о закупке советского оружия, 19 июля 1956 года США объявили, что лишают Египет обещанных кредитов на строительство первой очереди Асуанской плотины. Немедленно с такими же решениями выступили Великобритания и Международный банк реконструкции и развития. Через неделю Насер, выступая с балкона хлопковой биржи в Александрии перед участниками массового митинга, обнародовал Декрет президента Египетской Республики о национализации «Всеобщей компании морского Суэцкого канала», все имущество которой, права и обязательства передавались государству. Демонстрируя, что он принимает вызов Запада, Насер на том же митинге прямо заявил, что отныне доходы от эксплуатации канала пойдут на строительство Высотной плотины и финансирование других крупномасштабных проектов экономического развития. После двух месяцев, на протяжении которых правительства Франции, Соединенного королевства и США предпринимали усилия по сохранению международного статуса канала, в ночь с 29 на 30 сентября 1956 года была произведена «тройственная агрессия» против Египта с участием Израиля, Англии и Франции… СССР пообещал помощь в строительстве плотины, но оформление этой договоренности затягивалось. Наконец, с 29 января 1958 года было подписано первое советско-египетское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. В октябре того же года Главнокомандующий армией ОАР, маршал Амер, проведя десять дней в Москве, вернулся с радостным известием: русские подтвердили свое участие в строительстве плотины. Это было настолько важным делом, что каирская печать в восторге писала: «Маршалу…удались переговоры, которые своими результатами поразили весь мир и заставили его обратить взоры к Каиру». (Цит. по: Berger M. The Arab World Today. – New York: Anchor Books, 1964, с. 335).

[6] В 1957 году был обнародован пятилетний план развития промышленности, не дожидаясь истечения его срока, правительство заменило в 1960 году отраслевой план на общеэкономическую программу, рассчитанную на 5 лет.

[7] Речь идет о финансовых годах, которые в Египте исчисляются с 1 июля календарного года.

[8] Строительная площадка в районе будущей Высотной плотины была развернута в 1954 году, первый взрыв скальной породы произведен в 1959 году, а первый промышленный ток из Асуана в Каир поступил в ноябре 1967 года. Спустя еще три года работы были закончены, и торжественное подписание советско-египетской декларации о вводе в строй Асуанского гидроэнергетического комплекса состоялось 15 января 1971 года. Высотная плотина с избытком обеспечила страну электроэнергией, позволила осветить дома в египетской деревне и расширить обрабатываемые площади. В 1975 году на ГЭС, и в основном – на Асуанском гидроузле производилось две трети электроэнергии, в 1980 году 51,8%, в 1998 – 19,4%. В

течение нескольких лет (первая половина семидесятых) в Египте наблюдалось опережение темпов прироста генерирующих мощностей над темпами роста экономики. Позднее нарастали трудности с удовлетворением потребностей в электроэнергии, одновременно увеличивалась доля ее выработки на тепловых электростанциях: 50,4% – на газовых и 30,2% на сжигающих нефть, по данным за 1998 год. Проекты строительства АЭС пока отложены. (The World Bank. World Development Indicators 2001**,** с. 158).

[9] Подробнее см.: Смирнова Г.И. Основные проблемы индустриализации Египта. 1952–1977. – М: Наука, 1980.

[10] Государство после национализаций, проведенных в первой половине 60-х годов, установило контроль над 70% всего акционерного капитала. Часть последнего получила развитие в форме государственной собственности, другая – сохранилась в смешанной акционерной форме, но с государственным участием в каждой компании, где правительство могло иметь пакты акций выше или ниже 51%, а доля акций частных лиц не должна была на первом этапе превышать 10 тыс. ег. фунтов. Мелкие предприятия, с числом занятых до 100 человек, под национализации в основном не подпадали, а количество их росло; в 1967 году в стране было зарегистрировано 4,3 тыс. ценовых промышленных предприятий частного сектора. (Развитие капитализма в арабском мире. – М.: Наука. – С. 63).

[11] Абдул Азиз Хигази этап «социалистического направления» определяет в рамках 1959–1966 гг.; следующий этап характеризуется автором как «период военной экономики» (1966–1973), когда проблема наращивания вооруженных сил, а затем освобождения территорий, оккупированных Израилем в июне 1967 года, отодвинула на задний план другие вопросы. См.: Privatization and Structural Adjustment in the Arab Countries: Papers Presented at a Seminar Held in Abu Dhabi, UAE, Dec. 5–7, 1988. Wash., IMF, 1989. – C. 183.

[12] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. – М.: 1983. – С. 266–279.

[13] Арабская Республика Египет. Справочник. – М.: Наука, 1990. – С. 86.

[14] См.: *Gobe E.* Les hommes d'affaires Égyptiens. Démocratisation et secteur privé dans l'Egypte de l'infitah. – Paris: Editions Karthala, 1999.

[15] *Abdel-Rahman H., Abu Ali M.S.* Role of the Public and Private Sectors with Special Reference to Privatization: The Case of Egypt // Privatization and Structural Adjustment in the Arab Countries. – Op. cit. – C. 154.

[16] Ibid. – C. 158.

[17] Арабская Республика Египет. Справочник. – Указ. соч. – С. 87.

[18] Там же. С. 190.

[19] Подробнее см.: *Burns W.J.* Economic Aid and American Policy Toward Egypt 1955–1981. – New York: State University of New York Press, 1984.

[20] В 1992–1996 годах американская военная помощь устойчиво составляла 1,3 млрд. долл. ежегодно. Размеры экономической помощи колебались от 815 до 892 млн. Займы за этот период были предоставлены толь-

ко в 1992 году (150 млн.), остальное – кредитные гарантии. В целом приток американской помощи в АРЕ колебался в этот период от 2, 05 млрд. до 2,5 млрд. в год. В 1999/2000 году он составил 2 035 млн. долл., в 2000/01–1995 млн.(USAID web site).

[21] Постоянным экспортером жидких углеводородов Египет стал с 1976 года. О динамике нефтедобычи говорят следующие цифры: во второй половине восьмидесятых годов производилось от 40 до 45 млн. т в год против 2,5–2,6 млн. т в год в начале пятидесятых. (Каражас О.В. Указ. соч., с. 7, 187)

[22] Такая цифра приводится в ряде работ египетских экономистов. О.В. Каражас показала, что расчет роста ВВП Египта за 1973–1981/82 гг. в неизменных факторных ценах 1969/70 г., по данным «Статистических ежегодников» ООН выводит на показатель 9,6% в год. Автору он представляется преувеличенным, поскольку этот индекс в значительной степени определялся высокими темпами роста в нефтяном секторе и строительстве, а также динамикой обслуживающих отраслей, «в которых учет стоимостей существенно затруднен, что создает идеальную почву для искажения экономической информации». Ближе к действительности был рост ВВП в пределах 7,5–8% в год, что соответствует среднему темпу роста в обрабатывающей промышленности (Каражас О.В. Указ. соч., с. 37–42).

[23] *Гатауллин М.Ф. Указ.* соч., с. 97.

[24] Осенью 1971 года было принято решение об освобождении из тюрем многих подвергнутых репрессиям политических деятелей, за исключением арестованных в мае того же года «ортодоксальных насеристов»; газеты сообщили, что около 5 тысяч землевладельцев, пострадавших от законов 1969 года (третий этап аграрной реформы), получат в ближайшие десять лет компенсацию от государства (*Beattie K.J.* Egypt During the Sadat Years. – New York: Palgrave, 2000. – с. 84).

[25] *Сулейман А.А.* Барнамадж аль-хасхаса: кадая ат-тахаввуль иля иктисад ас-сук фи мыср (Программа приватизации: проблемы перехода к рыночной экономике в Египте). – Каир: Аль-Ахрам, Центр политических и стратегических исследований, 1996. – С. 5.

[26] Арабская Республика Египет. Справочник. – С. 343.

[27] IMF. International Financial Statistics. – Wash.: IMF, 1996. – July. – С. 232.

[28] *Ott A.F.* Privatization in Egypt: Reassessing the Role and Size of the Public Sector // Privatization and Economic Efficiency. A Comparative Analysis of Developed and Developing Countries. – London: Edward Elgar, 1991. – С. 191–192.

[29] The Many Faces of National Security in the Arab World / *Korany B., Noble P., Brynen R.*, eds. – London: Macmillan, 1993. – С. 112.

[30] Ibid. – P. 115–117.

[31] *Ott. A.F.* Op. cit. – P. 196. В некоторых публикациях встречаются другие оценки.

[32] Ibid. – P. 203.

[33] В этой связи следует упомянуть правительственную директиву о «народном участии» от июня 1986 г., предписывавшую губернаторам провинций выделить по 2–3 объекта местного значения для акционирования. См.об этом: Attiat F. Ott. Op. cit. – c. 212–213.

[34] Цит. по: *Palmer M., Yassin S., Leila A.* The Egyptian Bureaucracy – Cairo: The AUC Press, 1988. – С. 17–18.

[35] «Financial Times». – 27 Jun. 1988.

[36] *Abdel-Khalek G.* Egypt's Economic Reform and the Challenges of Globalization // The Middle East and Development in a Changing World / *Heisl D.*, ed. – Cairo Papers in Social Science, Vol. 20, Monograph 2, Cairo: The AUC Press, 1997. – С. 37.

[37] *Naaoush S.* Économie et Finances des pays Arabes – Paris: Éditions Al Qalam, 1994. – С. 358.

[38] The Many Faces of National Security in the Arab World. – Op. cit. – С. 197.

[39] Ibid. – С. 199.

[40] *Naaoush S.* Op. cit. – С. 175.

[41] The Many Faces of National Security in the Arab World. – Op. cit. – С. 199.

[42] В начале работы уже отмечалось, что тот тип преобразований, на которые пошли тридцать девять развивающихся стран, в том числе шесть арабских (Египет, Тунис, Алжир, Марокко, Иордания, Кувейт), называют Economic Reforms & Structural Adjustment Program (ERSAP), или сокращенно Structural Adjustment (SA).То есть структурная перестройка и адаптация хозяйства к рыночным отношениям.

[43] *Naaoush S.* Op. cit. – С. 290.

[44] Egypt: Beyond Stabilization, Toward a Dynamic Market Economy – Occasional Paper 163 / *Handy H.*, et al. – Wash: IMF, 1998. – С. 45–51.

[45] *Сулейман А.А.* Указ. соч., с. 11.

[46] На старте структурной перестройки были выделены четыре типа предприятий общественного сектора – (1) стратегическая сфера: управление Суэцкого канала, международное воздушное сообщение («Иджипт эйр»), железные дороги, электро– и водоснабжение, телекоммуникации, нефтяной сектор. (2) Банковские и страховые учреждения. (3) Предприятия, подчиненные министерству оборонной промышленности, слитому в 1993 году с министерством обороны, – это 20 военных заводов, 14 из которых заняты выпуском продукции гражданского назначения, в том числе шесть заводов Хелуанского металлургического и машиностроительного комплекса, еще ряд заводов механического оборудования, два крупных химических производства. (4) Около 400 других предприятий индустрии, агропромышленности и обслуживания. Планы приватизации в основном распространялись на 4-ю группу, исключали первую и третью, кроме компании по телекоммуникациям, которую намеревались приватизировать в конце девяностых. Ко второй группе был выбран дифференцированный подход. (Belev B. Forcing Freedom. Politi-

cal Control of Privatization and Economic Opening in Egypt and Tunisia, New York: University Press of America, 2000; с. 17, 225).

[47] Характерен эпизод, имевший место после принятия «Программы 30 марта» 1968 года, объявившей о верховенстве закона, а также о свободе научной мысли и научных исследований. Генерал-лейтенант Гамаль Аскар, возглавлявший Центральное агентство по мобилизации и статистике (CAPMAS), отдал приказ об аресте некого ученого, предоставившего японской фирме статистические данные по проблеме питания в Египте. Освобождение арестанта состоялось под давлением прессы и не без вмешательства М.Х. Хейкала, одного из разработчиков «Программы 30 марта», который выступил в «Аль-Ахрам» со статьей, требовавшей соблюдения презумпции невиновности. (Dekmejian R. H. Egypt under Nasir: A Study in Political Dynamics. –Albany: State University of New York Press, 1971. – С. 262).

[48] *Ayubi N.N.* Government and the State in Egypt Today // Egypt under Mubarak / *Tripp C., Owen R.,* eds. – London, New York: Routlege, 1989, с. 4–5; Также см.: Князев А. Г. Египет после Насера, 1970–1981. – М., 1986.

[49] *Ibrahim S.E.* Egypt, Islam and Democracy. Twelve Critical Essays, Cairo: The AUC Press, 1996. – С. 145–146.

[50] Ibid, с. 87.

[51] В 1960 г. в стране проживало 25 млн. человек. Несмотря на политику планирования семьи, которая проводится в Египте, страна с ее резко ограниченными земельными ресурсами страдает от перенаселения. Ежегодный демографический прирост составляет 2,3–2,5%, а на рынок труда прибывают все новые отряды молодежи. В 70-е годы проблему занятости позволяла ослабить трудовая эмиграция, в основном в страны Персидского Залива, куда направилось свыше 3 млн. человек, но к 90-м она пошла на убыль (точные данные отсутствуют). Таким образом, миграционный фактор, позволявший снизить безработицу (по некоторым расчетам, на 60–70%), нельзя теперь назвать надежным.

[52] *El-Sayyid M.K.* Bureaucracy and Political Change in Egypt // Development in the Age of Liberalization. Op. cit. – С. 114.

[53] *Сулейман А.А.* Указ. соч. – С. 24. Согласно данным Всемирного банка, рабочие и служащие государственных компаний в различных отраслях хозяйства составляли в 1985 г. 14,7% от общей занятости в формальном секторе; 13,5% – в 1991 г. (World Development Indicators 1998. – Wash.: World Bank, 1998).

[54] IMF. Egypt: Beyond Stabilization… Op. cit. – С. 51.

[55] *El-Sayyid M.K.* Op. cit. – С. 115.

[56] *Ibrahim S.E.* Op. cit. – С. 130.

[57] В Египте профсоюзами охвачены только крупные предприятия, по данным на 1987 год, в рядах ЕФТ (в нашей литературе употребляют также аббревиатуру ФТЕ) насчитывалось 3,5 млн. человек, на проходившей в ноябре того года отчетно-выборной конференции была утверждена про-

грамма, где впервые содержался пункт о самостоятельности профсоюзов, председатель профцентра перестал совмещать эти функции с постом министра труда! По данному вопросу см., например: Бакланов Ф.Г. Рабочий класс современного Египта. – М.: Наука, 1981; *Shafei El.O.* Workers, Trade Unions and the State in Egypt: 1984–1989, Cairo Papers in Social Science. – Volume 18, Monograph 2, Cairo: The AUC Press, 1995.

[58] *Ibrahim S.E.* Op.cit. – С. 77.

[59] Автор опубликованного в США в 2000 году сравнительного исследования приватизации в Египте и Тунисе, считая, что в последней стране этот процесс осуществляется даже более успешно, вместе с тем отмечает, что какая бы то ни было дискуссия здесь не проводилась, а парламент лишь штамповал законы (первый на этот счет появился в августе 1987 года), все решения исходят сверху без предварительных консультаций (Belev B. Op. cit. – С. 115).

[60] Подробнее о политических партиях АРЕ см. в Приложении 1.

[61] Арабско-демократическая партия насеристов – самая «молодая» среди других парламентских партий, она существует с 1992 года и ныне представлена в Народном собрании двумя депутатами. (Подробнее см.: Приложение 1).

[62] *Ibrahim S.E.* Op. cit. – С. 161–163.

[63] Цит. по: *Khalifa D.O.* The Privatization Process: Prospects for Egypt. – Cairo: The American University in Cairo Press, 1992. – С. 49–50.

[64] *‘Абд аль-Ма‘аты Р.* Аль-хасхаса ва ат-таджауалят аль-иктисадийа фи мыср (Приватизация и экономические преобразования в Египте). – Каир: Марказ аль-махруса ли аль-бухус ва ат-тадриб ва ан-нашр, 1997. – С. 108.

[65] Цит. по: *Khalifa D.O.* Op.cit. – С. 46.

[66] Здесь и далее использованы полемические статьи, появившиеся в оппозиционной печати в последние месяцы 1989 года, особо часто – на страницах газеты «Аль-Ахрам». Обзор важнейших выступлений политических деятелей, публицистов и аналитиков того времени содержится также в книге: *Al-Sayyid M.K.* Privatization: The Egyptian Debate. – Cairo Papers in Social Science. – Vol. 13. – Monograph 4. – Cairo: The AUC Press, 1990.

[67] Аш-Шааб. 2 января 1990.

[68] *Ibrahim S.E.* Op.cit. – С. 148.

[69] Ibid, с. 149. Это касается только двух наиболее популярных в народе видов хлеба – лепешек шами и баляди. Кроме того, субсидии, упавшие к 1996/97 г. до 1% в ВВП, распространялись на сахар, выделяемый беднейшим семьям, а также на растительное масло и керосин (IMF. Egypt : Beyond Stabilisation… Op. cit. – С. 44).

[70] *Subramanian A.* Egypt: Poised for Sustained Growth? // Finance and Development. – 1997. – December. – С. 44.

[71] IMF. International Financial Statistics. – Wash.: IMF. – 1996. – July. – С. 232.

[72] По оценочным данным, в середине 1980-х – начале 90-х годов вывоз египетских капиталов за границу достиг 50–60 млрд. долл., что равнялось тогдашнему внешнему долгу страны.

[73] IMF. Egypt: Beyond Stabilization. Op. cit. – C. 57–59.

[74] *Сулейман А.А.* Указ. соч. – С. 25. Использованы также данные, любезно предоставленные сотрудниками института Африки РАН А.А.Ткаченко и В.Ю.Кукушкиным.

[75] *Сулейман А.А.* Указ. соч. – С. 24.

[76] Осенью 2001 г. Министерство экономики было преобразовано в Министерство внешней торговли. Юсеф Бутрос Гали сохранил министерский пост.

[77] *Гашев Б.Н.* Социальные ограничители экономической реформы в Египте // Арабский мир в конце XX века. – М: Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. – С. 159.

[78] Badran W., Wahby A. Privatization in Egypt: The Debate in the People's Assembly. – Giza: Cairo University, Faculty of Economics and Political Science, 1996. – C. 272.

[79] Le système politique. – Le Caire: République Arabe d'Égypte. Organisme Général de l'Information, 1983. – C. 5.; Дустур джумхурийат мыср аль-'арабия (Конституция Арабской Республики Египет). – Каир: Аль-хей'а аль-'амма ли шу'ун аль-матба'а аль-амирийа, 1980. – С. 14.

[80] Al-Ahram Weekly, 11–17 April 1996.

[81] Ibid.

[82] Ibid.

[83] Ibid.

[84] Аль-Вафд, 3 апреля 1996. – С. 3.

[85] Al-Ahram Weekly, 11–17 April 1996. – C. 2.

[86] Ibid.

[87] Выступление премьер-министра Египта Камаля аль-Ганзури в Народном собрании. // Аль-Ахбар. – 23 апреля 1996. – С. 6.

[88] Прирост ВВП в постоянных ценах составил в среднем 5,4% в 1980–90 гг. и 4% в 1990–97 гг. (См.: World Development Indicators 1999. – Wash.: World Bank, 1999. – C. 188).

[89] A Survey of Egypt // The Economist. – 1999. – March 20. – C. 5.

[90] IMF. Egypt : Beyond Stabilisation… Op. cit. – C. 50.

[91] *Subramanian A.* Op. cit. – C. 44–45.

[92] IMF. Egypt : Beyond Stabilisation… Op. cit. – C. 52.

[93] MENA. 25 July 1998. По данным статистических источников, норма накопления снизилась с 36% в 1987/88 гг. до 16,2–16,6% в 1992–1996 гг. и вновь повысилась до 18% только в последние годы. (См.: Egypt in Global Economy: Strategic Choices for Savings, Investments and Long-term Growth. – Wash.: The World Bank, 1998. – C. 12.)

[94] Arab Republic of Egypt Radio Network in Arabic. – FBIS Translated Text. – 16 Dec. 1998. Несколько раньше министр по делам госсектора 'Атеф

Эбейд в интервью издающейся в Лондоне на арабском языке газете «Аль-Маджалля» назвал цифру 68 полностью или частично приватизированных предприятий, «где мы теперь имеем 400 тыс. владельцев и, таким образом, даем шанс мелким инвесторам» (Аль-Маджалля. 12 февр. 1998 г.)

[95] MENA. 3, 11 June 1998.

[96] По уточненным данным ЦБ, его инвалютные резервы увеличивались до 1997 года включительно, составив свыше 19 млрд. долл., в дальнейшем наблюдалось их сокращение, и они вернулись на уровень 1993 года: около 14 млрд. (См. Приложение 2, таблица 8).

[97] MENA. 29 Jan. 1999.

[98] После общенационального референдума, состоявшегося 26 сентября 1999 г. и обеспечившего Мубараку избрание на четвертый (шестилетний) президентский срок, правительство Аль-Ганзури, как полагается по конституции, ушло в отставку. Новым премьером стал ветеран египетской политики 67-летний ‘Атеф Эбейд, сразу же заявивший о сорока с лишним срочно приватизируемых объектах. Возможно, он учел, что в ходе борьбы за премьерское кресло его предшественник подвергался нелицеприятной критике за медлительность в деле реформ.

[99] См., напр.: Egypt in Global Economy. – Op. cit.

[100] По данным Мирового Банка, за период 1990–97 гг. доходы от приватизации в Египте составили всего 1,5 млрд. долл. (World Development Indicators 1999. Op. cit. – C. 298). Это меньше, чем годовой доход от эксплуатации Суэцкого канала. (См.: *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений. – М.: ИСАА при МГУ, 1999. – С. 54).

[101] Данное обстоятельство крайне затрудняет попытки очертить реальные границы госсектора. Структура государственной собственности в Египте такова, что эти границы и фактическая роль госсектора не могут быть оценены по формальным критериям, а структура собственности в многочисленных и разнообразных смешанных (частно/государственных) компаниях не отражает степени «рыночности» их поведения.

[102] Ат-такрир аль-истратиджий аль-‘арабий (Арабский стратегический доклад 1998). – Каир: Центр политических и стратегических исследований, 1999. – С. 353–358.

[103] Указ. соч. – С. 372. Стоит добавить, что, по данным Мирового банка, в 1990–1996 гг. физический объем египетского экспорта возрос на 8,7%, стоимостной – на 8,5%. В предыдущее десятилетие (1980–1990 гг.) имело место падение по физическому объему на 1,2%, по стоимостному – на 2,6%. (World Development Indicators 1999. – Op. cit. – C. 200).

[104] IMF. Egypt; Beyond Stabilization. – Op. cit. – C. 66.

[105] Ibid. – C. 68.

[106] Самым продуктивным по запасам нефти в Египте пока считается шельф Суэцкого залива. Обнадеживающие результаты дала также разведка

нефти в Западной пустыне. Показатель кратности запасов, то есть продолжительность эксплуатации доказанных резервов при данном уровне ежегодной нефтедобычи, составлял 14 лет по состоянию на 1989 год и всего 10,5 лет по состоянию на 2000 год (против 17 лет в Алжире и свыше 100 лет в Ираке и странах Персидского Залива – основных продуцентах жидкого топлива на Ближнем Востоке (См. Каражас О.В. Указ. соч. – С. 7; 2001 British Petroleum Statistical Review of World Energy, http://www.bp.com)

[107] По оценке австрийского исследователя Фридриха Шнейдера, удельный вес теневой экономики Египта составляет около 70%. В таком случае, по данному показателю страна занимает третье место в мире – после Нигерии и Таиланда (The Economist. – 1999. – 28 August – 3 September. – С. 63).

[108] Интервью Исмаила Хассана, управляющего Центральным Банком Египта агентству МЕНА (MENA. – 4 March 1999).

[109] Цит. по: *Shu'ayb A.Q.* Prime Minister Says the Fabricated Dollar Crisis is Over // Al-Musawwar. – FBIS translated text. – 1999. – 17 September. – С. 7.

[110] «Аль-Гумхурийа», 4 октября 1999. – С. 3.

[111] Подробнее см.: Mustafa Kamel Al Sayyid. Privatization: The Egyptian Debate. – Cairo. The American University in Cairo Press, 1990 / Cairo Papers in Social Science. – Volume 13, Monograph 4.

[112] MENA. – 25 Sent. 1999.

[113] $1 = 3,44 ег. ф. на 2 января 2000 г., в мае 2001 г. – 3.88 ег. ф.

[114] Эта старейшая компания была создана еще в 1927 году и находилась тогда, монополизировав табачную промышленность, под контролем английского капитала при участии армянских и греческих предпринимателей. Летом 2002 г. появились сведения о разукрупнении государственной авиакомпании Египта, которая может быть приватизирована.

[115] Egypt Focus. – Norfolk: Menas Associates. – February, 2001. – Vol. II. – No. 2. – P. 9.

[116] Partners for Developmnet. New Roles for Government and Private Sector in the Middle East & North Africa / *Fawzy S., Galal A.*, eds. – Wash.: World Bank Institute, 1999. – С. 13.

[117] Arab Republic of Egypt Yearbook, Ministry of Information, State Information Service. – Cairo, 2000, С. 84

[118] Часть проблем Египта связана с тем, что в конце 1990-х увеличение государственных инвестиций привело к росту нагрузки на бюджет, и соответственно, к бюджетному дефициту. В 2001/02 году проблема была осознана руководством страны, поэтому внимание перенесли на завершение уже начатых проектов и привлечение частного капитала к их совместному финансированию. Неустойчивость экономического роста АРЕ отмечается многими экспертами, в том числе агентством Fitch Ratings, предоставляющим свою информацию в сетях интернет. Агентство дает Египту низкий кредитный рейтинг, это связано с тем, что обменный курс ег. фунта, контролируемый как интервенциями Центрального банка, так и непря-

мыми административными ограничениями, поддерживает завышенный курс национальной валюты. Последнее невыгодно для развития экспорта. Дополнительный вопрос, настораживающий экспертов, состоит в том, что после возникновения дефицита по счету текущих операций, вместо того, чтобы «сбрасывать» курс фунта, египтяне пошли на ограничение импорта в основном за счет прекращения импорта госсектором. Настораживает, что власти пытаются одновременно поддерживать высокий курс фунта и низкие процентные ставки по кредитам ради того, чтобы сохранить валютные резервы ЦБ, которые уже заметно сократились по сравнению с 1997 годом. Эти проблемы были признаны египетской стороной на состоявшемся в начале 2002 года совещании с представителями стран-доноров в Шарм аш-Шейх, где египтяне просили 2 млрд. на покрытие дефицита (обещание было получено, хотя некоторые кредиторы оговорили при этом выдачу займов условиями, которые увязаны с дальнейшим проведением структурных реформ).

[119] *Fawzy S., Galal A., eds.* Partners for Developmnet. New Roles for Government and Private Sector in the Middle East & North Africa. – Wash.: World Bank Institute, 1999. – C. 15.

[120] Сложности возникают не только с оценкой реальных размеров государственной собственности в Египте, но и с оценкой движения государственных капиталовложений, которые в последние годы в значительной части проводились из средств фонда социального страхования через Национальный инвестиционный банк (НИБ). И лишь сравнительно недавно правительство, учитывая замечания рейтинговых агентств, приняло решение ввести учет консолидированного бюджета, включив в него и доходы этого фонда, и операции НИБ, который ссужает кредитами предприятия как общественного сектора, так и частного. В свою очередь, о масштабе и характере государственных инвестиций красноречиво говорит факт "обнаружения" в мае 2000 года правительством Эбейда не учтенных ранее (внебюджетных) инвестиционных расходов государства на сумму примерно 10 млрд. фунтов, осуществленных в 1998/1999 фин. году, то есть при правительстве аль-Ганзури. В этой связи был произведен ретроспективный перерасчет бюджетных показателей, который выразился в следующей картине: рост (а точнее, скачок) государственных инвестиций с 15 635 млрд. ег. ф. в 1997/98 фин. году до 25 321 млрд. в 1998/99 фин. году (в последней цифре, видимо, учтены «найденные миллиарды») и увеличение дефицита госбюджета с 1% ВВП, как это было на протяжении предыдущих 5–6 лет, включая 1997/98, до 4,2% в 1998/99 году. На уровне 4% бюджетный дефицит остался и в следующие годы: 1999/2000 и 2000/01, а внутренний государственный долг повысился до 95% ВВП к концу 2000/01 фин. года. Однако, представляя теперь бюджет на консолидированной основе, статистика сумела задним числом улучшить показатели периода функционирования кабинета Эбейда, «снизив» бюджетный дефицит до 0,7% на 1999/2000 год и до 1,5% на 2000/01, а государственный долг – до 64% ВВП. Между тем отвлечение

средств на покрытие дефицита государственного бюджета считалось одной из причин экономических сложностей, с которыми столкнулось новое правительство Эбейда. Погашение дефицита происходило в основном за счет выпуска и размещения ГКО и привлечения банками вкладов населения под высокие проценты (от 9 до 13% на вклады в национальной валюте). Только в 2000 году более чем вдвое, с 40 830 млрд. до 91 830, вырос объем обязательств по казначейским билетам (treasury bonds), что существенно изменило структуру внутреннего долга. Правительству также удалось решить проблему нехватки ликвидности, отрицательно сказывавшуюся на деловом климате. Тем не менее тенденция 2001 – начала 2002 года состоит в том, что после банкротств мелких фирм, продолжившихся в предыдущем периоде, частные инвестиции находятся в состоянии стагнации, а государственные растут за счет выплат из соцстраха. (См.:Arab Republic of Egypt Year Book. Ministry of Information, State Information Service, 2000, Cairo, C. 81–84; а также: FT Egypt 2000 Economic Outlook, http://specials.ft.com/ln/ftsurveys/country/scdd1a.htm).

[121] Ibid. – C. 3.

[122] См., напр.: *Иванова И.П.* Опыт хозяйственной модернизации в арабском мире. Доклад на IV Ежегодной конференции арабистов ИВ РАН. (6–7 дек. 1999).

[123] Баскин В.С. Приватизация и коммерциализация государственных предприятий. Нигерийская модель // Восток – Oriens. – 1999. – № 3. – С. 86.

Глава II
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ

После распада мировой колониальной системы политическое развитие освободившихся государств, возникших на карте Африки (однако это справедливо и для других регионов), определялось «взаимодействием двух противоположных тенденций – авторитарной и демократической, хотя первая явно преобладала над второй. При всех колебаниях и отклонениях политического процесса, они возникают вновь и вновь. И та, и другая тенденции реализуются через механизм власти и конкретную деятельность правящих режимов, но в прямой и все растущей связи с международной политической динамикой…»[1]. Этот вывод, высказанный одним из авторов коллективной монографии о развитии современной Африки, сделанный уже больше десяти лет назад, не утратил своей актуальности. Практика истекшего десятилетия свидетельствует о том, что данная закономерность действует не только в странах бывшей колониальной периферии, но и в специфических условиях новых независимых государств Евразии, само появление которых на постсоветском пространстве расширило социальную базу как демократии, так и неоавторитаризма.

1. Диалектика демократии и авторитаризма в переходных обществах

> «…Поставленный нами вопрос, по-видимому, соприкасается с трудноразрешимым вопросом такого рода: при каких обстоятельствах должно утверждать, что государство осталось тем же самым или стало не тем же самым, но иным?»
>
> [*Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. – М., 1984, с. 448.*]

Прежде чем перейти к анализу процессов формирования современной политической модели Египта (АРЕ), разумно сделать небольшое отступление, чтобы поместить эту проблему в более широкий исторический контекст.

Считают, что с эпохи становления и расцвета городов Эллады «одной из доминирующих тенденций в истории человечества являлась борьба двух противоположных начал, демократии и тира-

нии»[2], способных к смешению и взаимопревращению. Эта диалектика развития была сформулирована еще Платоном («Государство») и другими эллинскими мыслителями, во времена которых под *тиранией* – в отличие от демократии, прямого народовластия членов гражданской общины (или «правления большинства»), а также от других видов государственного устройства, реальных и умозрительных, – понимали форму политической власти, устанавливаемой насильственным путем и основанной на единоличном правлении. Конкретно речь шла о той организации политического строя, которая возникала в переходный период борьбы народа античного полиса с эвпатридами, родовой знатью, и опиралась на демос в противостоянии с аристократической оппозицией[3]. Социальный смысл власти греческих тиранов исследователи усматривают в «проведении реформ, направленных на улучшение положения демоса, развитие новой социальной иерархии, формирование сильной государственности»[4]. Последнее, не побоимся анахронизма, наводит на целый ряд аналогий, подсказывая мысль об универсальности некоторых фундаментальных признаков, свойственных природе переходных – так называемых транзитных обществ, возникающих в эпохи обновлений…

Воспрянув к жизни в XIII-XIV веках, в перипетиях борьбы народа (пополанов) и баронов, вскипавшей на узкой почве итальянской городской коммуны, противоречие двух базовых политических начал, демократии и тирании, обретало все более напряженный и непрерывный характер. Отмеченное такими вехами, как провозглашение великой хартии Флорентийской республики («Установления справедливости» 1293 года) или восстание в Риме (1312 год), в ходе которого народ вручает власть «диктатору», инверсия демократии и тирании распоряжалась игрою политических сил и страстей, подталкивавших движение городов-государств северной и средней Италии от коммуны к принципату (синьории), став предметом осмысления в философских исканиях итальянского гуманизма, лелеявшего мечту о достижении национального единства. При этом «герольд империи», великий Данте, обращаясь к урокам римской истории («Монархия»), первым из новых европейцев высказался о народной воле как правовом источнике императорской (читай: авторитарной) власти[5]. Политическая философия Кватроченто и Реформации, а затем эпохи Просвещения сообщила этим идеям[6] дальнейшее развитие.

Столкновение, смешение и взаимопроникновение двух конкурирующих политических начал, многоликого и древнего – как египетские пирамиды – авторитаризма и детища Афин, воскресшего в Новом времени, демократии, которая пошла своими кривыми дорогами; это нескончаемое противоборство, возымев силу в эпоху Возрождения, стремительно набирало темп после промышленного переворота, когда Европа и вслед за ней другие регионы, втянутые в орбиту западного мира, стали переживать последовательные кризисы модернизации[7].

Господствующая в науке трактовка этого вопроса сводится к следующему. Поскольку на стадии становления и развития индустриального общества модернизация осуществлялась в запаздывавших странах «второго эшелона» (Россия, Япония и т.д.) под эгидой и при активном участии государства, неспособность последнего отказаться от опоры на традиционные слои послужила причиной расширенного воспроизводства авторитаризма. Его логический предел – тоталитарные режимы.

Так, при наличии в Российской империи элементов стихийного развития капитализма в пореформенные десятилетия XIX века царское правительство, цепляясь за самодержавие, в значительной мере выполняло ту ключевую роль, какую в классических буржуазных странах («первопроходцах») играли предприниматели. В дальнейшем, после 1917 года, словно желая довершить грандиозный замысел Петра I Великого, новое государство продолжило политику модернизации своими средствами. Как пишут по этому поводу, «советский коммунизм был наиболее решительно настроенным, доведенным до крайности модернизмом», влекомым к идеальному порядку, как бы «очищенным от всего хаотического, иррационального, спонтанного, непредсказуемого»[8]. В свою очередь, Германия пришла к тоталитаризму через напряженные усилия по собственной модернизации, к которым добавились настроения социальной фрустрации и национального унижения периода Веймарской республики.

Прототипом современных кризисов модернизации на мусульманском Востоке, осложненных его культурно-историческим наследием, стали известные реформы Османской империи XIX века в русле политики танзимата (букв. «упорядочивания»); частным случаем этого феномена – защитной реакции на европейскую экспансию – явились египетские реформы при Мухаммеде Али, напоминавшие одновременно и танзимат, и петровские новшества.

Частотность кризисов разного уровня, связанных с прорывом на новые вершины модернизации (соответственно, и более резких попятных движений), как известно, возросла в XX веке. Масштабы распространения кризисов раздвинулись после развала колониальных империй, когда в геометрической прогрессии увеличивалось само количество государств, обладающих национальным суверенитетом. И каждое воспроизводило у себя традиционную дилемму соотношения демократии и авторитаризма (тирании), чаще склоняясь к последнему. На то было несколько причин. Среди них – императив ускорения экономического роста и быстрой трансформации традиционных институтов; отсутствие не у всех, но многих освободившихся государств сложившейся национально-культурной общности; наличие доминирующих или встроенных племенных структур, примат религиозно-общинной (сегментарной) самоорганизации населения, этническая мозаика населения, искусственность прочерченных колонизаторами границ и т. д. Все эти факторы, помноженные на тра-

диции восточного деспотизма, служили (в разных комбинациях) условием и предпосылкой становления авторитарных политических систем[9]. Последнее, но немаловажное – давление двухполюсного миропорядка, при котором оба ведущих игрока поддерживали в своих геополитических интересах не просто авторитарные, но и авторитарно-тоталитарные режимы третьего мира.

Подчеркивая связь авторитаризма с процессами экономического роста, исследователи разделяют мнение, что в арабских странах, исторически относящихся к «третьему эшелону» модернизации (иногда говорят: к ее «имитационному» или «экзогенному» типу), задача перевода хозяйства на индустриальные рельсы и создания соответствующей социальной инфраструктуры осуществлялась государством, что и предопределило авторитарность власти как инструмента догоняющего развития и национальной консолидации[10]. Детерминирующая роль государства определялась и тем, что на этапе завоевания и укрепления национального суверенитета *сама история* выносила на поверхность амбициозных политиков, способных реализовать мобилизационный тип развития, а их идеал организованного, контролируемого «сверху» (и управляемого на основе принципов справедливости) общества соответствовал патриархальным иллюзиям и представлениям, которые приобретали новый смысл в условиях распада традиционных общественных структур и отношений. Наделенные демократическими атрибутами и символикой, и вне зависимости от своего типа (партийные они, военные или партийно-военные), республиканские режимы, вышедшие из горнила национально-освободительной борьбы, с неумолимой неизбежностью превращались в авторитарные системы, резервировавшие политическую активность за одной тенденцией, за одной-единственной силой.

Суммируя наблюдения, отражавшие итоги первых 20–35 лет независимого существования освободившихся государств Азии и Африки, французский политолог М. Дюверже сформулировал в своем предисловии к сборнику «Диктатуры и легитимность» неутешительный вывод относительно того, что эти континенты наряду с Латинской Америкой «ныне оказались пристанищем для господства диктатур. Они не только не ослабили деспотизм традиционных монархий и колониальных режимов, но, напротив, его усилили»[11].

Возможно, такое умозаключение было слишком категорично. Но тезис о нарастании деспотизма, в общем-то адекватно описывал, например, положение вещей в Марокко. Традиционно децентрализованной монархии, где власть короля (ранее – султана), имевшая религиозное освящение, усилилась благодаря тому, что на завершающем этапе национального движения патриотические силы сплотились вокруг Алауитского трона и личности Мухаммеда V (1927–1961), пострадавшего от колониальных властей. (В 1953–1955 годах был отстранен и сослан). Как результат, сакральная фигура низложенного государя обернулась символом марокканской независимо-

сти. Дальнейший ход событий привел к становлению иллюзорной многопартийной системы, выгодной марокканскому «*махзену*» (госаппарату) и королю, который даже поощрял дробление политических сил на мелкие партии и кланы, опираясь отнюдь не на парламентские институты конституционной монархии, деятельность которых можно было прервать, а на все более разветвленный и мощный репрессивный аппарат.

Не противоречит данный тезис, сформулированный Дюверже, и факту революции в Египте, утратившему после выступления «Свободных офицеров» вместе с монархией – сервильной по отношению к британскому господству – и конституцию 1923 года, предусматривавшую многопартийный парламент, и британский стиль формирования кабинета на основе парламентского большинства, и те относительные гражданские и социальные свободы, в том числе профсоюзные, которые были предоставлены в свое время вафдистским правительством.

Другое дело, что старый египетский порядок отличался необычайно высокой степенью сращивания с государством национальной буржуазии в целом, и прежде всего – финансово-монополистического капитала (империя банка «Мыср»), который между тем вырос, вопреки европейским закономерностям, на помещичьих деньгах, создавая «сверху» промышленный капитал. А он, в свою очередь, не обладал тем зарядом энергии, что был необходим в условиях модернизации второй половины XX века. Нюансы этой проблемы хорошо изучены отечественными экономистами[12], и к тому же она выходит за хронологические рамки нашего исследования. Остается констатировать, что исторически второй – после эпохи Мухаммеда Али – виток ускоренной модернизации осуществлялся на берегах Нила, как и в других отсталых странах, при определяющей роли государства и волей верховной власти, воздвигнутой над обществом, хотя и правившей от имени народа.

Что касается Гамаля Абдель Насера, основоположника современного египетского режима – и представителя первого, после распада колониальной системы, поколения национальных лидеров Востока, то ему, как никому другому, удалось бонапартистское прочтение идеи народного суверенитета и амплуа правителя-вождя, основанием легитимности которого служит поддержка масс (толпы). Отсюда и перешедшая к его политическим наследникам традиция подмены принципа парламентской демократии практикой плебисцитарной демократии, которая легитимным образом «узаконивает всякое беззаконие»[13], позволяет истреблять оппозицию и расширяет границы исполнительной власти, всецело подчиненной президенту…

* * *

Известно, что «политик, овладевший властью, становится заложником уплаченной цены», а поскольку главная цель политической борьбы есть достижение и удержание власти, то человек, кото-

[1] *Гевелинг Л.* Квазидемократические режимы: попытки реализации западных моделей политической системы // Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука, 1990. – С.126.

[2] Медушевский А. Демократия и тирания в новое и новейшее время. // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 3.

[3] Как известно, античные философы, при всем заметном различии в их построениях, считали тиранию наихудшей формой отклонения от идеального полиса. Демократия рассматривалась ими также как «неправильный», отрицательный тип государственного строя. По Платону, развитие олигархии приводит к росту возмущения бедных против богатых, восстанию и установлению демократии, которая затем вырождается в тиранию. По Аристотелю, олигархия – своекорыстное правление меньшинства, которое возникает как вырожденная форма аристократии; демократия – такая же своекорыстная форма господства большинства, однако она реже влечет за собой внутренние возмущения, чем строй олигархический (наиболее типичный для греческого мира V–V веков до н.э.). В поисках гармонии предлагались различные смешанные варианты правления. Между тем учение Платона о совершенном государстве, особенно его часть, изложенная в «Законах», считается, с одной стороны, прототипом и прямым литературным источником разнообразных социальных утопий средневековья и нового времени, с другой, – первым отвлеченным описанием модели тоталитарного строя.

[4] Там же, с. 3.

[5] Дживелегов А. Данте Алигиери. Жизнь и творчество. – М.: ОГИЗ, 1946, с. 245–250.

[6] Рациональное обоснование тирании (монархии) в противовес идеям тираноборчества. (См., например: *Эльфонд И.Я.* Проблема тирании в трактате И. Жантийе «Анти-Макьявелли» // Культура Возрождения и общество. / Под ред. *В.И. Рутенбурга*. М.: Наука, 1986. – С. 190–199). В арабской философии позитивистский подход к проблеме государства выражен у Ибн Халдуна (1332–1406), апологета сильной власти, живой интерес к которому в арабских странах появился в середине – конце XIX века. Попутно заметим, что тезис А.А. Игнатенко относительно того, что политическая мысль этого последнего «восточного перипатетика», автора трактата «Мукаддима» (Пролегомены), якобы «исполнена антигосударственным пафосом», не соответствует содержанию оригинала (См.: Игнатенко А. Ибн Хальдун. – М.: Мысль, 1984).

[7] См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Под ред. *Н.А. Симония и Л.И. Рейснера.* – М.: Наука, 1984; *Рашковский Е.Б.* Опыт тоталитарной модернизации России (1917–1991) в свете социологии развития. – М.: МЭиМО, 1993; Between Tradition and Modernity: India's Search for Identity: a Twentieth Century Anthology /

Dalmayr F., Devy G.N., eds. – Walnut Creek: Altamira Press, 1998; Tradition and Modernity: The Role of Traditionalism in the Modernization Process / *Lutz J.G., El-Shakhs S.*, eds. – Wash.: University Press of America, 1982.

[8] *Bauman Z.A. Post-Modern Revolution?* // From a One-Party State to Democracy. Transition in Eastern Europe. / *Frenzel-Zagorska J.*, ed – Amsterdam: Rodopi, 1993. – С. 13.

[9] Те страны, где после достижения независимости имело место первоначальное формирование «пробуржуазных» многопартийных режимов (ряд государств Тропической Африки, на Ближнем Востоке – Сирия), в разное время, но в основном к середине 1960-х годов, пережили модификацию систем правления, выразившуюся в отходе от парламентских моделей французского или «вестминстерского» образца, который осуществлялся путем корректировки конституций либо в результате радикальных государственных переворотов и вмешательства армии в политическую жизнь. Об этом подробнее см.: *Гевелинг Л.* Указ. соч. – С. 128.

[10] *Сейранян Б.Г.* К вопросу о критериях классификации современных арабских стран // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. *Сейраняна Б.Г.* и др. – Вып. 4. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 6–12.

[11] Dictatures et légitimité. Colloque. – Paris, 1982. – С. 21.

[12] См.: *Фридман Л.А.* Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963.

[13] *Медушевский А.* Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С.20.

Глава II
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ

После распада мировой колониальной системы политическое развитие освободившихся государств, возникших на карте Африки (однако это справедливо и для других регионов), определялось «взаимодействием двух противоположных тенденций – авторитарной и демократической, хотя первая явно преобладала над второй. При всех колебаниях и отклонениях политического процесса, они возникают вновь и вновь. И та, и другая тенденции реализуются через механизм власти и конкретную деятельность правящих режимов, но в прямой и все растущей связи с международной политической динамикой…»[1]. Этот вывод, высказанный одним из авторов коллективной монографии о развитии современной Африки, сделанный уже больше десяти лет назад, не утратил своей актуальности. Практика истекшего десятилетия свидетельствует о том, что данная закономерность действует не только в странах бывшей колониальной периферии, но и в специфических условиях новых независимых государств Евразии, само появление которых на постсоветском пространстве расширило социальную базу как демократии, так и неоавторитаризма.

1. Диалектика демократии и авторитаризма в переходных обществах

> «…Поставленный нами вопрос, по-видимому, соприкасается с трудноразрешимым вопросом такого рода: при каких обстоятельствах должно утверждать, что государство осталось тем же самым или стало не тем же самым, но иным?»
>
> [*Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 4. – М., 1984, с. 448.*]

Прежде чем перейти к анализу процессов формирования современной политической модели Египта (АРЕ), разумно сделать небольшое отступление, чтобы поместить эту проблему в более широкий исторический контекст.

Считают, что с эпохи становления и расцвета городов Эллады «одной из доминирующих тенденций в истории человечества являлась борьба двух противоположных начал, демократии и тира-

нии»[2], способных к смешению и взаимопревращению. Эта диалектика развития была сформулирована еще Платоном («Государство») и другими эллинскими мыслителями, во времена которых под *тиранией* – в отличие от демократии, прямого народовластия членов гражданской общины (или «правления большинства»), а также от других видов государственного устройства, реальных и умозрительных, – понимали форму политической власти, устанавливаемой насильственным путем и основанной на единоличном правлении. Конкретно речь шла о той организации политического строя, которая возникала в переходный период борьбы народа античного полиса с эвпатридами, родовой знатью, и опиралась на демос в противостоянии с аристократической оппозицией[3]. Социальный смысл власти греческих тиранов исследователи усматривают в «проведении реформ, направленных на улучшение положения демоса, развитие новой социальной иерархии, формирование сильной государственности»[4]. Последнее, не побоимся анахронизма, наводит на целый ряд аналогий, подсказывая мысль об универсальности некоторых фундаментальных признаков, свойственных природе переходных – так называемых транзитных обществ, возникающих в эпохи обновлений…

Воспрянув к жизни в XIII-XIV веках, в перипетиях борьбы народа (пополанов) и баронов, вскипавшей на узкой почве итальянской городской коммуны, противоречие двух базовых политических начал, демократии и тирании, обретало все более напряженный и непрерывный характер. Отмеченное такими вехами, как провозглашение великой хартии Флорентийской республики («Установления справедливости» 1293 года) или восстание в Риме (1312 год), в ходе которого народ вручает власть «диктатору», инверсия демократии и тирании распоряжалась игрою политических сил и страстей, подталкивавших движение городов-государств северной и средней Италии от коммуны к принципату (синьории), став предметом осмысления в философских исканиях итальянского гуманизма, лелеявшего мечту о достижении национального единства. При этом «герольд империи», великий Данте, обращаясь к урокам римской истории («Монархия»), первым из новых европейцев высказался о народной воле как правовом источнике императорской (читай: авторитарной) власти[5]. Политическая философия Кватроченто и Реформации, а затем эпохи Просвещения сообщила этим идеям[6] дальнейшее развитие.

Столкновение, смешение и взаимопроникновение двух конкурирующих политических начал, многоликого и древнего – как египетские пирамиды – авторитаризма и детища Афин, воскресшего в Новом времени, демократии, которая пошла своими кривыми дорогами; это нескончаемое противоборство, возымев силу в эпоху Возрождения, стремительно набирало темп после промышленного переворота, когда Европа и вслед за ней другие регионы, втянутые в орбиту западного мира, стали переживать последовательные кризисы модернизации[7].

Господствующая в науке трактовка этого вопроса сводится к следующему. Поскольку на стадии становления и развития индустриального общества модернизация осуществлялась в запаздывавших странах «второго эшелона» (Россия, Япония и т.д.) под эгидой и при активном участии государства, неспособность последнего отказаться от опоры на традиционные слои послужила причиной расширенного воспроизводства авторитаризма. Его логический предел – тоталитарные режимы.

Так, при наличии в Российской империи элементов стихийного развития капитализма в пореформенные десятилетия XIX века царское правительство, цепляясь за самодержавие, в значительной мере выполняло ту ключевую роль, какую в классических буржуазных странах («первопроходцах») играли предприниматели. В дальнейшем, после 1917 года, словно желая довершить грандиозный замысел Петра I Великого, новое государство продолжило политику модернизации своими средствами. Как пишут по этому поводу, «советский коммунизм был наиболее решительно настроенным, доведенным до крайности модернизмом», влекомым к идеальному порядку, как бы «очищенным от всего хаотического, иррационального, спонтанного, непредсказуемого»[8]. В свою очередь, Германия пришла к тоталитаризму через напряженные усилия по собственной модернизации, к которым добавились настроения социальной фрустрации и национального унижения периода Веймарской республики.

Прототипом современных кризисов модернизации на мусульманском Востоке, осложненных его культурно-историческим наследием, стали известные реформы Османской империи XIX века в русле политики танзимата (букв. «упорядочивания»); частным случаем этого феномена – защитной реакции на европейскую экспансию – явились египетские реформы при Мухаммеде Али, напоминавшие одновременно и танзимат, и петровские новшества.

Частотность кризисов разного уровня, связанных с прорывом на новые вершины модернизации (соответственно, и более резких попятных движений), как известно, возросла в XX веке. Масштабы распространения кризисов раздвинулись после развала колониальных империй, когда в геометрической прогрессии увеличивалось само количество государств, обладающих национальным суверенитетом. И каждое воспроизводило у себя традиционную дилемму соотношения демократии и авторитаризма (тирании), чаще склоняясь к последнему. На то было несколько причин. Среди них – императив ускорения экономического роста и быстрой трансформации традиционных институтов; отсутствие не у всех, но многих освободившихся государств сложившейся национально-культурной общности; наличие доминирующих или встроенных племенных структур, примат религиозно-общинной (сегментарной) самоорганизации населения, этническая мозаика населения, искусственность прочерченных колонизаторами границ и т. д. Все эти факторы, помноженные на тра-

диции восточного деспотизма, служили (в разных комбинациях) условием и предпосылкой становления авторитарных политических систем[9]. Последнее, но немаловажное – давление двухполюсного миропорядка, при котором оба ведущих игрока поддерживали в своих геополитических интересах не просто авторитарные, но и авторитарно-тоталитарные режимы третьего мира.

Подчеркивая связь авторитаризма с процессами экономического роста, исследователи разделяют мнение, что в арабских странах, исторически относящихся к «третьему эшелону» модернизации (иногда говорят: к ее «имитационному» или «экзогенному» типу), задача перевода хозяйства на индустриальные рельсы и создания соответствующей социальной инфраструктуры осуществлялась государством, что и предопределило авторитарность власти как инструмента догоняющего развития и национальной консолидации[10]. Детерминирующая роль государства определялась и тем, что на этапе завоевания и укрепления национального суверенитета *сама история* выносила на поверхность амбициозных политиков, способных реализовать мобилизационный тип развития, а их идеал организованного, контролируемого «сверху» (и управляемого на основе принципов справедливости) общества соответствовал патриархальным иллюзиям и представлениям, которые приобретали новый смысл в условиях распада традиционных общественных структур и отношений. Наделенные демократическими атрибутами и символикой, и вне зависимости от своего типа (партийные они, военные или партийно-военные), республиканские режимы, вышедшие из горнила национально-освободительной борьбы, с неумолимой неизбежностью превращались в авторитарные системы, резервировавшие политическую активность за одной тенденцией, за одной-единственной силой.

Суммируя наблюдения, отражавшие итоги первых 20–35 лет независимого существования освободившихся государств Азии и Африки, французский политолог М. Дюверже сформулировал в своем предисловии к сборнику «Диктатуры и легитимность» неутешительный вывод относительно того, что эти континенты наряду с Латинской Америкой «ныне оказались пристанищем для господства диктатур. Они не только не ослабили деспотизм традиционных монархий и колониальных режимов, но, напротив, его усилили»[11].

Возможно, такое умозаключение было слишком категорично. Но тезис о нарастании деспотизма, в общем-то адекватно описывал, например, положение вещей в Марокко. Традиционно децентрализованной монархии, где власть короля (ранее – султана), имевшая религиозное освящение, усилилась благодаря тому, что на завершающем этапе национального движения патриотические силы сплотились вокруг Алауитского трона и личности Мухаммеда V (1927–1961), пострадавшего от колониальных властей. (В 1953–1955 годах был отстранен и сослан). Как результат, сакральная фигура низложенного государя обернулась символом марокканской независимо-

сти. Дальнейший ход событий привел к становлению иллюзорной многопартийной системы, выгодной марокканскому «*махзену*» (госаппарату) и королю, который даже поощрял дробление политических сил на мелкие партии и кланы, опираясь отнюдь не на парламентские институты конституционной монархии, деятельность которых можно было прервать, а на все более разветвленный и мощный репрессивный аппарат.

Не противоречит данный тезис, сформулированный Дюверже, и факту революции в Египте, утратившему после выступления «Свободных офицеров» вместе с монархией – сервильной по отношению к британскому господству – и конституцию 1923 года, предусматривавшую многопартийный парламент, и британский стиль формирования кабинета на основе парламентского большинства, и те относительные гражданские и социальные свободы, в том числе профсоюзные, которые были предоставлены в свое время вафдистским правительством.

Другое дело, что старый египетский порядок отличался необычайно высокой степенью сращивания с государством национальной буржуазии в целом, и прежде всего – финансово-монополистического капитала (империя банка «Мыср»), который между тем вырос, вопреки европейским закономерностям, на помещичьих деньгах, создавая «сверху» промышленный капитал. А он, в свою очередь, не обладал тем зарядом энергии, что был необходим в условиях модернизации второй половины XX века. Нюансы этой проблемы хорошо изучены отечественными экономистами[12], и к тому же она выходит за хронологические рамки нашего исследования. Остается констатировать, что исторически второй – после эпохи Мухаммеда Али – виток ускоренной модернизации осуществлялся на берегах Нила, как и в других отсталых странах, при определяющей роли государства и волей верховной власти, воздвигнутой над обществом, хотя и правившей от имени народа.

Что касается Гамаля Абдель Насера, основоположника современного египетского режима – и представителя первого, после распада колониальной системы, поколения национальных лидеров Востока, то ему, как никому другому, удалось бонапартистское прочтение идеи народного суверенитета и амплуа правителя-вождя, основанием легитимности которого служит поддержка масс (толпы). Отсюда и перешедшая к его политическим наследникам традиция подмены принципа парламентской демократии практикой плебисцитарной демократии, которая легитимным образом «узаконивает всякое беззаконие»[13], позволяет истреблять оппозицию и расширяет границы исполнительной власти, всецело подчиненной президенту…

* * *

Известно, что «политик, овладевший властью, становится заложником уплаченной цены», а поскольку главная цель политической борьбы есть достижение и удержание власти, то человек, кото-

рому предстоит использовать власть, обычно меняет поле политики, ищет: какие альянсы возможны, какие мотивации политической деятельности станут теперь наиболее убедительными[14]. Перед властью как социальным институтом всегда стоит задача самосохранения и легитимации. Не станет открытием, если мы скажем, что легитимация власти в афро-азиатских, да и в других переходных обществах имеет свои особенности. И первая среди них – высокая степень персонификации власти на Востоке, ее воплощение в конкретном облике того или иного лидера, выживаемость которого определяется, по замечанию М.Х.Хейкала, «не полнотой выполнения предвыборной программы (что естественно на Западе), но мерой личного престижа, зависит от значимости его достижений»[15].

Это явление можно объяснить двояко: как устойчивостью вековых традиций политической культуры, уходящей корнями в глубинные пласты прошлого, так и состоянием общества на стадии модернизации, когда залогом и концентрированным выражением идеи национального единства становится харизматическое обаяние лидера, присущее ему от природы или искусственно создаваемое официальной пропагандой. С течением времени и сообразно сложившейся обстановке на смену лидерам-знаменосцам первой волны приходят деятели другого типа, прагматики и консервативные стражи существующего порядка, а функции лидерства (как фактора обеспечения легитимности политического строя) меняются, скользя по оси: признание власти – подчинение без принуждения – оправдание принуждения.

Зачастую фактором легитимации режима и его легендой становятся былые заслуги вождя и его команды, как это наблюдалось, например, в Тунисе времен культа личности «Верховного борца» за независимость и основателя правящей партии (президент Бургиба: 1957–1987); или в Алжире, где до сих пор не сошли со сцены руководители, овеянные славой «исторических героев» освободительной войны (действующий президент Бутефлика)[16]. В иных случаях легенда создается «на ходу», кристаллизуясь вокруг предводителя когорты, внезапно захватившей государственную власть. Один из классических образцов такого рода – египетские «Свободные офицеры», актив которых (core group), состоявший из узкого круга лиц, 10–12 человек, взяв в свои руки бразды правления и разрушая шаг за шагом старый порядок, переживал собственную эволюцию и распад, по мере выдвижения в лидеры их «первого среди равных».

Характерны также метаморфозы верхушечных (военных или просто дворцовых) переворотов, которые, по сути, означают перегруппировку сил внутри режима, но со временем приобретают статус «исправительных движений» и даже «революций». В качестве иллюстрации можно привести смену состава партийно-государственного руководства в Алжире летом 1965 года; событие, которое официальная пропаганда упоминала затем под эвфемизмом «Возрождение 19 июня»[17]. А также последовавшие одно за другим «исправительные

движения» в Сирии и Египте начала семидесятых. Более поздний пример – ноябрь 1987 года и вынужденная отставка престарелого Бургибы, пожизненного главы Тунисской республики[18], в пользу его премьер-министра и генерального секретаря Социалистической дустуровской партии (СДП). Тихий государственный переворот, который в Тунисе называют, подчеркивая его бескровность, «жасминной революцией», а на официальном языке – «Переменами» с большой буквы или «новой эрой» (*'ахд джадид*). Эрой президента Бен Али.

Аналогия из другой области – возвеличивание экономических начинаний лидера. Например, непрерывные «революции» Бумедьена, в том числе его окончившаяся провалом промышленная революция (обещавшая превратить Алжир в «африканскую Японию») или нашумевшая аграрная революция, которую по скромности реальных, да и запланированных масштабов трудно было даже назвать реформой. Не касаясь пока деталей египетской ситуации, отметим, что на мельницу авторитаризма льют воду как прошлые, так и новоприобретенные победы лидера, его реальные или мнимые успехи, которые становятся объектом политического мифа. При этом инициатива мифотворчества исходит не только от самого руководителя, но и от его окружения, а единоличная власть порой откровенно провозглашается как политическая необходимость.

Красноречивы слова из текста резолюции региональной конференции партии Арабского социалистического возрождения (ПАСВ) – Баас, состоявшейся в Сирии впервые после государственного переворота в ноябре 1970 года и прихода к власти армейской фракции баасистов во главе с министром обороны Хафезом Асадом («избран» президентом на референдуме 12 марта 1971 года). Участники майской партийной конференции 1971 года заявили об отказе от принципа коллективного руководства, подчеркнув, что народ «испытывает потребность в лидере, жаждет объединиться вокруг такового и видит теперь в товарище Хафезе Асаде того лидера, которого искали»[19].

Примечательно, что как раз с приходом к власти военного крыла ПАСВ имела место декоративная отмена однопартийного режима, существовавшего с 1963 по 1972 годы (создание Национального Прогрессивного фронта из пяти организаций и партий-участниц); возобновилась деятельность парламента при одновременном ужесточении режима личной власти Асада, прозванного на Западе «Дамасским сфинксом». Перевыборы президента путем плебисцитов, как пишет П. Волкер, превращались в карнавал, служивший поводом для выражения лояльности со стороны профессиональных и других неправительственных организаций. Тем временем в сирийской партии Баас, все более «размывающейся» по мере увеличения численности ее рядов, принцип выборности руководящих органов был сведен на нет, а сама она трансформирована из политико-идеологической организации в (милитаризованную) бюрократическую – приводной ремень государственного аппарата[20].

Говоря об исторической обусловленности авторитаризма, следует иметь в виду, однако, и объективные факторы его эволюции в сторону «мягкого», «просвещенного» авторитаризма либо, в иных выражениях и терминах (применяемых к одному и тому же явлению), – движение к ограниченной, или контролируемой, «нелиберальной» демократии, «дозированному плюрализму» и т. п. У многих сторонних и местных наблюдателей это движение вызывает понятный скепсис. Вместе с тем, как это уже нами отмечалось, в либеральных тенденциях, наметившихся в арабских странах в последней четверти – конце XX века, можно усматривать и реакцию общества на разнообразные внутренние кризисы, и сложную адаптацию к постиндустриальным вызовам, которые носят глобальный и необратимый характер.

Некоторые исследователи (например, И.В.Стародубовская и В.А.Мау) полагают, что именно в последней четверти XX века цивилизация вступила в кризис ранней постмодернизации, толчком к которому послужил «нефтяной шок», резкий мировой рост цен на энергоресурсы[21]. А это, как известно, подтолкнуло развитые индустриальные центры мира к быстрому переходу на новейшие технологии, в том числе – к внедрению ранее сделанных открытий.

Нелишне уточнить, что катализатором изменений на мировом рынке сырья стало удорожание черного золота с 5 долларов за баррель в 1970 году до 18 долларов в 1976 году (в постоянных ценах 1979 года). Этот рост, еще более впечатляющий в текущих ценах, был вызван увеличением спроса на энергоносители со стороны промышленного сектора индустриальных стран; но единовременное потрясение рынка спровоцировало нефтяное эмбарго, объявленное Западу арабскими государствами в ходе четвертой ближневосточной войны 1973 года, которую в Египте называют «Октябрьской», а в Израиле – «войной Судного дня».

Сами названные выше авторы признают, что «пока еще совершенно недостаточно материала, чтобы полностью охарактеризовать временные границы и характер протекания кризиса ранней постмодернизации». Нельзя, однако, не согласиться с их мнением о том, что для тех развивающихся стран, где к началу кризисного периода еще не полностью был исчерпан потенциал индустриализации по модели импортозамещения, приспособление экономики и адаптация политической системы к вызовам меняющегося мира приобретают весьма тяжелый характер. А сами попытки реструктуризации сектора крупного промышленного производства (созданного усилиями государства и остающегося под его крылом) чреваты особо резким обострением социальной напряженности.

В этой связи следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Начало перестройки экономики по типу *инфитаха* пришлось в Тунисе, Египте, Сирии на 1972–1974 годы (в запаздывавшем Алжире подобное имело место лишь десять лет спустя, после смерти Бумедьена), совпав со скачкообразным удорожанием нефте-

газовых ресурсов, то есть с «нефтяным бумом», каким обернулся для арабского региона первый в истории мировой энергетический кризис. Ранние процессы, регулируемые политикой открытых дверей, протекали здесь в достаточно благоприятных условиях. Между тем общий региональный кризис, обнаживший накопленные противоречия предыдущего периода, разразился в 1986–1987 годах под влиянием резкого падения мировых цен на энергоносители.

Назовем его «обратным» нефтяным шоком (с противоположным вектором воздействия на регион, откуда исходили импульсы шока № 1). Этот кризис, одновременно захвативший, хотя и в неравной степени, все страны Арабского Востока, развивался вплоть до середины 1990-х годов, когда здесь наметилось восстановление темпов роста[22]. Внутренней границей кризиса можно считать рубеж 1980–90-х годов, до которого в экономической политике еще продолжала действовать старая инерция. Вспомним упреки в адрес Мубарака по поводу упущенного им времени для старта либеральных реформ, отложенных до 1991 года, и его же заверения (в разных словесных вариациях) о государственном секторе как альфе и омеге египетского национального существования.

Первые заявления о желании присоединиться к программам рыночной реструктуризации поступили в 1986–1987 годах (заметим, что в Сирии, которая не пошла на сотрудничество с МВФ, еще более ограниченные, чем в АРЕ, реформы рыночного типа назвали «вторым *инфитахом*»). К реализации этих намерений приступают в начале 1990-х годов. Это время отмечено войной в Заливе, обострением борьбы с исламским движением в Тунисе и Египте, наконец, началом гражданской войны в АНДР и рядом других прямых и косвенных факторов, которые действовали в пользу укрепления силовых структур и оправдания препон для деятельности оппозиции. Встречное влияние оказывали общедемократические изменения в мире. Как результат, возникает конфликт тенденций: противоречие между усилиями либеральной и стабилизационной направленности, что обнаруживает себя при осуществлении хозяйственных реформ (дерегулирование, разгосударствление, приватизация и проч.) и равным образом – в реформах, связанных с институциональной демократизацией политической сферы.

Последнее, с точки зрения критически настроенных аналитиков, в том числе участников конференции арабских политологов, материалы которой были изданы в 1995 году под названием «Демократия без демократов», означает лишь изменение фасада режимов, искусный политический маневр, призванный скорее обеспечить устойчивость авторитарного государства в новых условиях, нежели глубоко его реформировать[23]. В частности, тунисский социолог Мухаммед Эльбаки Хермасси отмечал, имея в виду опыт своей страны, что государство ныне «вынуждено создавать на своей орбите кажущуюся плюралистической систему политических партий и организаций, дабы разделить с

ними ответственность», однако правящая партия и пребывающее за нею государство остаются «реальным вершителем судеб».

В следующих разделах данной главы рассматриваются особенности подобного процесса в Египте, что заставляет вернуться к «насеровскому» периоду, когда и закладывались основные параметры режима. При этом возникает определенный круг вопросов. Насколько глубокой оказалась трансформация политической системы, развитие которой начиналось с правления военной хунты; ведь недаром Египет первых лет после революции 1952 г. иронически называли «республикой бикбаши» (то есть подполковников), хотя старая государственная машина и не была сломана. Кто доминирует сейчас: армия или бюрократия? В какой мере государству удается сохранять свой автономный характер надклассового арбитра? Как изменилась по сути (и изменилась ли вообще) роль президента, который юридически и фактически занимает центральное место в государственном механизме АРЕ? И, наконец, можно ли говорить о том, что в условиях движения к политическому плюрализму, начатого уже четверть века тому назад по инициативе «сверху», идет реальное развитие элементов партийно-парламентской демократии – или, напротив, усиливается давление на общество аппарата исполнительной власти?

2. Президентская власть, ее функции и способы легитимации

> «Насер внушал во всем арабском мире такие страх и восхищение, что даже те, которые ненавидели его, в известном смысле ему же и подражали…»
>
> [*A. Richards, J. Waterbury. A Political Economy of the Middle East, Boulder etc.,1990, c. 453*]
>
> «Какой человек наш Бонапарт! Ему еще нет 28 лет, а над его головой все виды славы – слава войны, слава мира, слава сдержанности, слава благородства: он имеет все».
>
> [*Талейран, 1797 г.*]

По форме правления АРЕ (как Тунис, Алжир, нынешняя Сирия) – монократическая республика, при которой основные прерогативы политической власти сосредоточены в руках президента. Следует также иметь в виду, что действующее египетское законодательство существенно сужает рамки практического осуществления общедемократических положений конституции. Последняя квалифицирует президента одновременно как главу государства и лицо, возглавляющее исполнительную власть, и наделяет его регламентарной властью – правом принимать постановления и декреты, необходимые для исполнения законов, для охраны общественного порядка, регулирова-

ния деятельности государственных служб и учреждений. Более того, глава государства в определенных случаях пользуется конституционным правом принимать декреты, имеющие силу закона, а именно – в период между сессиями Народного собрания (или во время его роспуска), либо «по вопросам, не терпящим отлагательства». Он обладает законодательной инициативой, разделяя ее с Народным собранием, которое президент волен в любое время распустить. Наконец, он имеет возможность влиять на законотворческую деятельность парламента с помощью отлагательного вето[24]. Принимая во внимание эти положения основного закона АРЕ, а также их вариации в конституциях других арабских стран[25], следует прийти к выводу, что прописанное в них верховенство президента значительно превосходит нормы, принятые в президентских республиках Запада (среди которых классической считается форма правления США). Однако де-факто власть президента далеко не исчерпывается той, что обеспечена ему де-юре.

«Президентская власть в Египте, – писал по этому поводу А.М.Васильев, – более чем какой-либо другой государственный институт – центр, фокус власти. Арабский термин для обозначения президентской власти – ар-ри'яса – предполагает более могущественный институт, чем русский, английский или другой эквивалент этого слова. Комплекс традиций, статуса и социально-культурной обстановки предоставляет в руки президента огромную власть, сочетаемую с колоссальной ответственностью»[26].

Разумеется, за всякой схемой стоит историческое многообразие; а в портретной галерее арабских лидеров второй половины XX века фигурируют разные социальные типажи и мало похожие друг на друга личности. Будь то представители кадрового офицерства и авторы военных переворотов, в том числе эпигоны Гамаля Абдель Насера… Либо, напротив, его недруг и даже антипод – прозападный и сугубо гражданский политик Бургиба, адвокат по профессии; в прежние годы (1934–1956) популярный в Тунисе и жесткий лидер национального движения, всегда, однако, «предпочитавший оружию переговоры»[27]. Или то бывшие сержанты французской армии и полевые командиры – молодые руководители Алжирской Народной Демократической Республики, которые и после создания АНДР продолжали звать себя «муджахедами». Среди них и ревнивый поклонник Насера, первый алжирский президент(1962–1965), «романтик» Бен Белла, запомнившийся своей летучей фразой, что ему, мол, кубинец Кастро – брат, Насер – учитель, но Тито – образец. И второй президент(1965–1978), «прагматик» Бумедьен, прежний министр обороны в правительстве АНДР, сославший своего предшественника в тюрьму и политическое небытие, обвинив Бен Беллу в «рекламном социализме». Крестьянский сын и студент Аль-Азхара, напрасно мечтавший попасть в каирскую Военную академию, он вторично родился под партизанской кличкой в 1955 году, навсегда отказался от своего

подлинного имени (Мухаммед Бухарруба) и, став во главе республики, приправил левацкую доктрину ФНО умеренно исламским призывом «возвращения к истокам», а девиз «революционной миссии» Алжира – лозунгом наведения порядка, и полностью сменил образ лидера страны. Вместо любимца толпы, открытого, эмоционального оратора, в чьем поведении воплощалось «правительство трибуны и микрофона», после 1965 года, то есть свержения Бен Беллы, алжирцы увидели перед собой, пишет Р.Г.Ланда, совсем другого человека – замкнутого, немногословного, суховатого «труженика власти», которого друзья прозвали «Шведом» за угрюмую молчаливость, рыжеватые волосы и неарабскую внешность, а враги – «Желтым скорпионом» за властность, непримиримость и безжалостность[28].

В чем-то Бумедьен, о ком еще говорили как о человеке, снимавшем и надевавшем на себя разные личины, был похож и непохож на своих «коллег-президентов»: и на Садата, с которым после смерти Насера он продолжал соперничать за лидерство в арабском мире. И на хладнокровного хозяина Дамаска, Хафеза Асада, который провел свое «исправительное движение» 16 ноября 1970 года, действуя, однако, в иной (чем в Алжире или Египте) социально-политической среде и обстановке.

Зарубежные и отечественные наблюдатели отмечали в конце правления Асада, что понятие «Дамаск», или «сирийский режим» предполагает некое единоначалие, консолидированную волю и вместе с тем всесилие узкого круга приближенных, состоявшего из двух десятков человек, которые монополизировали ключевые посты, обусловив тем самым политическое господство единоверцев президента – традиционно приниженной религиозной общины алавитов (около 12% населения), занявшей свою социальную нишу на армейской службе. При этом полковник Асад, надо отдать ему должное, положил конец затянувшейся практике военных переворотов в Сирии, завершив их серию собственным путчем (22-м по счету); но зато, по словам американского политолога Д.Пайпса, делал все, дабы «сохранить в своей стране главенствующее положение для себя, семьи и конфессии», оставляя рычаги экономической власти за богатыми мусульманами-суннитами и даже проводя в их интересах либерализацию с условием, чтобы те не покушались на политическую власть.[29]

Наконец, среди действующих политиков, успевших начать свою карьеру в шестидесятых, бессменный вождь Ливийской революции – Муамар Каддафи, сменивший полковничью фуражку на чалму. Автор теории «третьего мирового пути» и уникальной джамахирийской системы прямого народовластия, на первых порах пытавшийся применить у себя насеровскую модель «арабского социализма» и даже всерьез считавший, что не Садату, а ему положено стать политическим наследником своего кумира. Подобный список можно продолжать, и каждый персонаж на политическом небосклоне Арабского Востока добавляет свои оттенки в пеструю палитру красок.

Но правда и то, что, независимо от субъективных взглядов и персональных особенностей этих незаурядных государственных деятелей созданные ими политические режимы, порой недолговечные, как «Красный Ирак» при Касеме, порой – весьма устойчивые, как диктатура Дустуровской партии в Тунисе, во многом зиждились на личном авторитете лидера, который кроил систему «под свой размер», так или иначе прибегая к использованию традиционных механизмов управления и социального регулирования. Поэтому и принципом периодизации политической истории оказываются «эры царствования» (никак – не сроки «администрации») новых самодержцев Арабского Востока, носителей республиканской власти, которые в известном смысле не отличались от своих соседей и современников, хозяев королевского дворца. От таких политических игроков, как ограниченный монарх и «повелитель правоверных» Хасан II (1961–1999), чье личное влияние в Марокко подкрепляла наследственная духовная (халифская) власть, некогда присвоенная султанами Дальнего Магриба. Или, к примеру, – король Хусейн бен Талал (1953–1999), который поставил рекорд политического долголетия, сумев обеспечить в Иордании авторитет и выживаемость Хашимитской династии, как раз не обладавшей традиционной легитимностью.

Речь в данном контексте идет о том, еще раз повторим, что реальные масштабы властных полномочий главы государства, как правило, превосходят формальные права, закрепленные на конституционном уровне. Отсюда и тяготение президентских республик к превращению в своего рода «президентские монархии»; и возрождение, согласно логике этого процесса, властных отношений патриархального, а точнее – неопатриархального типа[30]. Эту истину хорошо понимают в арабских странах. Так, один из египетских журналов, имея в виду предрешенный результат будущего голосования по кандидатуре премьер-министра Насера, выдвинутого на пост президента, писал в мае 1956 года, что референдум лишь введет в нормативные рамки традицию, по которой легитимация власти суть не что иное, как признание личных способностей и дарований ее носителя; сама по себе форма лидерства – «вопрос вторичный и не столь значимый»[31].

Наконец, не приходится отрицать и тот очевидный факт, что даже в арабских государствах светской ориентации, если не в конституционном строе, то в способе осуществления власти находит свое отражение (или отзвук) традиционная концепция мусульманского правления, а именно такового, которое в идеале представляло собой, согласно взгляду многих современных законоведов и политологов, не абсолютную монархию, не демократическую республику, а скорее – подобие президентской республики, с присущим халифату принципом консультаций (*шура*) и формулой особого договора (*бай'а*, то же: *мубай'а*) между правителем и общиной. Влияние этой концепции на государственно-правовое развитие ряда стран Ближнего Востока, в том числе Египта, заметно возросло с начала 70-х годов [32].

На деле, как это наблюдается в арабских странах, президентская власть стремится к тому, чтобы стать пожизненной, а по возможности – и наследственной, о чем свидетельствует прецедент «избрания» Башара Асада после тридцатилетнего правления его отца, скончавшегося в 2000 году. Наводит на размышления и та легкость, с какой в Сирии была принята (под конкретное лицо) конституционная поправка, снизившая требуемый возраст для кандидата в президенты. Не секрет, что к династическому варианту передачи власти готовятся в Ираке, и вопрос состоит лишь в том, каким станет исход междоусобиц в клане Саддама Хусейна (другой сценарий – падение иракского режима в итоге внешней интервенции – выглядит пока маловероятным).

Как будет показано ниже, в негласной форме пожизненное президентство существует и в АРЕ, во всяком случае, этому не препятствует конституция. Более того, время от времени в египетских официальных кругах и в средствах массовой информации начинают муссировать идею о возможном преемнике – на высшем государственном посту – в лице Гамаля Мубарака, сына действующего президента. По словам одного египетского политолога, бывшего дипломата Б.Тахсина, «после 1954 года [то есть после окончательной победы группировки Насера] президенты в Египте живут и умирают; они никогда не сменяются по выбору народа»[33]. Понятно, что при таком положении вещей руководитель страны не заинтересован в изменении системы, которая доказала свою инерционную прочность и «покоится на созданных ею надежных службах безопасности»[34]. Его забота состоит в том, чтобы предотвратить появление и консолидацию внесистемной оппозиции, от которой следует ожидать удара, и поддерживать общество в пассивном состоянии. А социальная инертность как раз представляет собой те «оборонительные заграждения и рвы», которые придется штурмовать силам, желающим перемен.

3. Общая характеристика эволюции режима и силуэты его лидеров

Естественно, что для нынешнего египетского лидера проблема личного престижа стоит по-своему остро, но прежде чем перейти к характеристике политической фигуры Хосни Мубарака, обратим внимание на историю развития самого института президентской власти после революции 1952 года. Египетский режим, как и во многих развивающихся странах, был генетически военным, однако у «Свободных офицеров» не было того славного прошлого, как у алжирских вождей повстанческой армии. Конспираторы, объявившие задним числом свой переворот антимонархической, антифеодальной и т. п. революцией, не были известны широкой публике и поначалу держались в тени, выдвинув на авансцену заслуженного и популярного в войсках генерала Нагиба, который стал первым, хотя и номинальным президентом[35]. Между тем имена и биографии других членов

Исполкома «Свободных офицеров», преобразованного в Совет революционного командования (СРК)[36] долго не раскрывались.

Легитимность новому режиму, постепенно приобретавшему гражданские черты, придала харизматическая личность Насера и его послереволюционные достижения, в том числе национализация Суэцкого канала и возведение высотной Асуанской плотины, значение которой еще на стадии обсуждения проекта вышло далеко за рамки чисто хозяйственных задач. Символизируя стремление построить передовое индустриальное общество, Высотная плотина, как сказал о ней Микаэл Хадсон, была «не только экономическим замыслом, но и важнейшим инструментом обеспечения легитимности (legitimacy-building device), что отчасти объясняет неистовую реакцию Насера на отказ США финансировать строительство»[37]. Отражение тройственной агрессии осенью 1956 года дополнительно повысило престиж Насера, придав его образу героическую окраску. Недаром для его политических наследников – как первого, так и второго – встала задача создания собственной лидерской ауры.

«События 1956 года и последующих лет возвели Насера в живой символ арабского национализма; но за этим феноменом, – пишет Альберт Хаурани, – стояла четкая цель египетской политики: сделать Египет головным звеном и предводителем общеарабского блока, настолько слитного, чтобы внешний мир был вынужден строить отношения с этим блоком не иначе, как через договоренности с Каиром»[38]. Напомним некоторые факты из этой уже далекой истории.

Отнюдь не случайным совпадением является то обстоятельство, что именно на 1956 год приходятся следующие эпохальные события: последний британский солдат покинул Египет (13 июня), на референдуме принята конституция Египетской Республики, и Насер избран президентом (23 июня), обнародован декрет о национализации Суэцкого канала (26 июля), англо-франко-израильская агрессия против Египта (29 октября – 7 ноября). Известно, что неизбежную катастрофу египетской армии в этой молниеносной войне предотвратило вмешательство Советского Союза[39], интересы которого на сей раз совпали с американскими интересами (и Вашингтон со своей стороны потребовал прекращения огня). Но в итоге выиграл Каир, а новоизбранный египетский президент заслужил в глазах общественности лавры победителя.

Многое напоминает о том, что Насер, постепенно выходивший из-за кулис, сосредоточил в руках всю полноту власти, когда имел в своем активе ряд убедительных свершений, психологически обосновывающих его роль не только как президента, но и как национального – и шире – общеарабского лидера. При этом его собственная риторика и программа, которой один из авторов дал удачное определение «революция, ищущая теорию»[40], менялись вслед за развитием событий в Египте и вокруг него.

Действительно, «Свободные офицеры» пришли к власти, не задумываясь об идеологии, а точнее сказать, – с некоторой суммой

личных симпатий к разным, даже противоположным теориям и партиям. Они шли к своей судьбе, желая преодолеть национальное унижение, каким в их понимании являлись, во-первых, общая отсталость страны, с ее «ущербным капитализмом», во-вторых, британская оккупация, длившаяся уже семьдесят лет, и (что в конце, но не последнее) поражение арабов в войне 1948 года. Это желание – «догнать непрерывно двигавшийся вперед караван человечества, от которого мы отстали не менее, чем на пять веков», избыть чувство «стыда и унижения», пережитое в окопах палестинской войны, вернуть древнему Египту его величие и «добыть славу нашей стране!» – выражено Насером в «Философии революции» (1954). Уже в этой небольшой работе, излагая свое политическое кредо, он говорил о стремлении видеть Египет в центре трех кругов – арабского, африканского и мусульманского, выдавая тем самым еще одну заветную цель: превратить «свободный и сильный» Египет, с его относительно высоким, по региональным меркам, промышленным потенциалом, в кузницу арабского мира, к которой должны присоединиться другие страны региона со своими земельными и нефтяными ресурсами.

Приведем некоторые выдержки из русского перевода текста, в свое время выпущенного только для служебного пользования, закрытым изданием:

«Анналы истории полны рассказов о людях, создавших для себя великие героические роли и сыгравших их в должный момент на сцене. Я не знаю, почему мне всегда кажется, что в той части мира, где мы живем, есть роль, которая бродит в бесплодных поисках актера, способного ее сыграть...»[41]. *И далее*: «Прежде всего мы должны договориться о том, как определить границы пространства, имеющего к нам непосредственное отношение… Когда я раздумываю об условиях нашего бытия, то прихожу к убеждению, что мы как бы находимся в центре нескольких кругов, которые должны стать ареной наших действий… Мы не можем безучастно взирать на карту мира, не задумываясь о том, каково наше место в нем. Какова роль, которая предназначена нам с учетом занимаемого нами пространства…»[42].

Отсюда и вывод – необходимо правильно оценить потенциальную мощь Египта. «Мощь – это решительные действия, основанные на всех элементах силы. Пытаясь анализировать элементы нашей силы, я не могу не указать на три ее основных источника, которые должны приниматься во внимание в первую очередь. Первый источник: мы представляем собой группу граничащих друг с другом стран, связанных между собой самыми крепкими духовными и материальными узами… Второй источник: сама наша территория и ее месторасположение на карте мира, имеющее исключительное стратегическое значение. Наша страна по праву считается местом встречи и пересечения мировых коммуникаций. Третий источник: нефть, кровеносная артерия цивилизации, без продуктов которой не могут существовать ни огромные промышленные предприятия, ни

сухопутный, воздушный или морской транспорт, ни вооружение… Без нефти все это лишь груды железа – ржавого, неподвижного, безжизненного. Тот факт, что она существует в нашей стране, подтверждается статистическими данными и заслуживает того, чтобы остановиться на нем при обсуждении вопроса о значении источников силы в наших странах… Таким образом, мы имеем все основания считать себя сильными, причем не потому, что мы способны громко стенать, причитать или взывать о помощи, а потому, что мы можем спокойно, с цифрами в руках, определить наши возможности для совместной работы, потому что мы полностью сознаем прочность уз, которые связывают нас и делают наш район единым и монолитным. Ни одна из входящих в него стран не может держаться независимо от других; ни одна из них не может быть изолирована, как остров, затерянный в просторах океана»[43].

Таков, по мнению Насера, первый – арабский – круг, центром которого является Египет, согласно предначертанию истории. «Если мы обратимся затем ко второму кругу, к Африканскому континенту, то наверняка можно сказать, что мы ни в коем случае – даже если захотим этого – не останемся в стороне от страшной и кровавой битвы между пятью миллионами белых и двумястами миллионами черных, бушующей в настоящее время в самом сердце Африки. Мы не можем устраниться от этой борьбы по одной важной и простой причине – мы сами живем в Африке… Есть и еще одна не менее важная причина. Нил – жизненная артерия нашей страны». *Наконец, подчеркивая большой удельный вес многомиллионного мусульманского населения планеты, он пишет*: «Наше представление о паломничестве должно измениться. Паломничество к Каабе никоим образом не должно рассматриваться как обеспечение себе пропуска на небо, после долгой жизни. Оно также не должно рассматриваться как отпущение грехов… Паломничество должно стать великой политической силой. Мировая печать должна систематически освещать это событие, рассматривая его не как ряд ритуалов и обычаев, которые могут позабавить и развлечь читателей, а как традиционный политический съезд лидеров мусульманских государств, их общественных деятелей, их новаторов в каждой области науки, их писателей, их ведущих промышленников…, на который собираются для того, чтобы наметить в этом всемирном мусульманском парламенте основные принципы политики своих стран и сотрудничества до следующей встречи». *Заканчивается сорокастраничный текст «Философии революции» следующими словами.* «Теперь я хочу вернуться к роли, блуждающей в поисках актера… Именно мы, и только мы, в силу сложившихся условий, способны ее сыграть».

Итак, «Философия революции» – раздумья Насера, которые он выносил на публику в те дни, когда только начинал, по собственному признанию, «постигать всю путаницу и неразбериху, царящую у нас в стране…»[44]. Эта брошюра, которую сам автор без претензий назвал «записками», а придирчивый критик – не столько философией,

сколько «психологией революции» (мемуары генерала Нагиба)[45], явилась своеобразной исповедью революционера волей судьбы, начинавшего с участия в террористических заговорах, и которого побуждало к действию уязвленное патриотическое чувство. К этому добавлялись, как видно, великодержавные замыслы, объяснявшиеся не только честолюбием вождя…

Кем и когда бы он ни был, для всякого властителя долины Нила, как пишет Чарльз Трипп, приоритетной становится задача устроения порядка в государстве и, следовательно, поиск средств для достижения этой цели. «С одной стороны, речь идет о материальных ресурсах власти: экономических и военных инструментах, необходимых для того, чтобы, во-первых, прокормить и, во-вторых, умиротворить непрерывно растущее население. С другой, – о моральных ресурсах власти, потребных правителю, желающему получить общественное признание его права на руководство»[46]. В последнем смысле фундаментальное значение приобретает отождествление президента с государством, что требует от человека, взявшего на себя ношу правителя Египта, такого поведения, которое обеспечило бы ему роль протагониста на региональной сцене. Подобное стремление, продолжает автор, во многом определяло деятельность Насера – «политика проб и ошибок», который прилагал самые активные усилия для формирования вокруг Египта межгосударственных союзов, направленных против внешнего врага в лице Израиля. Оно же, это стремление, было унаследовано Мубараком, который данное наследство «не просто принял, но сознательно взял на себя», считая влияние Египта – как регионального центра силы – залогом устойчивости правительства и самого режима[47].

Комментируя эту мысль автора, стоит добавить, что превращение Насера из всесильного, но малоизвестного министра внутренних дел молодой республики в первое лицо, в дипломата и трибуна, сопровождалось перерастанием узко египетского национализма, по сути, унаследованного режимом «Свободных офицеров» от дореволюционных партий, в арабский национализм, с сильно выраженным элементом египтоцентризма. По стечению обстоятельств, внешняя политика становится дополнительным, а со временем – едва ли не важнейшим ресурсом легитимации режима, причем различные враги Насера, от «Братьев-мусульман» до Израиля и Запада, каждый со своей стороны, невольно «спроецировали его фигуру на большой экран международной политики»[48].

В середине пятидесятых, еще до Суэцкого кризиса, Насер, выигравший соперничество с первым президентом, Нагибом (1953–1954), и обрушив репрессии на «Братьев-мусульман», которые требовали власть для себя, удачно разворачивал действия по укреплению своих позиций в арабском регионе.

В марте 1954 года правительства СССР и Египта преобразовали свои дипломатические миссии в посольства. В августе 1954 года

Насер совершил паломничество в Мекку, где встретился с лидерами Саудовской Аравии и Пакистана, итогом встречи стало совместное заявление в пользу исламской солидарности против Запада[49]. 19 октября 1954 года было подписано соглашение о выводе войск Ее Величества из Египта, содержавшее, однако, пункт о возможности их возвращения[50]. В сентябре 1955 года Египет заключил сделку о поставках чехословацкого (советского) оружия **(См. Комментарий в конце книги)**, в октябре того же года заключил оборонительные соглашения с Сирией и Саудовской Аравией; в марте следующего года состоялся саммит трех стран – участниц оборонительного договора, в апреле 1956 года к их соглашениям присоединился Йемен. (На основании этого договора Египет в октябре 1957 года направит в Сирию свои войска). В этот же период Каир оказывал массированную пропагандистскую поддержку через радио «Голос арабов» и тайную военную помощь алжирскому восстанию, начавшемуся 1 ноября 1954 года, ориентируясь на радикальное антизападническое крыло национального движения в Магрибе **(Комментарий 2)**. Еще более широкое поле деятельности в рамках формирующегося на глазах огромного «третьего мира» Насер увидел для себя, посетив весной 1955 года Бандунгскую конференцию; до этого, в феврале 1955 года, он принял в Каире визит Дж. Неру, с которым было подписано заявление, подтверждавшее полное взаимопонимание обоих лидеров по важнейшим международным проблемам. В том же году Египет выступил против Багдадского пакта и становится одним из сторонников политики позитивного нейтралитета[51]. Период с 1955 по 1957 год включительно многие историки эпохи Насера так и называют – «бандунгским».

Между тем по мере нараставшего после июльской революции 1952 года скрытого конфликта Каира с Западом и перехода этого конфликта в фазу открытого противостояния нарастало негативное отношение руководства «Свободных офицеров», какое было им свойственно и раньше, к либерализму и ценностям западной демократии. Умеренно-либеральных взглядов среди членов СРК придерживался президент Нагиб, который в первой половине 1954 года оказался в изоляции, а вскоре утратил и незавидное положение «свадебного генерала». (Лишенный и постов, и орденов, Нагиб в 20-х числах ноября 1954 года был препровожден на заброшенную виллу в предместье Каира, где провел под домашним арестом 29 лет и умер забытым)[52]. Предпочтение было отдано строительству однопартийного режима, контуры которого обозначились в 1956 году, с завершением объявленного ранее трехлетнего «переходного периода», избранием Насера на пост президента и принятием новой конституции.

Каким же образом основной закон и процесс конституционного развития после свержения монархии закрепляли место президентской власти в политической системе? В эпоху Насера было принято несколько нормативно-правовых актов конституционного характера.

Положения первой временной конституции (Конституционной декларации), принятой в 1953 году, официально предоставляли «Лидеру революции» право предпринимать любые меры в целях защиты ее завоеваний[53]. Имелся в виду Насер, который являлся фактическим главой Совета революционного командования, а формально – заместителем Нагиба, председателя СРК, и лишь с 17 апреля 1954 года занял пост премьер-министра, одновременно став военным губернатором Египта[54].

Согласно второй временной конституции, принятой 23 июня 1956 года, в стране устанавливался однопартийный режим и президент возглавил единственную партию Национальный союз, которая получила полномочие предлагать кандидатов на выборах в Национальное собрание, то есть фактически – назначать состав парламента[55]. Кроме того, конституция (статьи 157–159), дополненная в этой части рядом специальных законов от 1960 года, касающихся системы местного управления, предусматривала создание муниципальных советов; при этом назначение губернаторов провинций (мухафаз) и мэров городов делегировалось президенту, а назначение глав сельских советов – губернаторам провинций. Как следствие, административная реформа, направленная на децентрализацию и придание известной автономии местным органам власти, выстраивала вместе с тем жесткую систему контроля над социальной и всеми другими видами деятельности руководителей местной администрации – от мэра крупного города до старосты деревни. Президент был облечен правом распустить муниципальный совет любого уровня[56].

Заметим, что уже в тексте конституции 1956 года была предусмотрена процедура избрания главы Республики Египет референдумом, а не прямым всеобщим голосованием, и это закрепило авторитарный характер президентской власти. В том же духе были составлены последующие варианты конституции Объединенной Арабской Республики (ОАР), а также ее основополагающие документы идеологического и конституционного характера – «Национальная хартия» 1962 года и «Программа 30 марта» 1968 года.

По временной конституции, введенной в силу 5 марта 1958 года, Насер стал президентом Объединенной Арабской Республики (ОАР), главой объединенного правительства и Верховным главнокомандующим вооруженными силами «Южного» и «Северного» районов, соответственно, – Египта и Сирии. После принятия временной конституционной декларации 23 марта 1964 года Насер оставляет пост премьера, который последовательно занимали Али Сабри, Закария Мохи ад-Дин (оба бывшие «свободные офицеры») и Мухаммед Сидки Сулейман. После июньской войны 1967 года Насер вновь возглавил совет министров и совмещал обе должности, президента и главы кабинета, вплоть до своей кончины 28 сентября 1970 года.

Что касается современной конституции АРЕ, то она была принята 11 сентября 1971 года, когда новый президент Анвар Садат,

пережив период внутренней борьбы в руководстве, сумел выйти из нее победителем в результате так называемого исправительного движения (*харакату ат-тахсин*). Эта конституция с поправками, внесенными по отдельным статьям 22 мая 1980 года, является ныне действующей и постоянной. (Подробнее см. ниже.)

Статья 77-я основного закона определяет достаточно продолжительный срок работы президента – шесть лет, причем количество переизбраний не ограничено. Между тем в первом варианте постоянной конституции 1971 года предусматривалось лишь одно возможное переизбрание главы республики. Но в результате принятия на референдуме 1980 года поправки к указанной статье, ограничение числа переизбраний было отменено. Таким образом, конституция в нынешнем ее виде фактически позволяет пожизненное президентство. Правда, инициатору поправки – Анвару Садату не удалось лично воспользоваться ею.

Многие исследователи обращали внимание на то, что президент Садат старательно создавал свой собственный образ в рамках той традиции меритократии, которая свойственна египетской политической культуре. При этом он прекрасно отдавал себе отчет в том, что ему недостает тех качеств естественного лидера, которыми обладал предшественник. Насер был прекрасным оратором, часто выступал перед аудиторией, которую завораживал своей речью. Кстати, прославленный египетский президент устоял от соблазна повысить себя в воинском звании, оставшись подполковником, каким был к моменту переворота. Нередкое у диктаторов равнодушие к житейским благам и неумеренная жажда работать круглые сутки также были ему свойственны.

Иным было поведение Садата, который изобретал для себя новые знаки отличия, придумал себе особую форму Верховного главнокомандующего и ввел титул Верховного военного правителя. На фотографиях он часто изображался в этой пышной форме и с жезлом в руке. Как пишет один из наблюдателей, Садат «все время играл какую-нибудь роль, жил постоянно “в образе”: изображал из себя то философа, то отца нации, то хитроумного политика, то военного стратега»[57]. Об актерстве Садата и его меняющихся масках писал в своей известной книге «Осень гнева» М. Х. Хейкал, близкий к правительственным кругам политик и журналист. Облик преемника Насера выглядит в ней весьма непривлекательно. При этом автор связывает определенные негативные черты поведения президента с его давнишними потугами – в ранней юности – испробовать артистическую карьеру и с тем опытом, который он приобрел в сороковые годы, когда играл на сцене тюремного театра[58].

Еще подростком Садат воображал себя Махатмой Ганди и ходил в рубище, тогда же увлекся образом Гитлера – врага англичан; молодым лейтенантом подражал офицерам вермахта и для этого приобрел монокль и стек… Придя к власти, сначала сравнивал себя

с Насером, а потом с Рамзесом II Великим и уверял, что ему – крестьянину по крови и плоти **(Комментарий 3)** принадлежит особый дар понимать душу египетского народа, особенно феллаха, и т.д. Суммируя характеристики Садата, разбросанные в разных исследованиях, А.Г. Князев отмечал, что египетские и западные политологи обычно дают психологический портрет президента несколькими крупными штрихами: «Гипертрофированное самолюбие, склонность к позерству, граничащая с самолюбованием, мнительность – качества, наложенные на весьма поверхностные знания в области экономики, политики, социальных наук, невысокое трудолюбие»[59]. Среди тысячи снимков, сделанных за период его президентства, трудно найти такой, где Садат сидел бы за письменным столом.

Американец Кирк Битти, автор новейшего исследования о Египте времени Садата, считает выпады Хейкала в адрес покойного президента (как и нелестные отзывы о нем из уст многих сослуживцев, попутчиков и оппонентов) зачастую несправедливыми, хотя вместе с тем соглашается, что человеком тот был, особенно в президентской роли, загадочным – вынашивал решения в себе и скрывал их до последней минуты от самых близких людей[60]. Темными пятнами изобилует «дореволюционная» биография президента, которую он сам рассказывал охотно и всякий раз на новый лад **(Комментарий 4)**. Садат дважды выступал, в 1957 и 1977 годах, с пространными сочинениями мемуарного жанра (книга «Восстание на Ниле» и автобиография «В поисках идентичности»[61]), но в них встречаются весьма существенные расхождения между описанием одних и тех же эпизодов из его собственной жизни, а также из истории «Свободных офицеров». В частности, согласно ранней версии, Насер якобы еще в начале сороковых выбрал Садата для выполнения важных заданий по линии конспиративной офицерской организации (последняя, однако, по тщательным оценкам, сложилась не раньше 1945, а скорее всего – лишь в 1947 году)[62]**;** вторая версия опирается на другие даты и меняет местами участников событий, отводя инициативную роль самому автору, претендовавшему на лавры отца-основателя тайного общества. Между тем главная проблема, возникшая перед Садатом, – это реально обеспечить себе героическую биографию. Вопрос, конечно, был шире, чем приобретение дополнительных козырей в игре на политическом Олимпе.

Перед президентом снова стояла задача преодолеть национальное унижение, взять реванш за поражение в войне 1967 года. Не случайно, лишь одержав относительную военно-политическую победу в 1973 году, Садат решился на принятие законов об *инфитахе*. И в том числе рискнул пойти на ряд таких непопулярных мер, которые возбуждали споры даже в послушном парламенте: речь идет, например, о законах, ущемлявших интересы сельских арендаторов – широкой социальной прослойки египетской деревни.

Однако в течение некоторого, правда, непродолжительного периода (с осени 1973 и примерно до 1975 года) рейтинг Садата был

действительно высоким, поскольку люди находились под впечатлением успеха. На улицах раздавалось ликующее: «*Интасарна!*» (Мы победили!) – и это после шести лет подавленности и почти негодующего ожидания: «Когда же начнется Битва?»[63]. Да и сам триумфатор Октябрьской войны находился в эйфории надежд на великое нефтяное оружие и, наконец, почувствовал себя уверенно в президентском кресле.

История выдвижения Садата на пост главы государства, неоднократно уже описанная в литературе, была связана с междоусобной борьбой в высшем руководстве страны. Кандидатура «полковника Да», как его прозвали за то, что он никогда не перечил шефу, показалась членам уже расколовшейся и поредевшей команды Насера приемлемой не потому, что Садат занимал (с декабря 1969 года) пост вице-президента и мог бы выглядеть наследником по завещанию. Но потому, что считался – и напрасно – в своем кругу, среди «свободных офицеров», если не шутом, то слабой, безвольной личностью, даже трусом, который умудрился «пропустить» события в критическую ночь переворота 1952 года. (Появился на улицах Каира, разыскивая восставших, только под утро, когда уже были взяты генштаб и узел связи, зато поехал на радио и зачитал от имени генерала Нагиба манифест…). Справедливы были те давние упреки одному из членов «старой гвардии» в поползновении к дезертирству…или нет, никому не приходило в голову, что именно этот невзрачный человек сумеет «влезть в сапоги гиганта». При Насере ему поручались второстепенные, хотя и почетные должности[64]. Правда, к 1970 году он оставался на вершине властной пирамиды одним из немногих, а точнее – одним из двоих, вместе с Хусейном Шафи'а (тоже претендовавшим на наследство), бывших членов СРК. Другие умерли либо отошли в сторону. Все же решающим фактором в пользу кандидатуры Садата стал не оправдавшийся расчет так называемых центристов на перспективу коллективного руководства. Речь идет о тех влиятельных министрах и членах ЦК АСС, которые были, во-первых, за углубление дела Насера и, во-вторых (что основное), держали в руках партийно-правительственный аппарат. В их планах Садату отводилась роль символического главы государства[65]. Судьба распорядилась иначе. Но тень покойного Насера, скончавшегося в возрасте 52-х лет от сердечного приступа, настигшего его на одном из драматических поворотов ближневосточного конфликта – боев между отборной королевской армией и палестинцами в Иордании (и словно пронзенного пулей «Черного сентября») (**Комментарий 5**), продолжала нависать над новым хозяином Египта.

28 сентября 1970 года Анвар Садат стал исполняющим обязанности президента ОАР, а 16 октября был избран на этот высший государственный пост. Ровно через семь месяцев ему удалось разметать в стороны или упрятать в тюрьму соперников и предать забвению идею о коллективном руководстве, однако консолидация власти

потребовала от него неимоверных усилий. Отсутствие ресурса личного авторитета пришлось восполнять, как уже отмечалось выше, и дополнительными атрибутами власти, и поиском новых союзников (социальных и политических), и разрушением прежнего насеровского АСС, к реформе которого Садат приступил без проволочек, отложив до лучших времен идею ликвидации (подробнее см. ниже), о которой он проговаривался с первых дней своего президентства…

Обновление АСС сопровождалось рядом структурных изменений в государстве, проведенных Садатом в течение нескольких месяцев 1971 года. Так, 2 сентября прежнее название страны Объединенная Арабская Республика (ОАР) было заменено на Арабская Республика Египет (АРЕ). Через несколько дней народный референдум одобрил второе после революции 1952 года переименование республики. Представляется, что изменение официального названия страны было вызвано наряду с другими обстоятельствами желанием Садата дать государству новое имя, знаменующее смену эпох. И хотя решению нельзя отказать в логике (Египет с 1961 по 1971 год был объединен разве что сам с собой)[66], можно рассматривать этот акт в качестве одного из элементов поиска Садатом собственной «президентской идентичности».

8 сентября 1971 года было распущено Национальное собрание (*Маджлис аль-умма*), его название тоже меняется, и выборы в новый парламент – Народное собрание (*Маджлис аш-ша'аб*) проводятся в ноябре. Перед этим на референдум была вынесена новая постоянная конституция[67], заменившая временную конституционную декларацию ОАР 1964 года. Референдум принес 99,98% голосов в пользу новой конституции.

В конституции нашли непосредственное отражение некоторые идеологические установки и организационные положения насеровской «Программы 30 марта» (1968 года)[68] – второй по счету национальной хартии, духом которой пропитан действующий основной закон.

Конституция расширила полномочия президента[69]. Объявленный символом государственного суверенитета и гарантом законности, он «получал право не только вмешиваться в действия органа любой власти государства – исполнительной, законодательной, политической, судебной, – но и подменять их»[70]. На президента была возложена обязанность следить за охраной «социалистических завоеваний», национального единства и целостности страны. В случае возникновения опасности, «создающей перед государственными органами препятствия к осуществлению своих конституционных функций» и угрожающей национальному единству, президент вправе принимать любые экстренные меры для ликвидации такой опасности, напрямую обратившись к народу с соответствующим заявлением. Таким образом, текст конституции закрепил те полномочия руководителя страны, которыми Насер в свое время пользовался отчасти по закону, отчасти – по праву сильного.

Обращает на себя внимание и следующее. Провозгласив конституцию постоянной, президент Садат отошел от практики Насера, рассматривавшего существовавшие политические институты как временные, переходные, и тем самым выразил намерение перейти из «революционного состояния» в институциональное. Девиз, призванный подчеркнуть основные ценности новой системы, был введен 20 сентября 1971 года, на следующий день после формирования нового кабинета министров, состоявшего, правда, почти из тех же самых фигур, что и ранее.

Обновленное государство должно было теперь базироваться, по определению Садата, на «знании и вере» (*аль-ʻильм ва-ль-иман*)[71], в отличие от насеровского «арабского социализма». Статья 2 конституции провозгласила ислам религией государства и основным источником законодательства[72]. Однако статья 3 закрепила положение о «народном суверенитете», что расходится с догматом, принятым в традиционном исламе, согласно которому верховная власть принадлежит только Создателю.

В конституции (статья 29) признаются три вида собственности: общественная, кооперативная и частная. Статья 30 конституции уточняет, что «общественный сектор служит авангардом прогресса во всех областях» и должен «нести главную ответственность за выполнение планов развития».Статья 33 объявила, что «общественная собственность неприкосновенна» и что она является «основой социалистической системы и источником процветания народа». Согласно статье 32, «частная собственность должна быть представлена неэксплуататорским капиталом», которому предписывалось «выполнять социальную функцию на службе национальной экономики», не выходя за рамки плана национального развития и не противореча общему благу[73]. Частная собственность не может быть экспроприирована (статья 34) и национализирована (статья 35), кроме как из соображений национального интереса.

Итак, основной закон АРЕ – продукт насеровской эпохи (который послужил для нового растения подвоем) и эклектичный результат совмещения рекомендаций разных советников и помощников Садата; конституция 1971 года полна противоречий. Она поныне действует, и с течением времени ее «гибридный характер» становится все более очевидным.

Одним из знамений 1970-х годов стало внедрение в официальную риторику понятия «демократический социализм»[74]. Но хотя Анвар Садат на словах выступал за свободу и демократию, в конечном итоге он сконцентрировал в своих руках такую власть и такое количество разных функций и должностей, каких не было у Насера. Кроме излюбленного неформального звания «Старейшина египетской семьи», к 1981 году у Садата были следующие высочайшие должности: президент Республики, премьер-министр, председатель правящей партии, Верховный главнокомандующий вооруженными силами,

Главный шеф полиции, Главный шеф юстиции, «Уполномоченный по всем военным и экономическим вопросам и делам, связанным с национальной безопасностью»[75].

Заметно, что в первые годы президентства Садат всячески стремился выглядеть паладином Насера, выставив при этом своих соперников в борьбе за власть как злостных врагов арабского единства. Вместе с тем он исподволь, а затем открыто заменял панарабизм в патетике своей речи египетским национализмом, компенсируя разрушение популярных лозунгов своего предшественника акцентом на ислам. В этом Садат, кстати, не был оригинален, действуя наподобие лидера АНДР, Бумедьена, который еще в 1966 году, вскоре после свержения Бен Беллы, заявил во время своего визита в ОАР, дав интервью левой газете «Ат-Талиа», что является социалистом богобоязненным и глубоко правоверным (*аль-муслим аль– мутадайин*)[76].

Создавая себе образ «верующего президента», Садат начинал проводить политику сближения с религиозными кругами; а позже, в 1980 году, инициировал внесение многозначительной поправки во вторую статью конституции, в соответствии с которой прямым источником законодательства отныне объявлялся шариат (вместо прежней расплывчатой ссылки на ислам). Еще одним нововведением в том же духе стало создание на две трети избираемого и на одну треть назначаемого Консультативного совета (*Маджлис аш-шура*) традиционного образца – фактически параллельного парламента, что, кстати, не имеет аналогов в арабских странах (введенные в конституцию в 1980 году статьи № 194 и № 195).

Как отмечают авторитетные специалисты, поправку к ст.2 конституции АРЕ не следует понимать (с учетом ее истолкований) как положение о буквальном применении традиционной мусульманско-правовой доктрины. В Египте и в большинстве других стран Северной Африки, – пишет Л.Р.Сюкияйнен, – складывается «современное мусульманское право», которое давно испытывало на себе влияние буржуазных моделей и все заметнее обособлялось от религиозных (социально-нормативных) правил поведения, хотя каждая страна имеет в этом смысле свои особенности. Так, мусульманское право наименьшее влияние оказывает на правовую систему Туниса и, напротив, заняло наиболее прочные позиции в правовой системе Ливии, где начало этому процессу было положено решением Совета революционного командования от 28 октября 1971 года о приведении действовавшего ранее законодательства (итальянского образца) в соответствие с общими принципами шариата. Что касается Египта, то в действительности шариат имеет здесь значение дополнительного источника права, хотя ст. 2 основного закона гласит обратное. «По мнению большинства современных египетских юристов, данное конституционное положение не придает мусульманско-правовой доктрине статуса ведущего формального источника, обязательного для применения судами. Оно признает за ней лишь значение мате-

риального (исторического) источника, используемого для принятия нового законодательства»[77].

Введение поправки о шариате, сделанное в угоду определенным политическим кругам, можно, конечно, объяснить и набожностью Садата, которую он подчеркивал. Но скорее всего, это была попытка сгладить неблагоприятный эффект Кэмп-Дэвидских соглашений, произведенный на мусульманских ортодоксов, а тем более – на «исламистов». Они подхватывали настроения общества, возмущавшегося наглостью «жирных котов»: характерное египетское прозвище для нуворишей эпохи *инфитаха* (в стране и до сих пор говорят, кто, мол, не разбогател при Садате, тот опоздал).

Между тем «хлебный бунт» 18–19 января 1977 года, участники которого кричали то «Насер, Насер! Да здравствует Насер!», то «Долой Садата!», стал грозным предупреждением. По свидетельству людей, близко знавших президента, он так и не оправился от страха, испытанного им при виде разъяренной толпы в те дни массовых волнений, подавленных огнем и с человеческими жертвами. В поведении Садата стали замечать известную неадекватность. К тому же, иранский шах Реза Пехлеви, свергнутый «Исламской революцией» 1978 года и нашедший убежище в Египте, был живым напоминанием о подстерегавшей режим опасности.

Как и для его предшественника, решение ближневосточной проблемы для Садата было не только вопросом войны и мира, но и важнейшим фактором легитимации собственной власти. Однако в отличие от Насера, который до последнего своего часа не снимал безнадежный лозунг «Отнятое силой вернуть только силой!», Садат, надо отдать ему должное, оказался более дальновидным политиком. Усыпив бдительность советского руководства заключением Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом (27 мая 1971 года), Садат претворял в жизнь свой план поэтапного решения проблемы оккупированных территорий в египетских национальных интересах. Точнее, это был небезызвестный план Роджерса, с которым Садат готов был согласиться еще в начале своей президентской карьеры. Обстановка внутри страны и на международной арене была, однако, столь сложной и переменчивой, что Садат был вынужден лавировать, пока не решился сначала на демонстрацию силы (Октябрьская война), а затем – на урегулирование отношений с Израилем.

Не вдаваясь в подробности течения этой войны, напомним лишь, что наиболее удачным стратегическим решением Садата оказался выбор момента ее начала. О тайно согласованной дате египетско-сирийского наступления с двух сторон, назначенного в мусульманский пост и на рассветный час субботы 6 октября (10 рамадана), когда все израильское руководство во главе с премьером Голдой Мейер находилось в синагоге, отмечая еврейский праздник, не знал в Каире почти никто, кроме самого Садата, военного министра и нескольких штабных генералов. (В частности, для председа-

теля Народного собрания это было полной неожиданностью). Военные действия, начатые стремительной атакой египетской армии, форсировавшей Суэцкий канал, но попавшей затем в котел на Синае, были приостановлены под давлением ООН. (Обе воюющие стороны остались при убеждении в собственной победе). 21 октября 1973 года Египет впервые подписал с США соглашение о военном сотрудничестве **(Комментарий 6)**. Виртуозная политика Киссенджера, получившая тогда название «челночной дипломатии», позволила осуществить – под эгидой США – поэтапный развод войск. В конечном итоге, промежуточная цель была достигнута: 5 июня 1975 года открылось судоходство по Суэцкому каналу, бездействовавшему восемь лет. В дальнейшем, ежегодно отмечая военным парадом и фейерверками (что характерно) начало – 6 октября, а не конец, 24 октября, – войны 1973 года, президент Садат не мог не думать о незавершенности своей победы.

Любопытны в этой связи мемуарные свидетельства ряда египетских политиков, знавших и «кухню» подготовки войны 1973 года, и мотивы последующих решений Садата, которые могли показаться неожиданной импровизацией, вроде его визита в Иерусалим. Если в первом случае президенту с трудом удалось убедить некоторых членов Главного штаба в необходимости начать широкую военную операцию, не ожидая пока студенческие волнения перерастут в нечто более серьезное, то полет Садата в Иерусалим, судя по словам помощника президента, готовившего эту поездку, был непосредственно стимулирован мятежными выступлениями 18–19 января, в которых приняли участие тысячи рабочих. Садат тогда сказал своему сотруднику, что нужны какие-то срочные меры, и он теперь утвердился в мысли: только немедленные шаги по решению вопроса с оккупированными территориями могут удержать режим от падения[78].

Дочь Садата, Ноха Садат, вспоминает, что после заключения мирного договора с Израилем, в обстановке, когда ненависть к Садату в обществе нарастала, он часто говорил ей: «Только бы Аллах дал мне дожить и увидеть 26 апреля 1982 года!» – день, когда Израиль должен был вернуть Синайский полуостров[79]. В свою очередь, Мустафа Камель Мурад (личный друг Садата и председатель Либерально-социалистической партии) рассказывает: президент очень боялся, что израильтяне не уйдут с Синая. На что Мурад говорил ему: «Они уйдут, потому что ты заплатил за это США». Садат же отвечал: «Ты чересчур оптимистичен»[80].

Как уже говорилось, проведя относительную либерализацию экономической сферы в середине 1970-х годов, получившую название «политики открытых дверей», президент Садат стал забирать назад данные им ранее демократические обещания и чрезмерно усиливать свое давление на общественные процессы. Его визит в Иерусалим в ноябре 1977 года, переговоры с правительством М.

Бегина и подписание сепаратного мирного договора с Израилем, состоявшееся в Вашингтоне 26 марта 1979 года, вызвали резкую критику как в самом Египте, так и в соседнем мире. (На общеарабском совещании в Багдаде 27 марта было принято решение о разрыве дипломатических отношений с АРЕ, об исключении Египта из Лиги арабских государств и других региональных организаций.)

В обстановке растущей самоизоляции Садат издавал указы, ограничивающие или прямо запрещающие различные виды политической и иной общественной деятельности, все больше полагался на репрессии против инакомыслящих[81]. Одна за другой закрывались оппозиционные газеты, в том числе, выражавшие взгляды исламской оппозиции, и среди них газета «Шааб», принадлежащая Социалистической партии труда. Осенью 1981 года был установлен контроль за публичными молитвами, а народные (частные) мечети запрещены. Но и коптский папа Шенуда III оказался под «домашним арестом», будучи запертым в одном из монастырей. Подозрительность Садата, проявлявшаяся даже по отношению к планам новой американской администрации Рейгана (которому он нанес визит в начале августа 1981 года), заметно нарастала.

Есть сведения, что именно тогда президент решил, готовясь к 26 апреля грядущего года, на время спрятать за решетку всех, кто мог бы оказаться помехой. По его приказу в сентябре 1981 года были отправлены в тюрьмы более 3000 человек. Из них половина или, по крайней мере, одна треть – люди весьма влиятельные, причем относившиеся к разным социальным слоям и разным политическим направлениям. Как отмечает канадский политолог Багат Корани, разногласия между некоторыми из них были, возможно, гораздо большими, чем их разногласия с самим Садатом; однако всех, левых и правых, президент «сбросил в одну корзину»[82]. Так был полностью остановлен диалог власти с оппозицией.

Тревогу вызывали настроения в армии, где обнаружилось новоявленное общество «Свободные офицеры», которое 23 июля 1980 года, в очередную годовщину славной революции, распространило антиправительственную листовку, призывавшую к ликвидации военной зависимости Египта от США, к восстановлению отношений с арабскими государствами – «членами фронта стойкости и противодействия», требовавшую вернуться в русло провозглашенной Насером политики неприсоединения и т.д.; 6 октября следующей осени секретная служба «мухабарат» совместно с охраной президента арестовала по этому делу 63 обвиняемых, трое из которых были казнены[83].

Ровно через год после этого события, 6 октября 1981 года на военном параде, происходившем в каирском пригороде Гелиополис и посвященном восьмой годовщине «победоносной» арабо-израильской войны, президент Садат был застрелен мусульманскими экстремистами. Погибли еще 9 человек, стоявших на трибуне, и 22 человека, вместе с вице-президентом были ранены. Однако это

не послужило сигналом к восстанию, на что рассчитывали заговорщики. В течение недели после «выстрела на параде» правящая Национально-демократическая партия (НДП) вынесла кандидатуру вице-президента Хосни Мубарака в парламент, а затем на референдум, утвердивший его на посту главы государства. По той же процедуре он трижды переизбирался; к описанию политических технологий и атмосферы подобных плебисцитов мы вернемся ниже на примере последнего из них, состоявшегося в 1999 году.

Внушительный и слегка напоминающий лицом Гамаля Абдель Насера, президент Хосни Мубарак, который застал революцию 1952 года в 24-летнем возрасте и был на десять лет младше – одногодков – Насера и Садата, к настоящему времени находится у власти дольше, чем довелось тому и другому. За период его правления сменилось 12 кабинетов, средний срок работы которых до последнего референдума – составил 20 месяцев, то есть больше, чем средний срок работы советов правительства при Насере (14 месяцев) и особенно при Садате (7 месяцев), что свидетельствует об известном успехе в достижении стабильности. Хосни Мубарак совмещал обязанности главы государства и председателя правительства лишь однажды, в начале своего президентства, и всего неполных три месяца. Садат занимал оба поста в общей сложности 35 месяцев, или в 11 раз дольше, чем Мубарак. Примечательно, что Насер занимал оба поста 136 месяцев, то есть в 45 раз дольше, чем Мубарак.

Как и его предшественники, Мубарак – профессиональный военный, отдавший службе в армии 25 лет, кавалер одной из высших военных наград Египта – ордена Звезда Синая, которым были отмечены его заслуги в Октябрьской войне 1973 года **(Комментарий 7)**. Закономерно возникает вопрос: какой отпечаток накладывает данное обстоятельство на личность президента, на стиль его поведения и на политическую систему в целом?

Сам Мубарак, в отличие от Садата, не проявляет склонности подчеркивать свое высокое воинское звание – маршал авиации. Это симптоматично: выше говорилось, что военный по своему происхождению, египетский режим постепенно приобретал гражданский характер или, по крайней мере, такой фасад. Еще во времена Гамаля Абдель Насера происходила эволюция офицерства, отодвигаемого на задний план партийной номенклатурой, хотя в высших эшелонах АСС, а также в структурах управления экономикой имела место диффузия военных и, как результат, их сращивание с гражданской бюрократией.

Известно, что после неудачной войны 1967 года была проведена кампания против так называемой военно-бюрократической верхушки, а на деле – в ущерб группировке маршала Амера, чья канцелярия, утверждала египетская печать, превратилась в «параллельный центр власти»[84], и на которого возложили всю ответственность за катастрофу[85]. Действительно, один из прославленных «свободных

офицеров», которому в июле 1952 года было поручено блокировать Генеральный штаб, Абдель Хаким Амер – близкий и, возможно, единственный личный друг Насера, пользуясь своим положением, расставлял благодарных ему людей на теплые места в администрации, обеспечивал их всевозможными благами и привилегиями. «Занимая самые различные посты в госаппарате, старшие и высшие офицеры выходили в отставку, но, как правило, сохраняли свои "кастовые", профессиональные связи»[86]

Падение, а затем и смерть Амера положили конец могуществу «военного класса»[87]. Однако, если в середине шестидесятых годов доля бывших военных на гражданских должностях составляла, по оценкам специалистов, около 25%, то в начале семидесятых она возросла до 50%[88]. Между тем в кабинете министров доля чиновников, пришедших туда из армейских рядов, напротив, последовательно снижалась.

Напомним, что сразу после июльского переворота 1952 года, когда полтора месяца просуществовало двоевластие кабинета Али Махира, закоренелого врага вафдистов, и комитета «Свободных офицеров» (который и назначил премьером старого царедворца) возникла практика делегирования военных представителей в различные административные и экономические учреждения. В том числе – на роль «генерального секретаря» или заместителя при гражданских министрах правительства. Второй послереволюционный кабинет сформировал генерал Нагиб 7 сентября 1952 года. С тех пор должность председателя правительства, зачастую совмещая функции *ра'ис аль-визара* (премьера) и *ра'ис ад-дауля* (президента), занимал военный.

Бывшие «Свободные офицеры», неформально ранжированные по степени их близости к Насеру в период, предшествовавший революции, внедряются в правительство с 1953 года и тянут за собой новые «эшелоны» **(Комментарий 8)**. В первый кабинет Насера, который он возглавил весной 1954 года, вошли 8 членов Совета революционного командования (СРК) – все военные. Затем они постепенно отдавали место «технократам»: инженерам, экономистам, представителям университетской профессуры. Обратная картина (то есть увеличение доли военных) наблюдалась в период накануне и после «шестидневной войны».

Интересно, что в правительствах, сформированных в разное время при Насере, доля лиц с учеными степенями, от магистра (MD) до доктора философии (Phd), составила почти половину общего состава (47%). Правда, по едкому замечанию М.Х. Хейкала, высокий образовательный уровень членов правительства отчасти объяснялся тем, что «доктора жаждали занять место в политических структурах, а политические деятели – обрести докторскую степень»[89]. В отличие от дореволюционных кабинетов, где большинство лиц имело юридическую подготовку (адвокат – самая типичная профессия), при

Насере таковые составили в целом 13% против 15% обладателей гражданских инженерно-технических специальностей, не считая чиновников с подобным образованием из военной среды. Доля дипломированных специалистов и выходцев из академических кругов упала до низшей отметки (30%) осенью 1954 года, когда члены СРК заняли 1 сентября больше половины мест в правительстве и заодно провели чистку в университете. Вторично такая картина сложилась в кабинете, образованном 19 июня 1967 года.

20 марта 1968 года, кстати, после студенческих забастовок, встревоживших политическую элиту, было образовано новое правительство, в котором число министров-военных сократилось с 65,4 до 39,4% по сравнению с прежним составом. Число профессоров, обладателей ученых степеней и дипломов о продвинутом высшем образовании, напротив, возросло с 31 до 52%[90]. Эта тенденция продолжалась и при Садате, который еще до «исправительного движения» успел сформировать три правительства, передав несколько портфелей гражданским лицам.

Согласно подсчетам Назиха Айуби (профессор университета в Эстере, Англия), за период с 1971 по 1981 годы из всех 163 человек, побывавших в составе правительства, 131 – никогда не носил военной формы. В их числе 52 – выходцы из университетских и академических кругов, 34 – инженерно-технические кадры, 12 – профессиональные юристы, 6 – дипломаты, 4 – экономисты-практики, 5 – мусульманские улемы. Среди чиновников с погонами, а таких в министерских креслах оказалось, посменно, 32 человека, собственно армейское офицерство представляли 18 человек, еще 9 были военно-техническими специалистами, пятеро пришли из разведки и служб безопасности. В итоге общий удельный вес военных в правительстве снизился с кумулятивных 33,6% (за весь насеровский период) до 20% при Садате. Наконец, в трех первых кабинетах эры Мубарака лишь 10% составляли люди с армейской биографией[91].

В кабинетах девяностых годов, включая нынешний кабинет ‘Атефа Эбейда, сформированный осенью 1999 года, таких единицы. А поскольку в задачи этого руководителя, как и предыдущего премьера Аль-Ганзури, входит прежде всего реформирование экономики, ключевые кресла занимают специалисты с западным образованием и опытом работы в международных финансовых организациях. (Престижной «маркой» стала теперь ученая степень, полученная в Гарварде или Массачусетском университете). Однако в среднем эшелоне египетской администрации роль военных и экс-военных достаточно высока.

Поэтому, несмотря на сложившееся в недавние годы мнение о том, что многочисленные вооруженные силы АРЕ, избыточные после заключения мирного договора с Израилем, стали «лишним балластом на корабле», нельзя исключить в политических прогнозах и вариант возвращения Египта, бывшей «преторианской республики», к

военной форме правления (допустим, по примеру нынешнего Пакистана), хотя президент Мубарак предусматривает меры для того, чтобы армия оставалась в казармах.

Характерная черта деятельности Мубарака – осторожность. Это часто отмечают западные политики, представители дипломатического корпуса, иностранные журналисты. Сами египтяне не склонны обсуждать личность своего президента, несмотря на то, что ему посвящена изрядная пропагандистская литература, подчеркивающая те качества, которые отвечают веянию времени: простоту, скромность, уравновешенность, привязанность к семье. Непременно отмечаются и достижения: повышающийся уровень жизни населения, строительство дорог, внедрение новых технологий, компьютеризация, растущее число мобильных телефонов на душу населения и т. д.[92]. Не забывает упомянуть об успехах и сам президент, подчеркивая при этом наглядную разницу между нынешним состоянием хозяйства и «почти что разрухой» того периода, когда он был «вынужден силой обстоятельств» стать во главе государства[93]. Все говорит о том, что как лидер Мубарак действует в рамках иного поля, нежели его предшественники. Главное достоинство нынешнего президента АРЕ в том, что он – защитник спокойствия в обществе и гарант его поступательного развития. Он – хранитель системы, «рутинный» лидер, положительным качеством которого, в глазах избирателя, является способность обеспечить порядок[94].

Палестинская проблема остается важнейшим фактором внешней политики Мубарака, равно как и средством легитимации режима – в том смысле, что Египет стремится быть главным региональным «брокером» дипломатического процесса урегулирования ближневосточного конфликта. Политическим капиталом Мубарака стало исправление ошибок предшественника, выразившееся в восстановлении престижа Египта на международной арене, прекращении его изоляции в арабском мире, возвращении штаб-квартиры Лиги арабских государств в Каир и т. д.

Как известно, возвращение Египта в «лоно арабской семьи» происходило не без содействия Ирака, который в период войны с Ираном воспользовался услугами египетских военных специалистов и закупал египетское оружие. Адвокатом Египта выступила, в свою очередь, ООП. Специалисты по международным отношениям отмечали в начале девяностых, что после «войны в Заливе» наметилась тенденция к установлению в ближневосточном регионе так называемого нового арабского политического порядка, инициаторами которого стали Египет, Саудовская Аравия и Сирия. Этот порядок отличается признанием нерушимости границ и готовностью к сотрудничеству между собой государств с разными политическими режимами. При этом поведение Мубарака в начале иракско-кувейтского конфликта свидетельствовало о способности президента пойти на определенный политический риск, который к выгоде Египта оправ-

дался, поскольку операция «Буря в пустыне» быстро и благополучно закончилась[95]. Таким образом, Мубараку удалось сохранить курс Садата на сближение с США, не подрывая при этом отношений с арабскими соседями. Следует заметить, что по мере обострения обстановки на Ближнем Востоке (в ходе «интифады мечети Аль-Акса») Мубарак стремился не поддаваться требованию голосов внутри страны и за рубежом относительно аннулирования мирного договора с Израилем или какого-то нового военного похода. В апреле 2002 года Каир заявил лишь о замораживании всех отношений с Тель-Авивом, кроме дипломатических, объяснив, что сохранение этот канала послужит на пользу палестинцам.

Личный престиж Мубарака подтверждается различными международными премиями и рейтинговыми исследованиями. Так, по результатам опроса общественного мнения, проведенного в восьми государствах мира, включая Великобританию, Египет и Австралию, президент АРЕ был назван «Человеком Африки 1994 года», причем в его пользу высказалось 87% респондентов, особо отметивших внимание Мубарака к африканской политике, его вклад в ближневосточное урегулирование и решение внутренних проблем, которым он посвящает львиную долю времени). В январе 1997 года, по результатам аналогичного опроса, проведенного в арабских странах, Мубарак тоже получил пальму первенства[96].

В его лексиконе звучат вполне современные слова об «освобождении человека и раскрепощении личности». Именно так он определял главную задачу Движения неприсоединения, выступая в Каире летом 1994 года на конференции министров иностранных дел тех государств, которые входят в эту организацию (недавно отметившую свой 40-летний юбилей)[97]. Наконец, образ Мубарака связан с представлением о нем, как о демократическом лидере – поборнике того актуального сейчас направления, которое в арабских странах называют *та'аддудийа* (множественность, многопартийность, плюрализм)[98].

Но нельзя обойти вниманием и тот факт, что подобное стремление к плюрализму, демонстрируемое многими нынешними арабскими лидерами, включая коронованных особ, сочетается у Мубарака с его домашними средствами для того, чтобы удержаться во власти. При нем был заморожен процесс конституционного развития, несмотря на ряд вопиющих противоречий в тексте действующей постоянной конституции, провозглашающей в одних статьях верность шариату, в других – социалистическим принципам в том виде, в каком их формулировал Насер. С 1981 года в Египте действует режим чрезвычайного положения[99]; соответствующий закон применяется не в полном объеме, но позволяет президенту пользоваться услугами военных трибуналов при разбирательстве ряда уголовных дел и политических обвинений.

За двадцать с лишним лет своего правления Мубарак не воспользовался предоставленным ему конституционным правом назначить вице-президента, видимо, не желая иметь себе ни заместителя,

ни конкурента. Полагают также, что одна из причин, из-за которой вице-президентский пост остается вакантным, кроется в том, что по прежней традиции египетского истеблишмента на него назначались военные[100].

Будущее после Хосни Мубарака остается неясным. Возможно, он не будет настаивать, чтобы в качестве подрастающей смены рассматривали его сына Гамаля Мубарака, молодого и активного члена политбюро НДП[101]. Однако само присутствие потенциального «наследника» усиливает позиции президента и помогает ему удерживать военно-бюрократическую элиту от попытки перераспределения власти.

Далее перевыборы президента рассматриваются как конституционная процедура и как способ подтверждения личных полномочий Мубарака.

Организация и атмосфера перевыборов президента АРЕ. 26 сентября 1999 года в Египте состоялся общенациональный референдум, на котором 93,79% принявших в нем участие граждан одобрили решение Народного собрания переизбрать президентом страны Мухаммеда Хосни Мубарака. Согласно египетской конституции, кандидатура на пост президента выдвигается по предложению не менее одной трети депутатов Народного собрания, после чего она должна быть одобрена как минимум двумя третями депутатской палаты (такая норма существует с 1964 г.)[102]. Затем кандидатура выносится на плебисцит, в ходе которого граждане отвечают «да» или «нет». В результате последнего референдума, подтвердившего санкцию Народного собрания, осенью 1999 года Мубарак уже в четвертый раз стал президентом АРЕ на шестилетний срок.

Официальные данные говорят о том, что свою волю на референдуме пришли изъявить около 80% из 24 миллионов египтян, имеющих право голоса. 17,5 млн. человек дали положительный ответ. Примечательно, что даже если поверить в точность подсчета голосов, то окажется, что на референдуме 1999 года процент сказавших «да» оказался чуть ниже, чем на предыдущих. В речи после принятия присяги Мубарак заявил, что «не держит зла» на тех немногих, кто проголосовал против него. По словам президента, Египет нельзя делить «на тех, кто поддержал [меня], и тех, кто проголосовал против, так как все эти люди – египтяне, патриоты, хотя их мнения различны»[103].

Несмотря на то, что речь шла о продлении мандата полномочий действующего президента, а не об альтернативных выборах, власти провели мощную и яркую агитационную кампанию в прессе и на улицах. Каир тонул во всевозможных транспарантах, плакатах, флагах и гигантских портретах лидера. Активисты правящей Национально-демократической партии (НДП) повсюду раздавали фотографии Мубарака. В день референдума общественным транспортом можно было пользоваться бесплатно, а многие государственные и частные

компании отправили своих работников к местам голосования на специальных автобусах. Впервые голосовать можно было и с помощью интернета. Газета «Аль-Ахрам» назвала референдум «днем великого благодарения».

В кампанию поддержки вплетались пожелания здоровья президенту Мубараку, раздававшиеся во всех без исключения средствах массовой информации. На сей раз они не были пустой формальностью. Дело в том, что за двадцать дней до референдума на Мубарака в Порт-Саиде напал полусумасшедший торговец, вооруженный неким острым предметом. Мубарак получил легкое ранение, а нападавшего застрелила президентская охрана. Сразу же после инцидента лидеры всех оппозиционных партий выразили сочувствие Мубараку, а главное – засвидетельствовали свою полную непричастность к злодеянию и неприятие насилия в качестве способа политической борьбы. Хотя случай нападения на Мубарака имел место накануне референдума, никто из египетских или иностранных наблюдателей не высказал предположения о том, что между этими событиями существует какая-либо связь. Вопрос о вероятности кем-то организованного покушения повис в воздухе.

Между тем обстановка вокруг референдума 1999 года имела ряд действительно важных особенностей. В мае того же года четыре главные оппозиционные партии – Новый Вафд, Социалистическая партия труда (СПТ), Арабская демократическая партия насеристов и Национально-прогрессивная партия (НПП), которую также называют юнионистской партией «*Тагамму'*»,–начали ставить вопрос о политической и конституционной реформе, которая могла бы превратить Египет в парламентскую республику.

Между партиями возникли разногласия при определении совместной стратегии. Тем не менее среди общих требований, выдвинутых к президенту Мубараку, были: отмена чрезвычайного положения, а оно не снималось, напомним, с момента убийства президента Садата в октябре 1981 года; освобождение политических заключенных, обеспечение необходимых гарантий для свободных выборов, отмена некоторых ограничений, существующих в отношении создания политических партий, наконец, – свобода прессы и независимость профсоюзов[104]. Подразумевалось, что президент Мубарак может сделать эти шаги после референдума, вступив в свои новые полномочия на посту главы государства. По мнению инициаторов обращения, это создало бы благоприятный климат для мирного перехода к демократии в обстановке стабильности.

Несмотря на явно недостаточную координацию действий между различными участниками инициативы, был создан комитет, который занялся подготовкой расширенной конференции по вопросу о политической и конституционной реформах в Египте. Было решено провести такую конференцию в начале 2000 года. В подготовительный комитет вошли семнадцать человек, представляющих политические

партии, а также ассоциацию «Братья-мусульмане», члены правозащитных и неправительственных организаций, преподаватели университетов и т. д.

Надежды общественности выглядели вполне реальными, поскольку требование провести реформу под лозунгом «новой эры Мубарака», казалось бы, совпадало с намерениями самого президента. В самом деле, за несколько недель до референдума Мубарак обнародовал важное и весьма многообещающе заявление: «Мы рассматриваем возможность изменений и реформ, так как жизнь требует этого. В грядущем периоде мы не поколеблемся пойти на них»[105].

Еще раньше, в ряде выступлений, сделанных им в течение 1999 года, Мубарак говорил о необходимости демократических усовершенствований. В частности, он обещал, что роль партий, профсоюзов и неправительственных организаций в политической жизни страны будет увеличена, добавляя, однако, что их деятельность должна совпадать с национальными интересами, дабы они не стали «орудием в руках внешних сил и группировок»[106]. Мубарак тем самым показывал, что до некоторой степени готов учесть требования оппозиции и демократизировать политический процесс.

Но спустя некоторое время стало очевидным, что призывы оппозиции начать широкую политическую реформу, внести изменения в Конституцию, в том числе ввести прямые и альтернативные президентские выборы (постоянное требование вафдистов)[107], и на этот раз не встретили понимания со стороны Мубарака. На следующий день после референдума в интервью газете «Аль-Гумхурия» он заявил: «Я не думаю ни о каком изменении Конституции, потому что забочусь о стабильности в стране»[108].

Референдум, заявления политиков и кампания поддержки в СМИ сопровождались процессом принятия решения о перестановках в правительстве, о которых уже говорилось в связи с проблемой приватизации. В новом египетском правительстве тринадцать новых министров и девятнадцать прежних. Ключевые фигуры: министры внешней торговли, сельского хозяйства, обороны, информации, иностранных дел, а также министр внутренних дел – сохранили свои посты. По словам наблюдателей, то, что ожидалось как самая значительная смена правительства за последние десятилетия, «на деле оказалось разочарованием». Среди тринадцати новых министров нет ни одного человека с карьерой политика, не говоря уже о том, что никто не был замечен в лагере оппозиции, либо же среди независимых. Клонирование, а не смена, – так охарактеризовала произошедшее правоцентристская газета «Аль-Вафд»[109].

На фоне «всеобщей народной поддержки» и официального оптимизма разочарованно звучали голоса представителей оппозиции из среды каирской интеллигенции. Так, заместитель директора Центра стратегических исследований при газете «Аль-Ахрам» Му-

хаммед аль-Сайед Саид считает, что «политика в Египте мертва, и она не вернется к жизни при Мубараке». По его мнению, идея референдума устарела. И напрасно сейчас пытаться представить Египет без Мубарака, который, как фараон, останется у власти вплоть до своей кончины. «В Египте невозможно сделать президента бывшим президентом. Бывший президент – всегда мертвый президент»[110].

4. Развитие многопартийной системы. Демократизация сверху

«Вам направо, а мне налево или, пожалуй, наоборот.»
[*Свидригайлов Раскольникову*]

Чтобы определить потенциальную способность политических партий, неправительственных организаций и движений влиять на экономическую и политическую жизнь страны, необходимо иметь в виду, что развитие политического плюрализма в Египте (санкционированного Садатом, им же приостановленного и вновь начатого при Мубараке) вылилось, с одной стороны, в реальные завоевания свободной прессы, хотя и перед ней ставятся рогатки, с другой – в скорее декоративное представительство оппозиционных сил в парламенте.

В этом прослеживается определенная историческая закономерность. Отвечавшее императивам первого этапа национального строительства усиление роли государства в мобилизации внутренних и внешних накоплений (отсюда – дирижизм в экономической политике) сопровождалось во многих арабских и африканских странах «освобождением» режима от оппозиционных партий, деятельность которых была запрещена или надолго прервана. Чем выше степень огосударствления экономики, тем жестче становилась система сцепок ведущей – и единственной – политической организации с механизмами государственного управления. Складывалась такая система, которую иногда называют «партия-государство». К этом типу относятся и бывший Арабский социалистический союз в Египте, и ныне рухнувший ФНО в Алжире, и сирийская партия Баас в 1960-е годы, и тунисская партия Дустур[111], которая в тот же период установила абсолютную монополию на политическую деятельность в Тунисе. Еще один вариант в этом ряду – Южный Йемен (бывшая НДРЙ), политическая система которого тяготела к модели так называемых афро-марксистских режимов.

Следующий исторический период – в основном семидесятые годы – переход от выраженного этатизма (дирижизма) к модели открытой экономики, направленной на более активное включение в мировые связи, по образцу египетского *инфитаха*. Политика открытых дверей и частичной либерализации внутренних экономических отношений при сохранении обширного сегмента государственной

собственности и контроля за сферой перераспределения потребовала умеренной политической либерализации, которую правящая элита и проводила «сверху», объявляя об отказе от однопартийного режима, но на деле пытаясь его сохранить.

Третий этап (конец 1980-х – 90-е годы) характеризуется перенесением акцента на предоставление большей автономии законодательной ветви власти. Этот акцент заметен в дискурсе официального Каира или, скажем, Туниса при президенте Бен Али, который начал свое правление под знаком «подготовки плюралистической альтернативы», декларируя, в том числе, желание «придать новые импульсы деятельности парламента»[112]. Как результат, в тунисской Палате депутатов с 1994 года впервые появляются наряду с членами «партии большинства» (то есть правящей) избранники от «партий меньшинства», в данном случае – только представители лояльных партий светской оппозиции[113].

На грани 1980–90-х годов восстанавливается действие конституций и получает новое дыхание парламентская жизнь в таких странах, как Иордания и Кувейт, где к участию в избирательном процессе были допущены умеренные исламисты. В Марокко, другой конституционной монархии, определенные подвижки в сторону либерализации политической жизни обозначились еще с 1976 года. Причем в условиях, когда проблема Западной Сахары вновь обеспечила королю поддержку и легитимность, позволившую ему достаточно свободно маневрировать и провести ряд реформ, включая изменение избирательного кодекса (1980) и Конституции (1992), которая предоставила парламенту дополнительные права, увеличила срок полномочий депутатов и т.п.

Однако многие исследователи отмечают в этой связи, что нельзя ставить знак равенства между либерализацией и демократизацией, а соответствующие слова (термины) друг другу не тождественны. Если первый процесс предполагает институциональное оформление гражданских и политических свобод, то демократизация напрямую связана с уровнем гражданского «участия», а также с подотчетностью и обновлением правящей элиты. Именно этого и не наблюдается в большинстве арабских стран. Применительно к ним можно говорить о формальной либерализации: в одних случаях таковая происходит под давлением снизу (Алжир), в других – по инициативе сверху (Египет), в третьих – многопартийность представляет собой перевоплощение племенных, этнических сообществ, традиционных кланов (Йемен)[114].

Но в чем специфические особенности Египта в этом общем движении, которое ускорилось после исчезновения «двухполюсного миропорядка», происходя в условиях, когда на политическую атмосферу влияет далеко не всеми разделяемое, но на сегодняшний день господствующее в мире либеральное идеологическое течение: требование защиты прав человека, идеалы демократии, а значит – и плюрализма, многопартийности, гражданских свобод. Влияя на умы

и ожидания египетской интеллигенции и среднего класса, оно не может не учитываться правящей элитой.

* * *

К тому времени, когда на месте Арабского социалистического союза – столпа насеровского режима – появилась трехпартийная система (1976 год), Египет имел уже почти столетнюю традицию партийной жизни (ватанисты, младоегиптяне и т. д.) **(Коммент. 9)**. Партии современного типа появляются после Первой мировой войны (с 1919 года), в других арабских странах, кроме Туниса, аналогичный процесс начал развиваться не раньше середины тридцатых годов.

После предоставления Египту призрачного суверенитета (1922) политические партии активно участвуют в парламентских выборах, а буржуазной партии Вафд неоднократно удавалось сформировать правительство. Правда, межпартийные разногласия и борьба за места в парламенте мало затрагивали повседневную жизнь основной фигуры общества – сельского феллаха, то есть подавляющего большинства населения, составлявшего (как в эллинистическом Египте) безмолвную «египетскую хору», далекую от интересов космополитического полиса.

Тем не менее период между провозглашением королевской конституции 1923 года и военным переворотом 1952 года, по словам А.Х.Дессуки, часто и *ошибочно* характеризуют как первую либеральную эру («the liberal age») в политической истории Египта. «Увы, – пишет автор, – она была испорчена деспотическим королем, который отказывался держаться в пределах власти, данной ему по конституции, или безусловно признавать результаты выборов. Он слишком легко отправлял в отставку кабинеты министров, сформированные на основе парламентского большинства (в 1924, 1928, 1930, 1937, 1942 и 1944 годах), распускал парламенты (в 1924, 1928, 1930, 1934, 1938 годах и дважды в 1948 году), а также приостанавливал действие конституции (1930–1934 годы). Британские оккупационные власти следили за тем, чтобы партийная борьба не угрожала их интересам, и своевременно вмешивались в этот вопрос»[115]. Добавим, что избирательные законы «либеральной эры» предусматривали крупный денежный залог от кандидата в члены парламента[116]. Поэтому политическая игра вокруг парламента (состоявшего из Сената и Палаты депутатов) оставалась уделом аристократии – узкого круга лиц, принадлежавших к классу египетских «пашей».

На политическом ландшафте дореволюционного Египта – если оставить в стороне плеяду «дворцовых» партий, безусловно поддерживавших монархию и разыгрывавших ее карту в парламентской борьбе, – выделялись в основном четыре компонента. Два самых крупных из них составляли: (1) сторонники либерально-буржуазной демократии, люди преимущественно светских взглядов, – это возникшая еще в 1919 году партия Вафд, название которой означает

«делегация», поскольку ее история началась с появления египетских делегатов на Парижской мирной конференции, чтобы потребовать отмены британского протектората; (2) деятели исламской ориентации, ничего не имевшие против капиталистической формы собственности, но выступавшие за применение законов шариата, – это ассоциация «Братья-мусульмане», основанная в 1928 году Хасаном аль-Банной, ее первым Верховным наставником.

Партия Вафд имела широкую общественную поддержку в городах и обычно побеждала на парламентских выборах. Не меньшей популярностью пользовались «Братья-мусульмане», нашедшие свою социальную базу не только в низших слоях общества, но и в корпусе чиновников, мусульман-предпринимателей, в лице студентов Аль-Азхара и Каирского университета, а также в учительской среде. Однако «братья» по принципиальным соображениям устранялись от борьбы за парламентское представительство (считая, что партии – суть чуждая мусульманам европейская новина). В конце 1940-х годов они завоевали безусловное преимущество в урбанизированных районах страны как сила, способная мобилизовать массы и выводить толпу на улицы.

Два других компонента дореволюционного политического ландшафта, менее значительные по количеству своих активистов и сторонников, но все же достаточно громко заявившие о себе, – это (1) авторитарные по духу партии, вдохновлявшиеся моделями европейского фашизма и резко активизировавшие свою деятельность во время Второй мировой войны, (2) нелегальные марксисты, которые в отличие от небольших, но более слаженных компартий Сиро-Палестинского района и стран «Французской Северной Африки» (Магриба) были разбиты на множество микроскопических кружков, эфемерных партий и группировок, дискуссионных клубов и т. п. К левым тяготела часть европеизированной интеллигенции и городских рабочих, а их собрания посещали как студенты, так некоторые молодые офицеры[117].

Социальные и мировоззренческие различия между представителями этих четырех течений были столь значительными, что их совместная деятельность становилась невозможной; и король, как уже отмечалось выше, мог благополучно править в окружении своих британских советников.

Примечательно, что в первую половину XX века многие египетские политические движения отличала склонность к спонтанной террористической деятельности, к составлению заговоров в узком кругу с целью покушения на жизнь местных и иностранных деятелей. В этой связи можно указать на премьера Бутроса Гали, погибшего в 1910 году от руки члена тайного патриотического общества, на убитого в 1924 году главнокомандующего египетской армией англичанина Ли Стэка, а также на лидеров партии Вафд, которые в 1940-е годы, даже по окончании мировой войны, не раз становились объектом

покушений в наказание за их симпатии к Союзникам и компромиссы с британскими хозяевами страны. Что касается тайных антиправительственных группировок внутри армии, и «Свободные офицеры» Насера в этом смысле – не исключение, то их участники в той или иной степени разделяли взгляды политиков самого разного толка, а некоторые имели с ними неформальные связи.

Всю эту картину решительно изменила арабо-израильская война 1948 года, которая пошатнула трон, породив массовое недовольство «продажной верхушкой» и подтолкнула разношерстное политическое общество к объединению. Но январские события 1952 года, начавшиеся (на фоне демонстраций) с поджогов в Каире, которые Анвар Абдель Малек в свое время назвал «сорванной революцией», а затем разгон парламента, кабинетная чехарда и наступивший паралич политической жизни – в своей совокупности предопределили выход на первый план неожиданного игрока: «рассерженного» поколения тридцатилетних молодых людей в армейском мундире.

Известно, что вскоре после военного переворота 1952 года все политические партии, включая наиболее влиятельную ранее партию Вафд, были распущены, начался поиск путей для создания единой партии или «надпартийной организации», призванной заполнить создавшийся вакуум. Сначала появилась партия-эрзац переходного периода – Организация освобождения (1953–1956 гг.)[118], ее сменил Национальный союз, в свою очередь, ликвидированный в ноябре 1961 года за враждебное отношение многих его членов к «социалистическим декретам» – законам о национализации предприятий, принадлежавших местному капиталу[119]. Одни участники Национального союза не приняли эти декреты по социальным и политическим соображениям. Другие – из-за недовольства тем, что Насер единолично принимал такие решения, готовил их в тайне и скреплял только своей подписью.

Стоит перелистать страницы истории, которые связаны с разрушением партий «старого порядка» и новым партийным строительством. В первые дни и месяцы пребывания у власти «Свободных офицеров» на плоды их переворота, встреченного в гражданских патриотических кругах как «благословенная революция» (*ас-саура аль-мубарака*), претендовали многие. Характерно, что после того, как в ночь с 22 на 23 июля 1952 года «Свободные офицеры» установили контроль над Каиром, фактически не встретив при этом сопротивления[120], свои поздравления им принес среди прочих и Мустафа Наххас-Паша[121], председатель Вафда. Тем временем, по свидетельству историков, умудренный политик и кавалер многих орденов, вождь нации, каким Наххас-Пашу многие считали, снисходительно ожидал, когда же военные в конце концов передадут власть «великой партии»[122]. На это же уповали и «Братья-мусульмане», давние контакты с которыми поддерживали отдельные члены подпольной организации «Свободные офицеры». А на престоле еще оставался малолетний наследник Фа-

рука – свергнутого короля, который находился в ту роковую ночь в Александрии и вынужден был удалиться в изгнание[123].

В самом Исполкоме «Свободных офицеров» (СРК), сразу возникли разногласия: одни говорили о необходимости восстановления вафдистского парламента, другие стояли за ликвидацию тех политических партий, которые не сотрудничали с военными в момент подготовки переворота. Под влиянием Насера было принято половинчатое решение. 9 сентября 1952 года вышел закон о реорганизации политических партий, которые подверглись «чистке» наряду с аналогичными мероприятиями в армии и госаппарате. Далее события развивались стремительно: 10 декабря 1952 года – решение СРК об отмене конституции 1923 года. Через две недели специальный трибунал приступил к рассмотрению дел о коррупции бывших членов парламента. Спустя еще несколько дней создается комиссия для выработки новой конституции и решения вопроса о подходящей к условиям Египта форме правления – будет это монархия или республика.

17 января 1953 года, когда комиссия только приступила к работе, последовал указ о роспуске, запрещении и конфискации имущества всех политических партий, и был установлен трехлетний переходный период, на время которого верховная власть переходила к СРК[124].

В дни революции 1952 года Насер, по его собственному признанию, сначала испытывал мучительные сомнения: что же делать дальше, после того, как авангард, то есть армия, «выполнил свою задачу» – взял штурмом «оплот тирании», заставив короля Фарука отречься от престола[125]. Он помнил, что «после 23 июля бывали моменты, когда я обвинял самого себя, своих коллег и вообще всю армию в чрезмерной поспешности», и что его посещала мысль: «мы совершили безрассудный поступок…». Если верить на слово, то еще в 1954 году Насеру казалось: «Наша роль – это роль часовых (не более), поставленных на определенный, ограниченный во времени срок». Но о действиях офицеров так наверняка хотелось думать египетским политикам старой закваски, а пресса, включая газету «Аль-Ахрам»[126], которая тогда являлась частным изданием, мягко говоря, недружелюбно откликалась на многие решения нового правительства. Между тем генерал Нагиб, теоретически возглавлявший правительство, был как раз сторонником возвращения к парламентской системе, что, видимо, и послужило причиной его последовательных отставок – с должности премьера (март 1954 года), а спустя шесть месяцев (ноябрь 1954 года) и с президентского поста.

В начале 1954 года толпы людей дважды выходили на улицы с диаметрально противоположными лозунгами. «Нет революции без Нагиба!» (*ля саура би ля Нагиб*) – так было в феврале, когда была сделана первая попытка распустить его кабинет. И с возгласами: «Нет партиям! Нет выборам! Нет парламенту!», «Не уходи, Гамаль!». Это уже происходило 27 марта, после того, как СРК объявил своими решениями от 5 и 25 марта о самоликвидации, без права для

себя создания новой партии, и о созыве Учредительного собрания. Но все эти обещания были взяты назад, когда накануне мартовских демонстраций Насер пошел ва-банк, убедившись в том, что его личный друг, главнокомандующий Амер, гарантирует надежность всей армии, и есть полный шанс блокировать тех офицеров, которые готовы защищать Нагиба с оружием в руках.[127] Таким образом, шумные выступления улицы помогли сорвать перспективу возвращения Наххас-Паши и ему подобных в парламентские кресла, а также подтвердили полномочия нового вождя[128]. Оставалось ждать 26 октября 1954 года, чтобы «Братья-мусульмане», в свою очередь, дали повод с ними расправиться. (Принятое еще в январе решение СРК о роспуске ассоциации было отменено благодаря вмешательству короля Саудовской Аравии[129]). Таким поводом стал их заговор с целью покушения на жизнь Насера. Срочно образованные «суды народа» и военные трибуналы вынесли суровые приговоры сотням приверженцев ассоциации, к октябрю 1955 года количество арестованных достигло почти трех тысяч человек; оставшиеся на свободе «братья» ушли в глубокое подполье и долго не давали о себе знать.

Генерал Нагиб, в вину которому вменили симпатии к заговорщикам, тоже был убран с дороги; все это вместе взятое помогло похоронить идею восстановления многопартийности и буржуазного парламента, даже в том варианте, который виделся Нагибу (без старых партий), а также забыть о его умозрительном проекте – ориентироваться на Запад, оказывая сопротивление империалистическим силам, и добиваться постепенного объединения арабских народов на основе общих экономических интересов. Наконец, отставка Нагиба означала исчезновение политика, готового к диалогу в контексте арабо-израильских отношений.

Если вернуться к экономической деятельности правительства Насера в этот период, то в марте 1955 года создается Комитет по национальному планированию, который в 1957 году был реорганизован, поставлен под контроль президента и включил в себя все ранее созданные отраслевые и местные ведомства, занимавшиеся вопросами планирования. Это еще не означало ущемления интересов местного капитала, напротив, хозяйственная олигархия, и в первую очередь финансовые группы Аббуда и банка «Мыср», в 1956–1958 годах процветали. «Но египетская буржуазия привыкла к власти, раньше она назначала и смещала министров, а теперь была отстранена от политики»[130].

26 марта 1955 года Насер впервые провозгласил шесть принципов египетской революции: 1) устранение империалистического засилья[131]; 2) ликвидация феодализма; 3) ликвидация «господства капитала над властью»; 4) утверждение социальной справедливости; 5) создание сильной национальной армии; 6) установление здоровой демократической жизни. Последний тезис, при всей его расплывчатости, все же подразумевал некую парламентскую форму правления[132]. Однако после возвращения из Бандунга (где 18–24 апреля

проходила конференция 29 государств стран Азии и Африки) Насер в одной из своих речей летом 1955 года уже упомянул о «социализме», но более отчетливо стал говорить о «социалистическом, кооперативном, демократическом обществе» начиная с 1956–1957 годов, и ключевые слова следующего десятилетия вошли в девиз Национального союза: «Свобода, единство, социализм!». Эта организация должна была объединять «все умеренные элементы общества» на основе классового сотрудничества, любви и братства[133].

Наконец, после ряда экспериментов, включая неудачный опыт объединения с Сирией (февраль 1958 – сентябрь 1961 года), в Египте 14 лет существовал однопартийный режим: единственной разрешенной и правящей политической организацией являлся созданный по инициативе «сверху», а именно по президентскому декрету от 6 ноября 1962 года, Арабский социалистический союз (АСС) – «социалистический авангард, который должен был определять внутреннюю и внешнюю политику страны и контролировать ее выполнение»[134]. В основу Арабского социалистического союза была положена идея *альянса трудовых сил народа.* Эта массовая организация, с точки зрения исследователей, имела черты как партии, так и широкого блока политических сил, поддерживающих революцию. Главным политическим документом режима становится «Хартия национальных действий», принятая в том же переломном 1962 году и провозгласившая курс на строительство социалистического общества. При этом была сделана попытка ввести во все выборные органы, включая руководство АСС и Национальное собрание, рабочих и крестьян путем установления для них 50-процентной квоты, однако без четкого определения, кто входит в эту категорию.

Таким образом, возобладала идея конструирования общества по заранее определенному архитектурному плану; однако на практике «параллельно с официальными политическими структурами и институтами, – как пишет А. М. Васильев о режиме Насера, – над ними или внутри них существовала традиционная для Египта система групповых и клановых связей и влияния, замыкавшаяся на президенте. Временами она была более действенной в смысле принятия политических решений, чем официальная»[135].

Необходимо подчеркнуть, и это мнение высказывают многие египетские авторы, что не только и не столько симпатии Насера к советской модели, сколько его горечь по поводу несостоявшегося объединительного союза с Сирией, вызвала перенос акцентов в официальной идеологии: с радикального национализма на популистскую «социалистическую» доктрину, со всей вытекающей отсюда риторикой. Это же подтолкнуло президента на новые авантюры: изматывающую войну в Йемене, ужесточение антиизраильской пропаганды, создание в январе 1964 года генштаба Объединенных арабских сил под началом египетского генерала в ответ на планы Тель-Авива отвести воды реки Иордан и так далее.

Действительно, распад двуединого государства ОАР оказался первым серьезным ударом по авторитету Насера, который хотел бы сделать «Национальный союз» общеарабской суперпартией, на что, в свою очередь, претендовала Баас, выступавшая с момента ее основания (1947 год) за ликвидацию навязанных колонизаторами границ и слияние арабских стран в единое целое[136]. Конъюнктурный и непродуманный проект египетско-сирийской унии немедленно стал давать сбои. Лидеры сирийских баасистов остро реагировали на политику египтизации системы управления; выпущенные Насером в июле 1961 года «социалистические» декреты, подрывавшие позиции национального капитала в Египте, – по мере принятия аналогичных указов для Северного района ОАР**,** – вызвали в Дамаске очередной военный путч и установление здесь так называемого режима отделения.

Многие специалисты на Западе сочли Насера политическим банкротом, и в этой обстановке ему пришлось, – как отмечали в свое время И.П. Беляев и Е.М. Примаков, – открыто «заявить о существовании классовой борьбы», что он и сделал в ноябре 1961 года[137]. В том же месяце началась новая волна принятия законов о наложении секвестра на собственность врагов революции, а затем – и две другие волны национализации.

В руководящие органы ОАР, прежде всего партийные, с 1962 года привлекаются люди, известные своими левыми взглядами, многие из которых ранее были подвергнуты репрессиям, либо вынуждены эмигрировать; рупором марксистских сторонников системы становится журнал «Ат-Талиа» (Авангард), возглавленный Лютфи аль-Холи. Впрочем, в условиях, когда заинтересованность Каира в советской военной помощи резко возросла, некоторые государственные и партийные чины намеренно исполняли роль политиков, симпатизирующих Советскому Союзу. Другое крыло составили «проамериканские» деятели, присутствие которых в правительстве тоже было удобно.

Идеализируя образ Насера, отечественные политологи в свое время и с присущей им точки зрения (характерной для советской эпохи) представляли эволюцию взглядов Насера как поступательное движение, через повороты и «зигзаги» к пониманию теории научного социализма. Со своей стороны, и сам египетский лидер давал к этому повод, объявив к концу шестидесятых, что суть его программы – «арабское прочтение научного социализма». (В чистом виде последний, как утверждал Насер, не устраивал его, главным образом, в своей атеистической части). Характерно, что этот акцент был поставлен в период, когда реальная политика Насера уже показала робкий сдвиг в сторону либерализации экономической системы. В свою очередь, знаменитая «Программа 30 марта» 1968 года, которую наши авторы дружно называли подтверждением верности некапиталистическому пути развития, содержала пункты, говорившие о признании ряда принципов «буржуазной демократии». Таким образом, расхождение, порой

диаметральное, между лозунгами и практикой египетского режима, которое наблюдалось на протяжении 50 лет, истекших со дня июльского переворота, позволяет сделать вывод о его характере: прежде всего прагматическом, и в этом смысле – постоянном.

После скоропостижной кончины Гамаля Абдель Насера новый президент Анвар Садат провел «исправительное движение» 1971 года, избавившись от политических конкурентов с помощью майских арестов ключевых деятелей АСС, среди которых наиболее крупной фигурой являлся «промосковский» политик Али Сабри **(Коммент. 10)**. Но приверженцы последнего еще удерживали позиции в партийном аппарате и прежде всего в «Авангарде социалистов» – секретной и военизированной организации, которую Насер намеревался создать внутри 5-миллионного АСС. В «авангарде», как и в других руководящих звеньях партии, а также в редакциях официозных газет и журналов были перемешаны люди разных политических пристрастий, в том числе независимые марксисты[138].

Поводом для «революции» Садата, как ее назвали позднее, послужили следующие события. В феврале 1971 года со стороны Каира была предпринята последняя попытка реализовать идею регионального межгосударственного объединения. Казна была пуста, и Садат выступил инициатором создания федерации в составе Египта, Сирии и Ливии, будучи особо заинтересован в финансовых ресурсах Ливии. Шли интенсивные консультации, и уже 17 апреля 1971 года о Федерации арабских республик (ФАР) было объявлено официально. Но ФАР так и не состоялась. Против ее идеи выступил Судан, к ней недоверчиво отнесся Каддафи, поняв, что главенство в федерации ему не уготовано; а главное, многие члены тогдашнего египетского руководства заподозрили Садата, во-первых, в намерении затянуть много раз уже обещанную искупительную битву с Израилем и, во-вторых, в желании под благовидным предлогом перестроить политическую систему таким образом, чтобы избавиться от внутренних политических конкурентов. Разногласия в ЦК АСС, некоторые члены которого через спецслужбы получили информацию о том, что, форсируя без их согласия переговоры по ФАР, Садат начал уже некие консультации с американскими представителями о мирном ближневосточном урегулировании, послужили прелюдией к майским событиям 1971 года («исправительное движение»)[139].

В группировку, а точнее сказать, гетерогенную коалицию, настроенную против нового президента, помимо Али Сабри, входили как публичные политики, так и малоизвестные, но влиятельные деятели, контролировавшие армию и разветвленные службы безопасности. Среди них фигурировали, например, Шарави Гома'а – министр внутренних дел, Мухаммед Фавзи – министр обороны и главком вооруженных сил, Сами Шараф – министр по делам президентства[140], а также министр информации Мухаммед Фаик, генеральный секретарь АСС Абдель Мухсин Абу ан-Нур и др. В Москве надея-

лись, что Али Сабри, который имел репутацию просоветского деятеля и был частым гостем на съездах и международных совещаниях КПСС, займет место Насера. В конце 1970 года он становится одним из двух вице-президентов; в это время его секретные службы начинают активное прослушивание разговоров Садата, что и дало повод последнему объявить о заговоре и арестовать зачинщиков.

В западной литературе их называют иногда левонасеристами или просто «левыми», иногда «центристами», имея в виду то обстоятельство, что группировка Али Сабри имела большинство в Высшем исполнительном комитете (ВИК) ЦК АСС, где с подозрением отнеслись не только к мертворожденному проекту ФАР, но и к «эгоистическому» желанию Садата решить без участия других арабских государств и при посредничестве США проблему захваченных Израилем египетских территорий (о чем во времена Насера не смели заговаривать).

Обращает на себя внимание, что верхушечный переворот, начавшийся с отставки Али Сабри, имел место накануне прибытия в Каир государственного секретаря Вильяма Роджерса, которому здесь дали понять, что новое египетское руководство может пересмотреть свое отношение к Советскому Союзу, если только США заставят Израиль отвести оккупационные войска с восточного берега Суэцкого канала. В ходе негласной подготовки этого визита, еще в феврале – апреле 1971 года, Садат сделал ряд публичных заявлений на сей счет (сказав, что готов просить помощи у кого угодно – не только у американцев, а «хоть у самого дьявола»). Все это, конечно, усиливало впечатление, что фитилем конфликта в египетских верхах, закончившегося переделом власти, послужило «диаметрально противоположное отношение противоборствующих сторон к конфронтации с Израилем и решению ближневосточной проблемы»[141]. Международная интрига, характерная для эпохи холодной войны, осложнялась и новым раскладом сил на Ближнем Востоке: некоторые источники объясняют падение Али Сабри тем, что против него настраивали Садата «консервативные арабские режимы, от которых Египет попал в зависимость после июньской войны» (1967 года)[142]. Свою лепту в хитросплетения борьбы за наследство Насера внесли и византийские нравы правящей элиты. С солдатской прямотой об этом сказал Мухаммед Фавзи, который, выйдя из тюрьмы, где провел пять лет (1971–1976), вместо пятнадцати, назначенных трибуналом, резюмировал в одной беседе: «Садат догадался, что мы съедим его на обед, поэтому съел нас на завтрак»[143].

Так или иначе, майское «исправительное движение» вылилось в аресты и повальные отставки с правительственных или партийных постов (в общей сложности жертвами стали около 300 человек). Этому предшествовал захват министерства внутренних дел, где были демонстративно уничтожены пленки с записями подслушанных разговоров и досье на видных египетских политиков. Руководил опе-

рацией Мамдух Салем, назначенный 13 мая, прямо в доме Садата, на руководство МВД (позднее стал премьер-министром: 1975–1978).

Но Садат вел, как до него и Насер, политику «шаг вправо, шаг влево», часть твердых насеристов второго плана осталась в правительстве и президентских структурах. Лютфи аль Холи и др. люди, известные своими марксистскими взглядами, были выдвинуты Садатом в руководство АСС, который 20 мая 1971 года был временно распущен, но тут же и восстановлен, один из «прокоммунистических» деятелей был введен в правительство в качестве заместителя министра планирования.

10 июня 1971 года АСС принял Программу национальных действий на следующие двадцать лет, составленную при большом влиянии марксистов и сохранившую основные принципы насеризма. Хотя Садат публично выразил свое удовлетворение и согласился со всеми пунктами Программы, он не бросился немедленно ее исполнять и, видимо, пытался отложить этот документ в долгий ящик[144]. Единодушное принятие Программы делегатами Всеобщего национального конгресса АСС в июне 1971 года вынудило Садата предпринять шаги к постепенной ликвидации АСС. Первым из них стала чистка рядов АСС от «лево-центристов» в ходе контролировавшихся людьми Садата июльских перевыборов в руководящие органы АСС на всех уровнях.

Создание трехпартийной системы. С 1974 года, который можно рассматривать в качестве водораздела в политической истории Египта, начался процесс организационной перестройки АСС. В мае этого года появился «Октябрьский документ», понятно, названный так в честь военной победы президента. Смысл его состоял в том, что страна еще не готова к многопартийной системе, но и реформирование АСС тоже было необходимо. Поэтому возникла идея создания внутри АСС так называемых трибун (*манабир*), представляющих различные мнения, то есть речь пока шла скорее о дискуссионных клубах. Члены АСС активно обсуждали эту идею, но никто не решался сделать первый шаг. Поэтому неудивительно то, что первым платформу сформировал зять Садата, Махмуд Абу Вафия: 22 октября 1975 года он объявил о создании Социально-демократической трибуны, при этом объявил «социализм, верующий в Бога» идеологическим началом своей платформы, которая призывала также к поддержке частного сектора и повышению его роли, к защите социалистических достижений от правого и левого уклона, большей свободы прессы и т.д.

Следом за этим началось формирование других платформ, число которых достигло 43 к 24 января 1976 года. Первый секретарь АСС Рифаат Аль-Махджуб, профессор кафедры экономических и политических наук Каирского университета, заявил, что единственным условием для создания политических платформ являлась верность членов АСС принципу «альянса трудовых сил народа», одной философии,

одной идеологии. Также он заявил, что целью создания трибун являлось «придать оппозиционным мнениям организованную форму».

Как показали исследования египетских политологов, на деле платформы не имели никаких четких программ, как правило, отражая простую конкуренцию между отдельными личностями. Но, с другой стороны, это начинание подтвердило существование внутри АСС идеологических и политических разногласий.

В предварительном порядке была создана платформа левых насеристов во главе с Камалем Рифаатом, марксистов во главе с Халедом Мохи ад-Дином и правых во главе с Хильми Мурадом. Также были сформированы несколько платформ религиозного толка. Например, была создана платформа «свободные мусульмане», «исламский труд», «платформа Аллаха». В конце января 1976 года Садатом был сформирован новый комитет для пересмотра организации платформ, состоящий из 130 членов. В результате голосования, проведенного внутри этого комитета, сложилась следующая картина:

70 голосов было подано за сохранение АСС и создание постоянных платформ внутри союза;

33 голоса – за сохранение АСС при возможности существования внутри него определенных течений и трибун, в том числе возникающих на временной основе и ориентированных на обсуждение конкретных вопросов;

7 голосов – за приостановление деятельности АСС и образование полноценных политических партий;

2 голоса – за разрешение деятельности платформ в АСС и вне его, с правом преобразования в политические партии.

На итоговом голосовании была предложена формула создания трех политических платформ-трибун (*манабир*): правой, центристской и левой. Перед ними было поставлено общее условие – обязательство следовать принципам июльской революции 1952 года. Итак, в конце марта 1976 года были сформированы три платформы, а в ноябре того же года они были преобразованы в самостоятельные политические партии, соответственно, в Либерально-социалистическую партию (ЛСП), Арабскую социалистическую партию Египта (АСПЕ) и Национально-прогрессивную (левую) партию (НПП). Генеральный секретариат АСС был преобразован в орган, контролирующий деятельность этих партий. При этом две из трех новообразованных партий, АСПЕ и ЛСП, если учитывать взгляды и состав участников, взросли на почве правоцентристского и правого политического крыла насеровской эпохи. Со своей стороны, президент решил не входить ни в одну из партий, оставив за собой роль верховного арбитра.

Бывшему ЦК АСС были приданы функции органа, контролирующего – в целом – политическую жизнь в стране. Затем ЦК АСС был заменен на так называемый консультативный совет (Маджлис аш-Шура), на две трети выборный, на одну треть назначаемый президентом[145]. Этому совету делегировались все те же полномочия. В

свою очередь, Генеральный секретариат АСС превратился в орган, непосредственно контролирующий деятельность новых партий.

Арабская социалистическая партия Египта (АСПЕ) была призвана занять центральное идеологическое и политическое положение в обществе и получила ясно выраженную поддержку Садата, став президентской партией. Это немедленно потянуло в ряды АСПЕ министров правительства и членов парламента, большинство государственных чиновников, а также других приспешников режима. К сотрудничеству с АСПЕ, которую возглавил премьер-министр Мамдух Салем, режим успешно привлек руководство крупнейших профсоюзов[146]. Все они придерживались тех политических установок, которые им предписывал президент.

Между идеологическими платформами АСПЕ и *Либерально-социалистической партии (ЛСП)*[147] не было существенной разницы, а многие члены политбюро ЛСП начинали свой политический путь в рядах «Свободных офицеров». Один из них – Мустафа Камиль Мурад, возглавивший ЛСП, был близким другом Анвара Садата[148]. Члены политбюро ЛСП в отличие от членов АСПЕ более последовательно выражали либерально-демократические взгляды. Представляя собой по большей части функционеров, разочаровавшихся в авторитарно-социалистическом эксперименте, они активно поддерживали курс на *инфитах*[149], а в конце семидесятых были среди немногих, кто выступил в поддержку Кэмп-Дэвидских соглашений.

В *Национально-прогрессивную (левую) партию (НПП – Тагамму')* были объединены насеристы, марксисты, арабские националисты, представители умеренных мусульманских и коптских кругов. Анвар Садат способствовал тому, чтобы главой партии стал независимый марксист Халед Мохи ад-Дин, надеясь, что это оттолкнет от вступления в партию ортодоксальных насеристов и они будут кооптированы в центральную политическую платформу. Однако Мохи ад-Дин сумел договориться с насеристами, убедив их, что они по своей сущности принадлежат к левому крылу. Садат, в свою очередь, сделал вид, что насеризма как движения не существует, ибо в противном случае это бы означало, что он предал основные принципы революции 1952 года. Разношерстность членов НПП не давала возможности этой партии эффективно согласовывать какие-либо позиции в своих рядах.

Таким образом, в результате садатовских преобразований в политической жизни страны возобладало правое крыло, особенно его часть в АСПЕ. Главные центристы насеровской эпохи находились в тюрьмах, а их идеологические последователи и немарксистские левые были вовлечены в неудобную коалицию, возглавляемую марксистами. В том случае, если деятельность НПП начала бы создавать проблемы для садатовского режима, президент мог заклеймить всю партию как коммунистическую и беспрепятственно применить к ее членам меры репрессивного воздействия[150].

Перестройка партийной системы продолжалась в последующие годы. В 1977 году Народное собрание приняло закон № 40, регулирующий деятельность партий, которые отныне должны были «участвовать в политическом и социально-экономическом развитии страны на принципах демократического социализма, соблюдая национальное единство и социальный мир, защищая завоевания рабочих и крестьянства». Партиям запрещалось иметь при себе какие-либо военные или полувоенные формирования, они не могли создаваться на основе классовой принадлежности членов, а также по земляческим, расовым или религиозным признакам[151].

Формально закон №40 противоречил конституции, а также закону «О национальном единстве» от 1972 года, запрещавшему учреждать политические организации вне рамок АСС. Однако этим обстоятельством пренебрегли, хотя среди юристов по данному поводу развернулась жаркая дискуссия.

В тексте закона, куда были внесены отдельные поправки (1979–1981 годы), прямо указывается, что идеологические установки, программы и деятельность партий не должны входить в противоречие: а) с принципами исламского шариата, каковой рассматривается в качестве основного законодательного источника; б) с принципами революций 23 июля 1952 года и 15 мая 1971 года; в) нарушать национальное единство, социальный мир и режим демократического социализма. Среди положений закона содержится также условие, согласно которому партия не может являться филиалом (секцией) какой-либо заграничной политической организации. В другом пункте записано требование, чтобы учреждение новой партии не служило закамуфлированным воссозданием одной из партий, распущенных по закону № 37 от 1953 г. Устанавливалось, что тюремное заключение грозит любому, кто попытается создать или финансировать нелегальное политическое образование, даже если таковое «маскируется под религиозную организацию», пользуясь такими названиями, как «ассоциация» или «группа». На момент принятия закона № 40 от 1977 года в Египте существовали три партии (бывшие платформы АСС), и закон требовал, чтобы при образовании новой партии среди ее учредителей насчитывалось не менее 20 избранных членов Народного собрания[152]. В дальнейшем этот пункт не соблюдался.

Переход к многопартийной системе. В 1978 году правительственная партия АСПЕ была преобразована в *Национально-демократическую партию (НДП)*[153]. Ее председателем становится сам президент, а генеральным секретарем – копт Фикри Макрам Убейд, заявивший, что партия власти является «национальной, демократической, социалистической, научной, верующей в Бога, народной, революционной и т.д.». В этом же году Садат создает еще одну партию контролируемой оппозиции – *Социалистическую партию труда (СПТ)*, одновременно получила разрешение зарегистрироваться созданная (на сей раз не по указке президента) партия *Новый Вафд* во

главе с Фуадом Сираг ад-Дином и другими «дореволюционными» политиками. Это первое возрождение вафдистов продолжалось, впрочем, недолго. На референдуме в мае 1978 года был одобрен новый закон о национальном единстве и социальном мире, и в «черный список» сил, не следующих этому принципу и заветам революции 1952 года, попал Новый Вафд, вынужденный объявить о самороспуске[154].

Социалистическую партию труда (СПТ) возглавил бывший министр землеустройства Ибрагим Шукри, которого президент Садат знал с давних пор и надеялся, что эта партия «честной оппозиции слева» если не вытеснит, то составит конкуренцию партии НПП – Тагамму'. Однако расчет на лояльность СПТ не оправдался; осудив мирный договор с Израилем, она с 1979 по 1983 год находилась под запретом.

Как видно, развитие многопартийной системы начиналось «сверху»: с образования легальных фракций в составе АСС и при сохранении его основного ядра, которое до сих пор (но под новым названием) выполняет функцию правящей, или «доминирующей» партии [155]. Но по сути дела, как считают аналитики, в интересы Садата входил проект «создания слабой многопартийной системы, которой он смог бы манипулировать»[156].

После прихода к власти президента Хосни Мубарака вновь была разрешена деятельность оппозиционных партий. Им также предоставлено право иметь свои печатные органы. В девяностые годы число партий различных направлений выросло до пятнадцати[157], однако численность большинства из них не превышает тысячи, а в ряде случаев едва достигает трехсот – четырехсот человек.

Вопрос об определении численного состава египетских политических партий крайне затруднителен[158]. Как отмечает канадский исследователь Бахгат Корани в статье, посвященной проблеме демократизации в Египте, оппозиционные политические партии страны – весьма персонифицированные организации, которые походят на закрытые семейные клубы, где нет места обновлению. «К тому же количество их членов обычно является глубокой тайной». Обходясь без всякой открытой дискуссии, они склонны менять свои программные установки, зачастую одна и та же партия делает противоречащие друг другу заявления. В этом смысле показателен пример Либерально-социалистической партии (ЛСП), от имени которой выступает 21 печатное издание, выражая при этом мнения «в диапазоне от насеристских до исламистских»[159].

В Египте у всех партий отсутствуют списки действующих членов, и любые оценки в этом отношении могут быть лишь весьма приблизительными. Некоторые партии, включая правящую НДП и «Вафд», делали заявления о том, что они являются массовыми, и в рядах обеих якобы состоят от полутора до двух миллионов человек[160]. Полагают, что самое внушительное число приверженцев и активистов держит под своим флагом Социалистическая партия труда: до трех миллионов. Хотя в партийных уставах предусматривает-

ся выборность снизу доверху, только НДП, которая созвала первый конгресс в 1980 году, а следующий, чрезвычайный – в 1982 году (избрав своим председателем Хосни Мубарака), и оппозиционная СПТ более или менее регулярно проводят съезды. Правоцентристская партия – ЛСП, претендующая на пребывание в ее рядах 50 тыс. человек, впервые организовала съезд только в 1990 году, изменив для этого статью собственного устава, предполагавшую наличие низовых структур в каждой провинции страны; а Новый Вафд к 1998 году не сумел провести ни одного своего конгресса[161].

Единственное, о чем можно составить представление, – это об электорате той или иной партии, то есть о количестве голосов, поданных за ее кандидатов на выборах в парламент (Народное собрание) и в органы местного самоуправления. Однако и здесь мы сталкиваемся с определенными трудностями. Значительная часть кандидатов предпочитает участвовать в выборах в статусе независимых (см. § 3 настоящей главы) и лишь по окончании выборов присоединяется к той или иной парламентской фракции (чаще всего – к правящей НДП).

Что касается выборов в органы местного самоуправления, то на них, как правило, побеждают те кандидаты, которые поддерживаются властями, – они являются членами НДП или примыкают к ней, будучи избранными. Оппозиционные партии не имеют возможности выставить достаточное количество своих кандидатов на муниципальных выборах, не могут или не желают обеспечить их финансовой поддержкой для ведения предвыборной кампании. Кроме того, партии оппозиции не склонны верить официальным результатам выборов либо считают процедуру выборов недемократичной и могут их бойкотировать. Так, в 1990 году большинство партий бойкотировало парламентские выборы, а в 1992 году – местные, что в обоих случаях не привело к отмене выборов и лишь принесло дополнительные места правящей НДП.

При оценке численности сторонников оппозиционных партий с помощью электоральных результатов необходимо учитывать, что в выборах обычно принимает участие лишь небольшая часть лиц старше 18 лет, имеющих право голоса; по некоторым данным – менее 10% в Центральном Каире (2000 год) и от 40 до 50% по всей стране (1976–1995). Явка на выборы обеспечивается в основном за счет сельского населения. Далеко не все взрослые египтяне зарегистрированы в избирательных списках, которые составляет полиция, и в иные годы разница между количеством фамилий в этих списках и количеством потенциальных избирателей достигала 5–6 млн. человек.

Для большинства египтян партийная принадлежность кандидата не является определяющим фактором. Зачастую, как в случае с принадлежностью к НДП, она может лишь оттолкнуть избирателя. Поэтому кандидаты предпочитают использовать иные средства агитации, нежели декларирование политических задач. Кандидаты, идущие на выборы от малочисленных партий, в погоне за голосами могут давать

любые обещания: например, обеспечить все египетские семьи жильем, освободить Иерусалим и т. п. В итоге кандидат-политик уступает на выборах кандидату – подателю насущных благ, а межпартийные баталии остаются вне поля зрения простого обывателя.

Это подтверждают и данные социологических наблюдений. Выборочный опрос 1991 года показал, что 80,3% египтян не интересуются деятельностью политических партий. В 1994 году 33% опрошенных ответили, что они вообще не имеют представления о существовании политических партий. Среди другой, более информированной части респондентов равнодушными к партийной деятельности оказались почти 65% и лишь 35% хотя бы немного ею интересовались. Еще одно полевое исследование, проведенное примерно в это же время, показало, что политические партии безразличны для 84% участвовавших в опросе [162].

Видимо, не случайно партии оппозиции не сообщают данные о численности своих рядов (если таковой учет вообще ведется), а для египетского электорального процесса начиная с 1987 года характерна тенденция к росту числа независимых кандидатов, которые, надо думать, действуя таким образом, учитывают политическую апатию населения. Все вышесказанное свидетельствует о слабости политических партий, о том, что они представляют собой скорее малочисленные группы, а также о неразвитости партийной системы в целом.

Таким образом, противоречивая и непоследовательная политическая либерализация, начатая Садатом и им же приостановленная, была зеркальным отражением столь же противоречивой и непоследовательной его попытки дерегулирования экономики. Президент Садат, а за ним и президент Мубарак были готовы пойти лишь на определенную степень демократизации, которая выразилась в создании института многопартийности, и в силу самой сущности режима не могли делегировать обществу и его сегментам больше реальных прав, чем это служило необходимым и достаточным условием для выживания самой системы, опирающейся на армию и полицейский аппарат.

Вместе с тем некоторые современные исследователи полагают, изучая тенденции развития законодательной ветви власти в Египте и других арабских странах, что ныне легитимность главы государства во многом определяется наличием и уровнем представительства оппозиции в парламенте: чем меньше в законодательной палате процентное число делегатов от оппозиции, тем менее легитимен и сам президент. Но существует и другая зависимость: степень влияния парламента обратно пропорциональна масштабам той власти, которую президент и правительство сосредоточили в своих руках[163].

5. Народное собрание АРЕ и борьба за парламентское представительство

С момента, когда началось размывание однопартийной политической системы, в Египте состоялось семь кампаний по выборам в

Народное собрание: две при Анваре Садате (в 1976 и 1979 гг.), пять – за время пребывания у власти нынешнего президента Хосни Мубарака (в 1984, 1987, 1990, 1995, 2000 гг.). В Народном собрании всех семи созывов партия власти имела убедительное большинство.

После того, как Хосни Мубарак в 1981 году стал главой государства, верховный законодательный орган страны дважды распускался до истечения (пятилетнего) срока его полномочий, тогда как при Садате подобное произошло в одном случае из трех парламентских созывов, а при Насере – во всех четырех. Необходимо напомнить, что первый насеровский парламент прекратил свою работу в связи с образованием союза Египта и Сирии в 1958 году, а второй – в результате выхода Сирии из этого союза в 1961 году. Что касается Садата, то он распустил в 1979 году Народное собрание после того, как часть депутатов выступила против ратификации мирного договора с Израилем. При Мубараке парламенты, избранные в 1984 и 1987 годах, не доработали свой срок и в обоих случаях распускались по решению Верховного конституционного суда. Во исполнение его вердиктов, признававших несоответствие действующего избирательного кодекса основному закону, проводились референдумы, а затем и принимались декреты о досрочных перевыборах депутатского корпуса.

Египетское избирательное законодательство не раз обновлялось. Так, в 1979 году численный состав Народного собрания был увеличен с 360 до 392 человек; причем от каждого из 176 избирательных округов, согласно положению конституции, завещанному эпохой «арабского социализма», должны были избираться два депутата (один – от рабочих и крестьян). Кроме того, в 30 округах избирался и третий депутат, непременно женщина; но это феминистское нововведение Садата затем было упразднено. Десять членов парламента (обычно это копты) в Египте назначаются президентским указом.

В первые годы эпохи Мубарака состав Народного собрания был результатом выборов 1979 года, манипулируя которыми Анвар Садат постарался избавиться от всех сколько-нибудь влиятельных оппозиционеров. Поэтому парламент, доставшийся Мубараку, был слишком слаб, чтобы придать реальную легитимность новому президенту, который для привлечения симпатий определенной части общества вновь начал, с одной стороны, поднимать насеровское знамя, а – с другой, поддерживать развитие элементов плюрализма.

В 1983 году имела место частичная отмена закона № 33 «о национальном единстве и социальном мире» (1978 г.) и закона № 90 «о защите ценностей от порока» (1980 г.). Вступил в силу закон № 114, в соответствии с которым выборы в парламент стали проводиться только по партийным спискам. Несмотря на то, что Мубарак сознавал, что честные и свободные выборы в парламент могут раскрыть дорогу оппозиции, его желание расширить репрезентативность законодательного органа (и тем самым, показав себя демократом, увеличить свою популярность) оказалось сильнее[164].

Выборы 1984 года. Президент тщательно готовился к ним, как, впрочем, и ко всем последующим выборам. В ходе подготовки избирательной кампании представители оппозиционных партий, включая партию Новый Вафд, возвращенную к политической жизни решением Верховного конституционного суда (легализована в январе 1984 года), потребовали, чтобы распределение мест в Народном собрании происходило на основе пропорционального представительства. Это недальновидное требование оппозиции сыграло на руку правящей партии. Пропорциональное представительство и система партийных списков дали НДП гораздо больший, чем раньше, контроль над избирательным процессом. К тому же это привело к полному неучастию в выборах независимых кандидатов.

Не удивительно, что правительство выполнило требование оппозиции, а затем внесло в закон о выборах ряд уточнений и поправок, позволявших эффективно отсеивать кандидатов. Например, было оговорено, что партия может пройти в парламент только при условии, что она получит минимум 8% от общего числа поданных голосов. Кроме этого, была введена сложная система подсчета завоеванных голосов и распределения мандатов, выгодная правящей партии: число мест в парламенте было увеличено до 448 (помимо десяти «президентских»), а количество избирательных округов сокращено с 175 до 48.

В результате при 73% голосов, поданных за НДП, она получила 391 парламентский мандат (или 87%). В то же время 27% голосов, собранных оппозиционными партиями, превратились лишь в 13% мест в парламенте. Для преодоления восьмипроцентного барьера Социалистической партии труда (СПТ) не хватило одного процента, и она не попала в парламент, как и Национально-прогрессивная (левая) партия (Тагамму‘) и Либерально-социалистическая партия (ЛСП). Поданные за эти партии 11,9% голосов достались правящей НДП. Коалиция Нового Вафда с «Братьями-мусульманами» (подробнее см. в главе третьей) сумела провести в парламент 58 депутатов и таким образом стала главной оппозиционной силой в Народном собрании.

В декабре 1986 года Верховный конституционный суд, рассмотрев дело по иску оппозиционных партий, постановил, что действующий закон о выборах не соответствует конституции, ибо не предусматривает выдвижения независимых кандидатов. Народное собрание приняло новый закон № 188, согласно которому выборы 400 депутатов должны были проводиться по спискам в один тур и еще 48 депутатов («одномандатников») избираться из числа лиц, чьи кандидатуры выдвинуты вне партийных списков.

Парламентские выборы 1987 года состоялись досрочно. Они продемонстрировали относительную слабость мобилизационных возможностей правящей НДП, которая получила 348 мест (68,8%) на парламентской скамье, показав наихудшие результаты за время своего существования.

Особенно неудачно НДП выступила в городских и индустриальных районах. Только благодаря выгодной для себя «нарезке» избирательных округов и контролю над сельскими районами с их консервативным электоратом НДП смогла выиграть эти выборы. Например, в Каире партия власти получила голоса 51% избирателей, в Порт-Саиде – только 42%, а в Суэце – еще меньше, только 39%[165]. «Братья-мусульмане» (30 мест) на этот раз выступили в коалиции с Социалистической партией труда (27 мест) и Либерально-социалистической партией (3 места). Новый Вафд получил 35 мест, а независимые кандидаты – 5[166].

Спустя три года Верховный конституционный суд, во многом благодаря давлению оппозиции, вновь подверг ревизии закон о выборах, отменив систему голосования по спискам (отныне каждая партия должна была предлагать двух кандидатов, из них одного «рабочего» или «феллаха»).

Выборы 1990 года опять были проведены досрочно и проходили на фоне обострения международной обстановки вокруг Ближнего Востока, вызванного попыткой Багдада аннексировать Кувейт. Между тем оппозиционные партии, кроме Тагамму‘, объявили о бойкоте выборов. Они потребовали контроля суда за ходом избирательного процесса (вместо имевшего место контроля Министерства внутренних дел) и отмены закона о чрезвычайном положении, который действует с 1981 года – и поныне. Правительство проигнорировало эти требования, и правящая партия провела в парламент 360 членов НДП. Независимые кандидаты получили 79 мест, Тагамму‘ – 5[167]. Оппозиция явно переоценила свои возможности и поняла, что совершила ошибку, понадеявшись, что власть пойдет ей навстречу, нуждаясь в поддержке внешнеполитического курса АРЕ по поводу войны в Заливе.

Кроме того, объявляя о бойкоте выборов, оппозиция была воодушевлена своими победами в Конституционном суде, который дважды изменял закон о выборах. Оптимизма добавлял и тот факт, что в январе 1990 года президент Мубарак сместил министра внутренних дел Заки Бадера после того, как тот публично признался во вмешательстве своего ведомства в ход подсчета голосов во время выборов 1987 года. Были и другие соображения относительно причины, по которой министр попал в немилость. Однако оппозиция предпочла расценить отставку Заки Бадера как показатель своего влияния на правительство. Известный египетский политолог, профессор Американского университета (Каир) Мэй Кассем считает, что намерение оппозиции твердо стоять на своем было связано с надеждой на уступки, которые сделает президент из опасения, что дружный бойкот выборов неблагоприятно скажется на его имидже[168]. Эта надежда окрепла еще и потому, что Мубарак попытался через своего старшего политического советника Усаму аль-База убедить партийных лидеров прекратить бойкот. Аль-Баз, однако, при своих неформальных встречах и в телефонных переговорах с представи-

телями оппозиции не обещал, что ее требования будут выполнены[169].

Вероятно, Мубарак в какой-либо форме и пошел бы на определенные компромиссы с оппозицией, если бы Тагамму‘ не решила прекратить бойкот[170]. Отказавшись от бойкота, Тагамму‘, с одной стороны, выступила в качестве штрейкбрехера, а с другой – подтвердила свою клиентальную принадлежность к режиму. Между правящей НДП и Тагамму‘ окрепли неформальные связи. На выборах 1990 года между ними была достигнута договоренность о сотрудничестве в ряде избирательных округов, что дало возможность последней получить 5 мест в Народном собрании. Если учесть, что в последний раз до этого кандидаты от Тагамму‘ попадали в парламент в 1976 году, то это не так мало. Впрочем, можно предположить, что перспектива хотя бы номинально участвовать в разделе власти путем выборов была предпочтительнее, чем борьба с властями без реальных шансов на получение электоральных результатов. К концу срока действия Народного собрания – первого при Мубараке, отработавшего полностью все пять лет, – другие оппозиционные партии пришли к такому же заключению.

Бойкот не дал лагерю оппозиции широкой поддержки, как на то рассчитывали, и не оказал необходимого влияния на президента, который даже частично не пошел на уступки. Кроме того, продление чрезвычайного положения ограничило деятельность политических партий до такой степени, что участие в выборах осталось для них единственным сколько-нибудь значительным средством сохранения своей дееспособности и пополнения числа сторонников. Партии были вынуждены признать, что, выйдя из избирательного процесса, они самоустранились с политической арены.

Перед выборами 1995 года Хосни Мубарак не счел даже нужным убеждать легальные оппозиционные партии принять участие в избирательном процессе; видимо, его не волновала возможность его повторения. Со своей стороны, каждая партия оппозиции в отдельности, была поставлена перед несложным выбором: участвовать выборах и играть по правилам режима или продолжить бойкот, рискуя, таким образом, навсегда уйти с политической сцены. Партии выбрали первое.

Следует особо отметить изменение тактики и риторики оппозиции на выборах 1995 года. Усилия по привлечению на свою сторону электората сконцентрировались на критике ряда правительственных решений в области экономики – таких, как приватизация государственных предприятий и поправки к закону о ренте. В соответствии с обстановкой, политические партии заняли подчеркнутую антиисламистскую позицию, которая соответствовала президентскому убеждению, что «правильная партия обязывает своих членов придерживаться ее принципов, а не менять лозунги и принципы ради временной выгоды … или создавать альянсы с недемократическими сила-

ми, которые используют платформу партии и ее средства информации для того, чтобы обойти законы»[171].

Под недемократическими силами здесь имелись в виду прежде всего «Братья-мусульмане», создававшие коалиции с легальными партиями в 1984 и 1987 годах. Между тем в Египте начались выступления исламистов. Их ударной силой были организации *Джама'ат аль-джихад* и *Аль-Джама'а аль-исламийя* – «Исламская группа» (подробнее о них см. в § 2 главы третьей). С 1993 года правительство предприняло ряд жестких мер, направленных на их подавление, и к осени 1995 года многое напоминало о ситуации последних лет правления Садата. Был принят новый закон о борьбе с терроризмом, который позволил предавать гражданских лиц судам военного трибунала. В преддверии выборов 1995 года власти объявили, что «Братья-мусульмане» связаны с террористическими организациями, и арестовали 83 активиста организации, включая кандидатов в Народное собрание, а также закрыли каирскую штаб-квартиру «Братьев-мусульман». Бывший лидер парламентской группы «Братьев-мусульман» был приговорен к пяти годам каторги.

Власти также предприняли ряд репрессивных мер против кандидатов от легальных оппозиционных партий и их окружения. Им не предоставляли достаточно времени в телеэфире, арестовывали поддерживавших их журналистов, мешали проведению встреч с избирателями. Число избирательных округов было увеличено с 48 до 222 (то есть в 4,6 раза), и оппозиционные партии вследствие понятной ограниченности их возможностей не смогли выставить кандидатов в каждом из них. До последнего момента власти затягивали принятие ряда намеченных изменений в избирательный закон, что дезориентировало кандидатов. Из 444 мест в Народном собрании правящая НДП получила 417 мест. Новый Вафд сумел провести 6 человек, Тагамму' – 5, по одному – «Братья-мусульмане», Либерально-социалистическая и Арабско-демократическая партия насеристов[172]. Независимые депутаты заняли 14 мест. И как всегда, дополнительные 10 мандатов распределил президент. Характерной особенностью выборов 1995 года, которая наблюдалась и при формировании парламента следующего созыва, стало абсолютное преобладание (81%) кандидатов, в том числе партийных, выставлявших себя в качестве «независимых»: 3150 из всех 3980 претендентов против 2163 из 2676 – на выборах 1990 года и 1937 из 3592 – на выборах 1987 года.

Выборы в Народное собрание осенью 2000 года. Вряд ли оппозиция имела согласованную стратегию подготовки к ним, но все же именно по ее инициативе был изменен закон о выборах и ограничено влияние на них правительства. Затем Верховный конституционный суд Египта вынес постановление, которое фактически дезавуировало результаты выборов 1990 и 1995 годов. Контроль за их проведением, в нарушение статьи 88 Конституции, осуществлялся в основном государственными чиновниками, а не судьями. Вердикт

суда поставил парламент перед дилеммой: принять решение о своем роспуске или игнорировать решение суда. После серии экстренных совещаний депутатов парламента между собой и с президентом было принято решение дождаться окончания установленного срока работы и провести новые выборы под контролем судей.

Президент Хосни Мубарак посетовал на поспешность Верховного конституционного суда, который мог бы «направить проект постановления в Народное собрание до публичного оглашения»[173]. Нехваткой судей правительство мотивировало причину того, что судебный контроль над предыдущими выборами не был обеспечен. Поэтому, чтобы не нарушать закон и на сей раз, было решено провести выборы в три этапа, перемещая судей из одной провинции в другую, на все 40 тысяч избирательных участков страны. Таким образом, процесс голосования растянулся с одной недели (день голосования, подсчет поданных голосов, повторное голосование) до трех недель. Президентским указом были назначены даты голосования (и повторного голосования): в первых девяти провинциях – 18 октября и 24 октября; еще в девяти – 29 октября и 4 ноября и в оставшихся восьми – 8 ноября и 14 ноября[174].

Несмотря на то, что контроль судей оказал в целом позитивное воздействие на характер выборов – во всяком случае, на самих участках для голосования на избирателя не оказывалось никакого давления, – борьбу за независимость судебной власти в Египте нельзя считать выигранной. Произошедшее стало возможным лишь потому, что было дано соответствующее разрешение со стороны властей. Они объявили неконституционным порядок, существовавший долгое время и оспариваемый оппозицией в течение десяти лет или даже дольше. Кроме того, как отмечает почетный председатель египетского клуба судей Яхья ар-Рифа‘и в своем исследовании, посвященном проблемам независимости египетской судебной системы, изменения в законе о выборах, которые были внесены после принятия постановления Верховного конституционного суда, не поднялись на уровень этого постановления. Ар-Рифаи считает, что новая процедура по-прежнему оставляет фактический контроль за выборами в компетенции министерства внутренних дел и министерства юстиции, то есть в руках исполнительной власти[175].

Власти использовали трехэтапное голосование для получения эффективного контроля за ходом выборов и для оперативного вмешательства в них в случае необходимости (ради получения выгодных результатов). Эти возможности отнюдь не оставались в сфере эвентуального. Так, когда после подсчета голосов, поданных на первых двух этапах, стало ясно, что «Братья-мусульмане» неожиданно набирают слишком много мест в Народном собрании, а НДП рискует не получить там желаемое 80-процентное большинство, полиция и специальные бригады уличных хулиганов (и даже хулиганок!) вос-

препятствовали проходу на участки для голосования многочисленным сторонникам исламской оппозиции.

Такое происходило, например, в одном из оживленных районов Каира Докки, где кандидат от НДП Амаль Усман (в прошлом и депутат, и министр социальной политики) конкурировала с заместителем генерального секретаря «Братьев-мусульман» Ма'амуном аль-Худейби. Амаль Усман одержала победу уже в первом туре. Этим она во многом обязана группам людей в штатском, вооруженным палками и камнями, которые активно мешали сторонникам «Братьев-мусульман» (их зачастую можно отличить по специфической одежде и бородам у мужчин) пройти на участки для голосования. При этом полиция безучастно взирала на происходящее и лишь дотошно проверяла идентификационные карточки у избирателей, добравшихся до дверей участков. Сам Худейби сумел пройти кордон полиции только после того, как доказал, что является кандидатом в депутаты[176].

Похожую ситуацию одному из авторов этих строк довелось наблюдать у избирательного участка в каирском районе Аль-Маниал, где баллотировался находящийся под арестом Магди Хусейн, редактор оппозиционной газеты «Аш-Шааб». Выход этой газеты, печатного органа Социалистической партии труда, был приостановлен в мае 2000 года в связи с началом расследования по фактам нарушения общественного порядка. Незадолго до этого в газете, выходившей один раз в две недели, была опубликована серия статей, осуждающих переиздание в Египте романа сирийского писателя Х. Хейдара «Банкет для водоросли» (1983), якобы порочащего ислам. 8 мая 2000 года произошли столкновения между студентами каирского религиозного университета Аль-Азхар и полицией: студенты протестовали против переиздания книги Х.Хейдара, которую, кстати, большинство из них не читало. По крайней мере 55 студентов были ранены, 60 арестованы.

24 июля египетский Комитет по партийным делам распорядился о приостановлении деятельности СПТ и закрытии ее газеты «Аш-Ша'аб». Генеральный секретарь Социалистической партии труда 'Адель Хусейн сказал, что «это серьезное предупреждение партиям перед выборами». По его словам, «дело против СПТ сфабриковано, и такая же участь может постигнуть любую партию»[177]. Угроза уголовного преследования нависла над руководителями СПТ, включая председателя, 84-летнего Ибрахима Шукри, а также над главным редактором газеты Магди Хусейном, который был взят под стражу еще в апреле по обвинению в клевете на министра сельского хозяйства Юсефа Вали.

Несмотря на то, что СПТ имеет в своем названии определение «социалистическая», партия стала легальным пристанищем и средством участия в политической жизни для запрещенных «Братьев-мусульман» и других деятелей, ратующих за проведение реформ с исламских позиций. 9 сентября суд снял запрет на издание газеты, но

оставил в силе решение относительно партии, заявив, что данный вопрос не в его компетенции. Незадолго перед выборами власти арестовали многих помощников кандидатов от «Братьев-мусульман». Так, в Александрии были посажены за решетку члены избирательного штаба Джихан аль-Халяфави, первой в истории женщины, выдвинутой на выборы «Братьями-мусульманами». Несмотря на это, Аль-Халяфави сумела пройти во второй тур, объявление результатов которого было заморожено до окончания судебного разбирательства о вооруженных столкновениях избирателей в ее округе.

Семнадцать депутатов в новом Народном собрании, победивших при поддержке «Братьев-мусульман», – с одной стороны, неожиданный успех организации, от которой на прошлых выборах прошел лишь кандидат. С другой стороны, можно с большой долей уверенности считать, что будь египетские выборы полностью свободными, «Братья-мусульмане» получили бы в несколько раз больше парламентских мест. Результат 2000 года все же стал возможен благодаря тому, что, как выразился вышеупомянутый Ма'амун аль-Худейби, «власть приподняла свою тяжелую руку [с механизма выборов], а судьи добросовестно выполняют свою работу, защищая процесс голосования»[178].

Необходимо отметить, что до покушения на президента Мубарака в Аддис-Абебе (1995) в Египте сквозь пальцы смотрели на участие «Братьев-мусульман» в избирательном процессе. Вполне понятно, что теперь, с учетом ситуации, сложившейся в стране, а также в соседних арабских государствах, таких, как Алжир, египетские власти стремятся ограничить влияние исламистов на общественную жизнь. «Братья-мусульмане» все еще обладают сильными позициями в профессиональных организациях, а также во многих сельских и городских районах, где они проявляют заботу о местных общинах, строят мечети, школы, больницы, создают организации для помощи многодетным семьям и бедным. Армия безработной молодежи с высшим образованием – огромный электоральный ресурс исламистов. Тем не менее методы, которые власти принимают против этой достаточно умеренной мусульманской организации, ставят под сомнение официальные декларации о демократических формах политической жизни в Египте.

В 2000 году «Братья-мусульмане» наглядно показали умение действовать одной командой, проведя эффективную избирательную кампанию. В своей информационной политике они достигли успеха, предавая огласке действия, которые власти предпринимали против них. Однако еще более важным тактическим приемом стал отказ от каких бы то ни было форм противостояния правительству. Кандидатам и их сторонникам было рекомендовано не устраивать никаких предвыборных встреч и собраний, чтобы не дать правоохранительным органам повода для принятия дополнительных мер против них[179].

Из-за предшествовавших выборам арестов «Братья-мусульмане» испытывали нехватку кандидатов и на конкурсные 444 депутатских места в Народном собрании Египта выставили лишь 75 человек. При определении своих кандидатов организация руководствовалась прагматическими соображениями в ущерб идеологии: так, в большинстве округов были выдвинуты не самые видные члены, а те, которые пользовались широкой поддержкой на местном уровне. В борьбе с исламистами власти действуют в соответствии с имеющейся в распоряжении органов госбезопасности информацией, которая частично собирается из материалов прессы. Так как на сей раз среди кандидатов от «Братьев-мусульман» почти не было известных фигур, они-то и сумели просочиться сквозь фильтр правоохранительных органов.

В большинстве округов граждане голосовали за «Братьев-мусульман» из-за прочных социальных связей, существующих между конкретными кандидатами и их общиной. Кроме того, имело место и протестное голосование – многие египтяне не желали отдавать свой голос правящей НДП. Районы, где «Братья-мусульмане» пользовались наибольшей поддержкой, были хорошо известны, и хотя власти вели борьбу за свои интересы повсюду, агитация в пользу НДП была особенно массированной в «неисламистских» районах. Несмотря на очевидный успех на выборах, 17 братьев-мусульман, ставших депутатами, не могли возглавить оппозицию в Народном собрании. Независимые депутаты, не связанные ни с одной политической партией, занимают в нем 29 мест, партии официальной оппозиции делят 16 мест, а 388 принадлежит НДП.

Согласно египетскому закону от 1964 года, половина мест в Народном собрании формально зарезервирована за рабочими и крестьянами. На другую половину мест могут претендовать «профессиональные работники». Таким образом, от каждого из 222 округов избираются два депутата. Правящая Национально-демократическая партия выставила кандидатов на все 444 места. Окончательный вариант электорального списка был оглашен после того, как его рассмотрел, внес в него изменения и подписал председатель НДП и президент страны Хосни Мубарак. Номинации от НДП в этот раз не удостоился ряд ее давних членов – депутатов предыдущего парламента, подозреваемых в коррупции.

Несмотря на попытку НДП очистить свои депутатские ряды от плохо зарекомендовавших себя и неперспективных членов, ее официальные кандидаты принесли партии даже меньше 50% мест в Народном собрании. Среди потерпевших поражение было немало секретарей региональных отделений НДП, председателей парламентских комитетов – людей, которые являлись почти пожизненными депутатами. Камаль аш-Шазли, государственный министр по делам парламента и секретарь НДП по организационным вопросам, заявил, что партия серьезно рассматривает вопрос о снятии с должностей некоторых членов ее руководства, которые проиграли выборы[180].

Одна из самых серьезных оценок, прозвучавших изнутри партийного организма, содержалась в выступлении Гамаля Мубарака, сына президента и с недавних пор члена Генерального секретариата партии. Он не выдвигался на выборах в качестве кандидата, но принял активное участие в организации избирательной кампании, особенно на молодежном направлении. В последнее время Гамаль Мубарак часто выступает перед различными аудиториями, появляется на телеэкране, его цитирует пресса. Ряд наблюдателей склонен считать, что президент готовит себе смену, однако очевидно, что в ближайшие несколько лет ее не произойдет. Выступая в близлежащем от Каира городе Заказик на митинге НДП, организованном перед третьим этапом выборов, Гамаль Мубарак заявил: «Все усилия должны быть направлены на поддержку кандидатов НДП. После выборов настанет время радикально изменить партийную иерархию. Будет дана оценка реальной популярности НДП у народных масс. Мы сможем понять, где наши слабые места и подготовим долгосрочный план, чтобы разобраться с ними. Результаты выборов на сегодняшний день свидетельствуют о том, что центральное руководство партии фактически утратило контакт с сельскими и городскими отделениями»[181].

Несмотря на очевидные проблемы правящей партии, проявившиеся на последних парламентских выборах, никак нельзя сказать, что они закончились для нее провалом. В конце концов, НДП получила 85% (388 мест) в Народном собрании нового созыва. Дело в том, что около половины членов фракции НДП баллотировалось на выборах в качестве независимых кандидатов. Их присоединение явилось решающим фактором увеличения числа депутатов НДП. Большинству не хватило места в списке партии, и оно получило правительственную поддержку во втором туре, после провала официальных кандидатов. Кроме этого, были и такие, кто, не пожелав быть выдвинутыми от НДП из-за опасения, что избиратели не захотят их поддержать, позже, уже одержав победу, приняли предложение войти в парламентскую фракцию НДП.

По мнению египетского политического обозревателя Мухаммеда Сиди-Ахмеда, Национально-демократическая партия переживает «кризис идентичности». Обозреватель задает вопрос о том, каким образом НДП может оправдать реинтеграцию в партию тех депутатов, по поводу которых уже было решено, что они не могут ее представлять (случай с депутатами, подозревавшимися в коррупции)[182]. Политика НДП по отношению к «независимым» депутатам была подвергнута критике со стороны оппозиции. Сиди-Ахмед отмечает, что состав «независимых» депутатов неоднороден, и они либо являются депутатами НДП, первоначально исключенными из официального списка кандидатов, либо действительно не связаны ни с одной политической партией. Последних, как уже отмечалось, 29 человек.

Кроме них, 17 депутатов из числа прошедших в Народное собрание «независимых» принадлежат к нелегальной организации «Братьев-мусульман». Здесь возникает дилемма: означает ли их принадлеж-

ность к запрещенной партии нелегитимность избрания или факт их избрания путем демократических выборов отменяет нелегитимность их партии? Сиди-Ахмед считает, что предпочтительнее легализовать «Братьев-мусульман» и тем самым гарантировать, что их деятельность будет находиться в рамках закона, чем разрешать им занимать парламентские места в то время, как деятельность организации, к которой они принадлежат, остается подпольной [183].

Получив значительную поддержку на выборах, лидеры «Братьев-мусульман» почувствовали дополнительную уверенность в своих силах. На угощении в одном из пятизвездочных отелей Каира, устроенном ими во время месяца Рамадан для видных представителей всей политической общественности, верховный руководитель организации Мустафа Машхур заявил: «Мы хотим, чтобы нас слышали и обращались к нам напрямую. … Теперь, когда избиратели выразили свою уверенность в нашем движении, нам кажется, что неразумно отвергать его, ведь оно имеет глубокие корни, у него много сторонников в стране. Мы хотим, чтобы власти уважали волю народа и разрешили нам участвовать в политической жизни» [184].

Особую остроту такому призыву придало то, что месяцем ранее пятнадцать из двадцати исламистов (те самые, кого арестовали в октябре 1999 г.) были приговорены к пяти годам тюремного заключения за принадлежность к незаконной организации и попытку оказать влияние на профсоюзы.

Партии легальной оппозиции выступили на выборах достаточно слабо и сумели провести в Народное собрание в общей сложности 16 кандидатов: семь мест получила праволиберальная партия Новый Вафд, шесть – левая партия Тагамму‘, два депутата были избраны от Арабской демократической партии насеристов и один – от Либерально-социалистической партии. Кроме этого, десять членов парламента, в соответствии с конституционной нормой, были назначены президентом Хосни Мубараком. Среди них четыре женщины и четыре представителя христианской общины коптов.

Перед выборами ряд аналитиков предрекал вафдистам существенный успех. Со своей стороны, председатель партии Ном‘ан Гома‘а, выбранный на эту должность после кончины в августе 2000 года Фуада Сераг ад-Дина, заявил, что рассчитывает на победу 100 кандидатов, а значит – половины баллотирующихся. На первый взгляд, причина скромных результатов выборов (Новый Вафд получил 7 мест в Народном собрании, что только на одно место больше, чем было у партии после выборов 1995 года) кроется в слабой организации избирательной кампании. Лишь самые известные вафдисты получили достаточную материальную поддержку и информационное обеспечение от Центрального комитета партии. Новый Вафд обладает стабильным электоратом, но, кажется, он сталкивается с проблемой привлечения новых сторонников.

Сразу после выборов Ном‘ан Гома‘а устроил чистку аппарата партии от клана Фуада Сераг ад-Дина, инициировав замену лидера парламентской фракции, внука бывшего председателя, и сместив брата Сераг ад-Дина с поста главы каирского отделения Нового Вафда. Одновременно с перестановками в руководстве Гома‘а решил, по всей видимости, изменить позицию партии по отношению к внутренней и внешней политике Египта. Десять крупных египетских публицистов получили приглашение регулярно выступать на страницах партийного органа – ежедневной газеты «Аль-Вафд». Двое из этих десяти – исламисты, двое – марксисты, трое – известные журналисты правительственных изданий, один – насерист и еще двое – левые писатели. Никто из них не является сторонником праволиберальной идеологии, которой до сих пор партия придерживалась, зато многие в течение последних пятнадцати лет критиковали политику Нового Вафда.

Что касается внешней политики, то – в противоречие с давней официальной позицией партии по палестинскому вопросу – Ном‘ан Гома‘а заявил, что не надеется на новое мирное соглашение (между израильтянами и палестинцами), так как политика Израиля направлена «полностью против мирного процесса, и события подтвердили невозможность мира с сионистами»[185]. Возможно, избавляясь от старой гвардии, Гома‘а расчищает пространство для фундаментальных изменений партийной платформы. Благодаря отходу от ряда прежних либеральных позиций по таким вопросам, как мир на Ближнем Востоке, новому председателю, возможно, удастся завоевать симпатии части египетской общественности. Гома‘а готов к сотрудничеству с другими политическими силами, ведь это именно он в 1984 году создал предвыборный альянс с «Братьями-мусульманами».

Одной из важных черт прошедших выборов стало участие в них представителей деловой элиты, многие из которых не были связаны ни с одной политической партией. Располагая достаточными финансовыми средствами и используя свои ресурсы для оказания материальной помощи населению, они сумели провести активную избирательную кампанию в ряде округов, создать там широкую электоральную базу и во многих случаях вытеснить правительственных кандидатов. Например, в каирском районе Аль-Азбакия, большая часть населения которого занята крупной и мелкооптовой торговлей, победу одержал бизнесмен Рами Лаках, представитель немногочисленной римско-католической общины Египта. Его основным соперником был Абдель-Ахад Гамаль ад-Дин, бывший глава парламентского Комитета по арабской политике, член НДП и известный адвокат.

Коммерческая деятельность Рами Лакаха связана с производством и поставками медицинского оборудования. По некоторым сведениям, Лаках временно покидал Египет летом 2000 года, дабы избежать возврата долга в 1,2 млрд. египетских фунтов (примерно 340 млн. долл.). В рамках предвыборной кампании бизнесмен выплачивал регулярные

пособия более 850 семьям с низким достатком, живущим в Аль-Азбакии. Еще большее впечатление на жителей района он произвел, пожертвовав дорогостоящее медицинское оборудование железнодорожной больнице. По словам одного из избирателей, он выбирает Рами Лакаха потому, что «лучше отдать голос тому, кто способен предоставить реальную помощь, чем тому, кто может лишь говорить»[186].

Реальные дела, адресная помощь, иногда приобретающая характер личной помощи, а не политические заявления – вот что больше всего располагает к себе избирателя, египетского в данном случае. На предвыборные собрания, в особенности те, которые организуются правящей НДП, люди приходят в основном по следующим причинам. Чиновники руководящего звена обязаны неформально присутствовать там, а значит – должны являться и их подчиненные. Для простых граждан такие собрания представляют единственную возможность передать просьбы и жалобы личного характера высоким государственным деятелям, как правило, приглашаемым в качестве гостей для выступлений в поддержку кандидата[187].

Эти обычаи существенно влияют на стиль избирательных кампаний. Заслуживает, например, внимания случай, отмеченный журналистами в Менуфии, на родине президентов Анвара Садата и Хосни Мубарака. Один из кандидатов, чтобы поправить невыгодное впечатление, которое производили на избирателей его скучные речи, разбрасывал с трибуны золотые фунты, каждый стоимостью в 250 ег. фунтов (70 долл.). В каирском районе Шобра кандидат раздавал людям мобильные телефоны, чтобы создать имидж бизнесмена, ничего не жалеющего для удовлетворения их нужд. Еще один кандидат, на этот раз в Гизе, оказался более изобретательным и внес плату за образование для детей из бедных семей. В округе Сохаг, в Верхнем Египте, претендент нанял известного певца и с его помощью на мелодию популярных песен записал новый текст, повествующий о том, что хорошего он уже сделал для района в качестве кандидата в народные избранники[188]. По-другому ставится вопрос о предвыборных подарках в районе Красного моря, где решение о том, кто победил, выносят племена. Кандидат должен обратиться к главе племени, и тот сообщит ему, какое именно пожертвование необходимо сделать.

Решая за кого голосовать, избиратели часто руководствуются не партийной принадлежностью кандидата, а тем, какую конкретную помощь он сможет оказать в их повседневных нуждах, став депутатом. Тот факт, что кандидаты и партии в целом это понимают и принимают, показывает, до какой степени избирательное соревнование превратило политических деятелей в посредников между центром и периферией. Отношения «патрон – клиент» усиливают электоральные позиции партий и отдельных депутатов, имеющих возможность эксплуатировать свои связи с правительством и президентом. Президент получает с помощью многопартийных, но лишенных реальной

борьбы выборов дополнительный механизм для сдерживания организованного политического участия и таким образом укрепляет свою власть и препятствует изменению баланса сил.

Тем не менее парламентские выборы 2000 года можно считать самыми «честными» за последние пятьдесят лет в Египте. Судебный контроль гарантировал хотя бы частичное невмешательство властей в избирательный процесс; оппозиция получила на 10% мест больше, чем на прошлых выборах. «Братья-мусульмане» легитимировались де-факто, а граждане смогли высказать свое недовольство правящей партией. Египет в этом смысле отличается от ряда других арабских стран, таких, как, например, Тунис, где правящая партия Дустур (ДКО) уверена в победе на выборах и заранее предоставляет оппозиционным партиям гарантированный 20-процентный минимум депутатских мест в парламенте[189].

Египетские выборы не оживили политическую систему. Большинство «независимых» депутатов, как обычно, присоединились к фракции НДП, которая благодаря этому сохранила безраздельный контроль над парламентом, а спикером в третий раз подряд был избран член НДП Фатхи Сурур. Депутаты от оппозиции оказались представленными еще в меньшей степени, чем в 1987 году. Выборы показали роль больших денег и большого бизнеса: голоса избирателей покупались, хотя это не обязательно обеспечивало победу. Конечно, голосование в обмен на услуги и помощь нравится далеко не всем гражданам. В этом одна из причин низкой явки избирателей на выборы (менее 10% в округе Центральный Каир).

Основными событиями парламентских выборов 2000 года можно считать очередное изменение избирательного закона, расширение контроля судей за ходом голосования наряду с сохранившимся вмешательством властей в процедуру выборов. Была приостановлена деятельность Социалистической партии труда и закрыт ее печатный орган – газета «Аш-Шааб», арестованы многие активисты «Братьев-мусульман». Тем не менее их кандидаты сумели пройти в 17 округах. Не оправдались надежды праволиберальной оппозиции на серьезный успех партии Новый Вафд, слабо выступили левые силы. Число победивших кандидатов от правящей партии оказалось гораздо меньшим, чем в 1995 году, но присоединение большинства победивших независимых кандидатов к фракции НДП принесло ей 85% мест в Народном собрании. Абсолютно ясно, что и в обозримом будущем монополия режима на различные формы патронажа будет давать ему возможность использовать к своей выгоде даже такой потенциально опасный для него процесс, как многопартийные выборы. Остается добавить, что следующий президентский референдум и парламентские выборы пройдут фактически в одно и то же время – в 2005 году, если, конечно, ныне действующий порядок не будет каким-либо образом изменен.

Некоторые выводы. В свое время в литературе, посвященной однопартийным режимам в арабских странах, отмечалось их известное сходство с однопартийными системами «восточного блока» и высказывалась мысль, что правящая партия ОАР, во всяком случае в «эпоху Али Сабри» моделировалась по образу и подобию КПСС. На деле даже та теоретическая демократия, которая существовала в рамках последней, не устраивала Насера[190]. (Сходство же состояло в том, что партийная принадлежность в египетской, как и в советской, действительности открывала путь к карьере, если не была непременным условием для занятия профессиональной деятельностью в определенных сферах).

При этом АСС, видимо, был и оставался даже более аморфной организацией, чем ФНО в Алжире или сирийская Баас – обе военизированные партии, более рыхлой в низовых структурах, чем Социалистическая дустуровская партия в Тунисе, строительство которой, несмотря на все фактические отклонения, базировалось на уставе, принятом еще в 1934 и 1937 году (на I учредительном и II конгрессах Нового Дустура) и предусматривавшем принцип демократического централизма.

Поэтому более справедливым нам представляется мнение авторов, рассматривающих АСС насеровского периода как относительно слабую, отнюдь не монолитную партию, изначально служившую подручным средством президента, озабоченного тем, чтобы не утратить свое личное значение «как конечного источника власти и фактора ее легитимации». Эти черты унаследовала нынешняя партия власти – Национально – демократическая партия, которую последовательно возглавляли президент Садат и президент Мубарак.

Следует при этом учитывать то обстоятельство, что партия АСС, внешне выглядевшая как организация, созданная для сплочения и мобилизации масс, выполняла, по существу, обратную, «демобилизующую» функцию – служила средством, помогавшим обеспечить политическую инертность населения, выхолащивать избирательные процедуры и т.п. (Достаточно сказать, что кандидатуры на выборах в Национальное собрание подбирались высшими органами АСС и попадали в списки лишь после одобрения президентом). Наконец, скрытый смысл рождения АСС, более широкой партии, чем ее предтечи «Революционное объединение» и «Национальный союз», – состоял в том, чтобы создать политический противовес армии, вотчине маршала Амера, близкого друга президента. При этом их дружба-соперничество в послереволюционные годы персонализировала неустойчивый баланс между центристскими и правыми силами в египетском руководстве. Антагонизм между теми и другими незримо нарастал в шестидесятых. После июньской войны выразителем интересов правого крыла стал Захария Мохи ад-Дин (двоюродный брат Халеда Мохи ад-Дина), принадлежавший, как маршал Амер, к так называемому первому эшелону, или ядру «свободных офицеров». Его отстранение сопровожда-

лось новой попыткой усилить и структурировать АСС. Если в 1965–1966 году Насер делал ставку на «Социалистический авангард», который располагал не только собственной разведывательной сетью, но и складами оружия, время от времени проводил учения по сценарию «неожиданный военный переворот», то в 1968 году были предприняты реформы на верхних этажах АСС, в результате которых были созданы ЦК и его Высший исполнительный комитет (ВИК), а также весьма характерные структуры, вроде Комитета по пропаганде и идеологии, Комитета по литературе и искусству и т.п. Однако в уставе АСС, на что указывали его критики во время дискуссий, развернувшихся в начале 1970-х , соседствовали противоречащие друг другу утверждения, что «АСС – авангард общества», что он «союз сил», что Национальный конгресс АСС – «высшая власть в государстве» и т.д. (Материалы таких дискуссий появлялись, в частности, на страницах левых журналов «Ат-Талиа» и «Аль-Кятиб»).

Некая аморфность, организационная незавершенность достались в наследство и нынешней партии власти, которая в последние годы обеспечивает свое преобладание в парламенте за счет депутатов, баллотировавшихся в качестве «независимых» кандидатов. В свою очередь, партии оппозиции не получили общественного признания и способности существовать независимо от своих лидеров, большинство из которых – люди преклонного возраста, политики, начинавшие свою карьеру в середине прошлого века, если не в довоенные годы. Их естественный уход способен даже в какой-то мере поставить под вопрос дальнейшее существование нынешних парламентских партий.

Развитие политического плюрализма в Египте демонстрирует общие закономерности, характерные для арабского региона и более широкого круга стран. Речь идет о переходе к многопартийной системе с сохранением доминирующей роли правящей партии, в данном случае НДП – преемнице АСС, служившего до середины 1970-х годов фундаментом однопартийного режима. Однако не приходится отрицать того факта, что в Египте существует парламентская оппозиция. Хотя ее роль в принятии решений, в том числе экономических, невелика. Тем не менее правительству и президенту приходится иногда, особенно в вопросе о продолжении приватизации, считаться с мнением парламентской оппозиции. Характерно, что даже представители президентской партии, заседающие в парламенте, нередко занимают консервативные позиции по вопросу об экономических реформах, считая, по меткому выражению одного из журналистов, освещавших дебаты в Народном собрании, что «нельзя распродавать фамильное серебро».

Изучение электорального процесса, сравнение официальных данных с данными независимых наблюдателей, наконец, факт изменений, вносимых в избирательный кодекс перед каждыми новыми парламентскими выборами, свидетельствуют о том, что правящая Национально-демократическая партия (НДП) не уверена в их резуль-

татах, так как простые египтяне неохотно голосуют за партию власти. Это заставляет членов НДП выставлять свои кандидатуры в качестве «независимых». Вместе с тем принятие поправок в процедурную часть избирательного процесса свидетельствует о желании президентской власти использовать этот механизм для формирования нужного состава парламента и закрепления статуса президентской партии НДП как правящей. Однако независимые депутаты, присоединившиеся к парламентской фракции большинства, менее лояльны партийной иерархии, чем их коллеги, избранные по списку НДП.

---

[1] *Гевелинг Л.* Квазидемократические режимы: попытки реализации западных моделей политической системы // Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука, 1990. – С.126.

[2] Медушевский А. Демократия и тирания в новое и новейшее время. // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С. 3.

[3] Как известно, античные философы, при всем заметном различии в их построениях, считали тиранию наихудшей формой отклонения от идеального полиса. Демократия рассматривалась ими также как «неправильный», отрицательный тип государственного строя. По Платону, развитие олигархии приводит к росту возмущения бедных против богатых, восстанию и установлению демократии, которая затем вырождается в тиранию. По Аристотелю, олигархия – своекорыстное правление меньшинства, которое возникает как вырожденная форма аристократии; демократия – такая же своекорыстная форма господства большинства, однако она реже влечет за собой внутренние возмущения, чем строй олигархический (наиболее типичный для греческого мира V–V веков до н.э.). В поисках гармонии предлагались различные смешанные варианты правления. Между тем учение Платона о совершенном государстве, особенно его часть, изложенная в «Законах», считается, с одной стороны, прототипом и прямым литературным источником разнообразных социальных утопий средневековья и нового времени, с другой, – первым отвлеченным описанием модели тоталитарного строя.

[4] Там же, с. 3.

[5] Дживелегов А. Данте Алигиери. Жизнь и творчество. – М.: ОГИЗ, 1946, с. 245–250.

[6] Рациональное обоснование тирании (монархии) в противовес идеям тираноборчества. (См., например: *Эльфонд И.Я.* Проблема тирании в трактате И. Жантийе «Анти-Макьявелли» // Культура Возрождения и общество. / Под ред. *В.И. Рутенбурга*. М.: Наука, 1986. – С. 190–199). В арабской философии позитивистский подход к проблеме государства выражен у Ибн Халдуна (1332–1406), апологета сильной власти, живой интерес к которому в арабских странах появился в середине – конце XIX века. Попутно заметим, что тезис А.А. Игнатенко относительно того, что политическая мысль этого последнего «восточного перипатетика», автора трактата «Му-

каддима» (Пролегомены), якобы «исполнена антигосударственным пафосом», не соответствует содержанию оригинала (См.: Игнатенко А. Ибн Хальдун. – М.: Мысль, 1984).

[7] См.: Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Под ред. *Н.А. Симония и Л.И. Рейснера.* – М.: Наука, 1984; *Рашковский Е.Б.* Опыт тоталитарной модернизации России (1917–1991) в свете социологии развития. – М.: МЭиМО, 1993; Between Tradition and Modernity: India's Search for Identity: a Twentieth Century Anthology / *Dalmayr F., Devy G.N.,* eds. – Walnut Creek: Altamira Press, 1998; Tradition and Modernity: The Role of Traditionalism in the Modernization Process / *Lutz J.G., El-Shakhs S.,* eds. – Wash.: University Press of America, 1982.

[8] *Bauman Z.A. Post-Modern Revolution?* // From a One-Party State to Democracy. Transition in Eastern Europe. / *Frenzel-Zagorska J.,* ed – Amsterdam: Rodopi, 1993. – С. 13.

[9] Те страны, где после достижения независимости имело место первоначальное формирование «пробуржуазных» многопартийных режимов (ряд государств Тропической Африки, на Ближнем Востоке – Сирия), в разное время, но в основном к середине 1960-х годов, пережили модификацию систем правления, выразившуюся в отходе от парламентских моделей французского или «вестминстерского» образца, который осуществлялся путем корректировки конституций либо в результате радикальных государственных переворотов и вмешательства армии в политическую жизнь. Об этом подробнее см.: *Гевелинг Л.* Указ. соч. – С. 128.

[10] *Сейранян Б.Г.* К вопросу о критериях классификации современных арабских стран // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. *Сейраняна Б.Г.* и др. – Вып. 4. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 6–12.

[11] Dictatures et légitimité. Colloque. – Paris, 1982. – С. 21.

[12] См.: *Фридман Л.А.* Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963.

[13] *Медушевский А.* Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. – 1993. – № 10. – С.20.

[14] *Тарасов И.С.* Лекции по курсу «Политическая культура стран Азии и Африки». – М: ИСАА при МГУ, 1998–99.

[15] *Heikal M.H.* Autumn of Fury: The Assassination of Sadat. – London: Andre Deutsch, 1983. – С. 55.

[16] В годы войны на территории Алжира (1954–1962) Абд аль-Азиз Бутефлика – один из командующих повстанческой Армии национального освобождения (АНО). Носил тогда кличку «Абдель Кадер» в честь вождя сопротивления французскому завоеванию (1830–1847), эмира Абдель Кадера.

[17] Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики 1976. – М.: Наука, 1979. – С. 28. Под «возрождением» хартия имеет в виду военный путч Бумедьена, министра обороны и вице-премьера,

который становится после 19 июня главой Революционного совета (1965–1976) и председателем правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО), а после восстановления соответствующего поста – президентом АНДР (1976–1978).

[18] Официальный институт пожизненного президентства был учрежден в 1975 году для Хабиба Бургибы (изъятая ст. 57 тунисской конституции) и представляет собой пока единственный такого рода – в арабских странах – прецедент. На основании той же статьи Хабиб Бургиба (р.1903, 1902 ? – ум. 2000) был освобожден от президентских обязанностей по состоянию здоровья (с диагнозом: недееспособность). В порядке демократизации режима в Тунисе были впервые проведены альтернативные президентские выборы (осень 1999 года), которые принесли победу безусловному фавориту, действующему президенту Бен Али. Весной 2002 года на референдуме был одобрен проект поправки к Конституции 1959 года, которая в последней своей редакции предусматривала только двукратное переизбрание главы государства. Такая возможность президентом Бен Али уже исчерпана.

[19] Цит. по: *Volker P.* The Political Economy of Syria under Asad. – London, New York: Taurus, 1995. – С. 155.

[20] Ibid.

[21] *Стародубовская И.В., Мау В.А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. – М.: Вагриус, 2001.

[22] О неоднозначных последствиях феномена нефтедолларов с точки зрения модернизации экономики арабских стран, которые «то ли на счастье, то ли к несчастью являются хозяевами двух третей доказанных мировых запасов нефти», писал, например, Николас Саркис, директор Centre arabe d'études pétrolières. Он отмечал, что в результате ценовой войны середины 1980-х годов, случившейся после первых будоражащих успехов, нефтедобыча стран ОПЕК возросла с 1985 по 1994 годы почти на 65%, тогда как реальная стоимость экспорта упала на 31% и одновременно снизился по стоимости удельный вес этих стран в мировом вывозе энергоресурсов. Однако большие ожидания по-прежнему были связаны с гипотетическим ростом спроса, с «надеждой на суровые зимы в индустриальных странах», которым, глядя с арабских берегов, «следовало бы пожелать новой ледниковой эпохи» (*Sarkis N.* Le pétrole, une chance pour les Arabes? // Les Arabes, du message a l'histoire / *Chevallier D., Miquel A.*, eds. – Paris: Fayard, 1995. – С. 591, 594, 600).

[23] Димукратыйа мин дуна димукратыйин (Демократия без демократов). – Бейрут, 1995. Издана также на европейских языках – французском и английском.

[24] *Сюкеяйнен Л.Р.* Государственный строй. Судебная система // Арабская Республика Египет: Справочник. – М.: Наука, 1990. – С. 223–229.

[25] См., напр.: *Сапронова М.А.* Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – М.: Ин-т изуч. Израиля и Бл. Востока, ИВ РАН, 1999.

[26] *Васильев А.М.* Смена режимов в условиях баланса классовых сил (Египет) // Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука, 1990. – С. 224. Добавим, что арабское «*ра'ис*» означает: «глава», «управляющий», «командир», «капитан» (и владелец судна эпохи каперских войн), как вариант: «духовный руководитель»; «начальник» – в самом широком смысле. В более позднем значении: председатель некоего государственного комитета, в том числе совета министров, или президент республики. В привычном сочетании: «*ра'ис* Гамаль Абдель Насер» – первое слово воспринималось скорее как эпитет.

[27] Habib Bourguiba et l'établissement de l'Etat national: approches scientifiques du bourguibisme. – Tunis : FTERSI, 2000. – С. 140.

[28] Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. – М.: ИВ РАН, 1999, С. 149, 157, 180. См. также: Francos A. Séréni J.-P. Un Algérien nommé Boumediene. – Paris: Stock, 1976. – С. 40–43, 59. Авторы этой французской книги отмечают такую деталь, что Хуари Бумедьен, взявший себе псевдоним в честь средневекового марабута (дервиша) Абу Медьяна, «святого покровителя» г. Тлемсен на западе Алжире, где будущий президент получил боевое крещение (кстати, здесь распространено личное имя Хуари), со времени своего отъезда в 1950 году на учебу в Тунис, там он был слушателем медресе Аз-Зейтуна, а затем в Египет (1951–1955), не поддерживал связей ни со своим семейным кланом, ни с родичами из племени бухарруба, живущего на востоке Алжира. (Francos A. Séréni J.-P., Op. cit., P. 60). Таким образом, псевдоним «Хуари Бумедьен» имел определенную традиционную нагрузку, вписываясь в понятие «дважды рожденный».

[29] Цит. по: Александров А.И. Политика Сирии: Долговременная стабильность или затянувшаяся неопределенность? // Ближний Восток и современность. Выпуск шестой. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999. – С. 6.

[30] Особый случай представляет собой сложившаяся в Иракской Республике диктатура «тикритской» политической группировки, внутренние связи которой начали строиться даже не по принципу патрон – клиент или по линии родства, хотя все это присутствует, а по законам повязанной кровью мафиозной организации, чему на самом деле немало поспособствовало международное положение Ирака, страны-изгоя. (См.: *Львов В.В.* Ирак: реалии власти и санкции // Ближний Восток и современность. Выпуск четвертый. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997. – С. 210–233.)

[31] Egyptian Economic and Political Review, Vol. 2, No.9, May 1956, P. 17. Цит. по: *Berger M.* The Arab World Today. – New York: Anchor Books, 1964. – С. 284.

[32] *Сюкеяйнен Л.Р.* Концепция мусульманской формы правления и современное государствоведение в странах Арабского Востока // Социально-политические представления в исламе. История и современность. – М.: Наука – ГРВЛ, 1987. – С. 45–68.

[33] *Tahseen B.* The Egyptian State in Transition // Egypt at the Crossroads: Domestic Stability and Regional Role / *Marr P.*, ed. – Wash.: National Defense University Press, 1999. – C. 3.

[34] Ibid. – C. 6.

[35] Генерал-майор Мухаммед Нагиб (1901–1984) единственный член Исполкома «Свободных офицеров», старший по возрасту и по званию среди тридцатилетних майоров и подполковников. Заслужил особое уважение к себе храбростью, проявленной в дни арабо-израильской войны 1948 года. Во время переворота не принимал участия в захвате Каира, но был объявлен публично руководителем июльской революции. С 23 июля 1952 года Нагиб стал Верховным главнокомандующим вооруженными силами, с 25 августа – председателем Совета революционного командования (СРК), с 7 сентября – премьер-министром. После ликвидации института монархии – он президент Египетской Республики (с 18 июня 1953 г.) Теряя одну за другой сосредоточенные в его руках должности, он окончательно был снят со всех постов 14 ноября 1954 года. (До середины 1956 года функции президента коллективно выполнял СРК под руководством Насера).

[36] В отечественной литературе принято также называть этот орган Советом руководства революции (СРР). В него вошли почти все из 14 членов бывшего Исполкома общества «Свободные офицеры». Помимо генерала Нагиба и подполковника Насера, совет состоял из 10 человек, в их числе был Анвар Садат, который то покидал, то возвращался в СРК. Далее, это Абдель Хаким Амер и Абдель Латиф аль-Багдади (оба до 1967 года могущественные руководители армии ОАР), два брата Гамаль Салем и Салах Салем, двоюродные братья Халед Мохи ад-Дин (в СРК до 1954 года) и Закария Мохи ад-Дин (в 1965–1966 – премьер, в 1967 году вице-президент, в 1968 году сошел с политической сцены). Наконец, это Кемаль ад-Дин Хусейн, Хасан Ибрагим и Хусейн Шафиа, последний был вице-президентом при Садате до 1975 года (уступив этот пост Хосни Мубараку). Совет революционного командования упразднен 1956 году.

[37] *Hudson M.C.* – Arab Politics: The Search for Legitimacy. – New Haven and London: Yale Univ. Press, 1977. – C. 22–24.

[38] *Hourani A.* Histoire des peuples arabes. – Paris: Editions du Seuil, 1991. – P. 540.

[39] Свою роль в прекращении агрессии сыграли категорические заявления и ноты советского правительства, среди них – послания от 5 ноября 1956 года главам государств, воюющих против Египта, известные как «ультиматум Булганина». (См. Суэцкий канал. Сборник документов. – М.: Изд-во ИМО, 1957. – С. 167–171).

[40] Ginat R. Egypt's Incomplete Revolution. Lufti al-Khuli and Nasser's Socialism in the 1960s. – London: Frank Cass, 1997. – С. 1–5.

[41] Насер Г.А. Философия революции / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – С. 23–24.

[42] Там же. – С. 30–32.

[43] Там же. – С. 40–41.

[44] Там же. – С. 26.

[45] *Neguib M.* Egypt's Destiny. – London: Gollanzs, 1955. – С. 215.

[46] *Tripp C.* Egypt and the Region in the 1980s // Egypt under Mubarak / *Tripp C., Owen R.,* eds. – London, New York: Routlege, 1989. – С. 160.

[47] Ibid.

[48] Dekmejian R. H. Egypt under Nasir: A Study in Political Dynamics, Albany: State University of New York Press, 1971. – С. 40.

[49] Op. cit., С. 39.

[50] «В случае вооруженного нападения со стороны иностранной державы на любое из государств Арабской лиги… или на Турцию» (Суэцкий канал. Сборник документов… С. 91). Декретом Насера 1 января 1957 года данное соглашение было аннулировано.

[51] Разные авторы говорят о том, что Бандунгская конференция произвела неизгладимое впечатление на Насера, который почувствовал, что на него смотрят как на одного из крупных лидеров независимых афро-азиатских государств. В свою очередь, «нейтрализм дал арабским странам, и прежде всех Египту, почувствовать себя реальным игроком в международных делах». (Berger. The Arab World Today. – New York: Anchor Books, 1964. – С. 333.

[52] Противостояние Насера и Нагиба, достигшее своего апогея в 1954 году, означало ту развилку, на которой находился Египет в первые послереволюционные годы: выбор между курсом на демократизацию режима и возвращение к гражданскому правлению, но без старых партий и старого парламента (Нагиб) и курсом на единовластие при сохранении командных высот за военными (Насер). Подробнее см: Елистратова Т. А. Революция 23 июля в Египте как пролог к Суэцкому кризису. – Москва, 2001(рукопись). – С. 49–53.

[53] Подробнее см.: Kassem M. In the Guise of Democracy: Governance in Contemporary Egypt. – Reading: Ithaca Press, 1999. – С. 32.

[54] Впервые Насер вошел в правительство 23 июля 1953 года в качестве министра внутренних дел и заместителя премьера; возглавлял правительство с 25 февраля по 8 марта 1954 года, затем вернул этот пост Мухаммеду Нагибу. Вторично занял должность премьера 17 апреля того же года и сохранял ее за собой, будучи избран президентом Республики Египет 23 июня 1956 года. (Gamal Abdel Nasser. Leader of the Revolution. Egypt: Dar al-Hilal [1955]. – С. 5; Новейшая история стран Африки. – М.: Наука, 1990. – С. 26).

[55] Nefissa S. B. Les partis politiques égyptiens entre les contraintes du système politique et le renouvellement des élites // Les partis politiques dans les pays arabes: 1. Le Machreck, Aix-en-Provence: Edisud, 1998. – C. 78.

[56] Berger M. The Arab World Today. – New York: Anchor Books, 1964. – C. 76–77.

[57] *Кирпиченко В*. Разведка: лица и личности. – М.: Гея, 1998. – С. 110.

[58] *Heikal M.H.* Autumn of Fury. – New York: Random House, 1983. – C.12–24.

[59] Князев А.Г. Египет после Насера 1970–1981. – М.: Наука. 1986. – С. 222.

[60] *Beattie K.J.* Egypt During the Sadat Years. – New York: Palgrave, 2000. – С. 14, 20, 37–38.

[61] См.: Sadat A. Revolt on the Nile. – New York: John Day, 1957; Sadat A. In Search of Identity. – Glasgow: Fontana / Collins, 1977.

[62] Кошелев В. С. Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981). – Минск: Изд-во Университетское, 1984. – С.122–124.

[63] Слово *му'арака* (битва, сражение) не сходило с уст после трагедии 1967 года; были развернуты ограниченные военные действия, которые пропаганда называла «войной на истощение», но впереди ждала именно великая битва, о ней официально говорили как о «битве восстановления достоинства». Искомый психологический результат был достигнут: военные действия в октябре 1973 года, которые были тщательно подготовлены Садатом, предусмотревшим эффект неожиданности, могли бы закончиться разгромом египетской армии (не будь они остановлены вмешательством Совета Безопасности ООН); но все же эта четвертая ближневосточная война, как говорили тогда, «развеяла миф о непобедимости Израиля».

[64] Анвар Садат, неплохо владевший пером, одно время возглавлял крупные газеты «Аль-Гумхурия» и «Ат-Тахрир», был заместителем, а затем председателем парламента – смешанного Национального собрания, функционировавшего в рамках ОАР 1958–1961 гг. (через пять лет вернулся на должность спикера). С конца 1969 года был вице-президентом, но без особо широкого круга полномочий. Занимаясь в 1953–1956 годах преимущественно журналистской деятельностью, опубликовал несколько книг, воспевавших Насера, и в целом выполнял, как выразился Д. Гордон, роль «агитпропа» нового египетского режима (Gordon J. Nasser's Blessed Movement: Egypt's Free Officers and the July Revolution. – New York: Oxford University Press, 1992. – С. 133–149). В январе 1955 года по поручению Насера стал генеральным секретарем организации Исламский конгресс, с чем были связаны его многочисленные зарубежные поездки. Среди «сильных людей» режима старался особо сблизиться с Амером; избегал участвовать во внутренних дискуссиях, хотя, судя по всему, не одобрял эксцессы кампании по ликвидации феодализма, а также вовлечение Египта в йеменскую войну.

[65] Первоначально между членами Исполкома ЦК АСС, с одной стороны, и Садатом – с другой, было достигнуто соглашение о том, что страна больше не вернется к режиму единоличного правления, что практика совмещения должности президента и премьер-министра будет отменена, а важнейшие решения будут выноситься на обсуждение парламента (сведения К.Битти, полученные им при интервью с бывшими политическими и государственными деятелями Египта: *Beattie K.J.* Op. cit. – С. 42–43).

[66] Еще при Насере велась разработка постоянной конституции, для этого была создана специальная комиссия. При этом дебатировался вопрос о наименовании страны. Некоторые лица предлагали вернуться к названию «Египетская Республика». При обсуждении этого вопроса на заседании конституционной комиссии 27 февраля 1967 года, в котором приняли участие приглашенные юристы из ряда других арабских стран, было решено сохранить существующее положение вещей. Как писала каирская печать, это решение аргументировалось тем, что название ОАР «стало символом единства» и совместной борьбы арабского народа, поэтому «сами египтяне не имеют права изменять его». (См.: Дадиани Л.Я. Государственный строй Объединенной Арабской Республики. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 63)

[67] См.: Дустур джумхурийят мыср аль-‘арабия (Конституция Арабской Республики Египет). – Каир: Аль-хей’а аль-‘амма ли шу‘ун аль-матба‘а аль-амирийя, 1980.

[68] «Программа 30 марта», отражая новые тенденции, сложившиеся после войны 1967 года, уже смягчала положения предыдущего главного идеологического документа ОАР («Национальной хартии» 1962 года) в отношении частного капитала и ряда других вопросов; но повторяла основные призывы и формулировки, выработанные на пике социалистического эксперимента.

[69] Особенно благодаря статьям: 73, 74, 138, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 152.

[70] Князев А.Г. Указ. соч., с. 43.

[71] *Beattie K.J.* Op. cit., с. 83, 102.

[72] В 1980 году по предложению Садата статья 2 была изменена, и основным источником законодательства объявлен непосредственно шариат.

[73] В этих пунктах почти дословно повторяются формулировки, содержавшиеся в статьях 6 и 9, 13 и 14 временной Конституции ОАР 1964 года (См.: Дадиани Л.Я. Указ. соч., с. 64–65).

[74] Документ, озаглавленный «Демократический социализм», Анвар Садат представил в речи от 28 июня 1978 года и объявил, что это – та дорога, которую он выбрал для страны. Известно, что документ был подготовлен группой ученых Каирского университета во главе с ректором Суфи Абу Талибом. Последний становится идеологом новой партии НДП, о создании которой президент объявил 23 июля 1978 года. (Подробнее см:

Сейранян Г.А. Национал-демократическая партия Египта как звено государственного аппарата // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. Сейраняна Б.Г. и др. – Вып. 4. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 159).

[75] Egypt under Mubarak. Op. cit. – С. 3; *Сейранян Б.Г.* Хосни Мубарак. Начало политической деятельности // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1997. – С. 310–319.

[76] Ginat R. Egypt's Incomplete Revolution…., с. 81

[77] Сюкияйнен Л.Р. Правовые системы стран Северной Африки. // Современная Африка. Итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – С. 111.

[78] Shukrallah H. Political Crisis and Political Conflict in Post-1967 Egypt. // Egypt under Mubarak…, с. 70

[79] Цит по: *Beattie K.J.* Op. cit., с. 274.

[80] Ibid.

[81] В том числе принятые в 1978–1980 гг. законы «о пороке», «о порядке», новая редакция закона «о национальном единстве и социальном мире» и др., на основании которых гонениям подверглась Социалистическая партия труда, лишенная в 1979 году права на легальную деятельность; проводились чистки в правящей партии и крупных официозных издательствах. Оппозиционную роль в этот период стали играть союзы адвокатов, инженеров, а также синдикат журналистов, деятельность которых была приостановлена. (Князев А. Г. Египет после Насера, 1970–1981. – М., 1986. – С. 245). Происходящее фактически означало, что президент, не отменяя закона №40 о партийном строительстве, другими законами сковывал это строительство и сводил на нет даже тот робкий процесс создания квазиплюралистической системы, который был начат двумя-тремя годами раньше.

[82] Korany B. Restricted Democratization from Above: Egypt // Political Liberalization and Democratization in the Arab World. – Vol. 2. – Comparative Experiences / Korany B., Brynen R., Noble P., eds. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. – С. 50.

[83] Кошелев В.С. Указ. соч. – С. 175.

[84] *Кошелев В.С.* Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981). – Минск: Изд-во Университетское, 1984. – С. 155.

[85] Абдель Хаким Амер (1919–1967) выпускник Египетской военной академии 1938 года, участник палестинской войны, один из основателей общества «Свободные офицеры». В 1954 году Амер – тогда генерал – сделал многое для утверждения Насера во власти; их дружба считалась идеальной, и они оба получили при Н.С. Хрущеве звание Героя Советского Союза. После войны 1967 года Амер был судим и покончил жизнь самоубийством. Масштабы прежнего влияния Амера показывают, что Насер не был столь всевла-

стен, как могло бы показаться с первого взгляда. Несмотря на свою подозрительность, он сам и концентрировал в руках своего друга-соперника все большее могущество. Амер – Верховный главнокомандующий египетскими вооруженными силами с июня 1953 года (заменил на этом посту Нагиба), министр обороны с 1954 года. Получил звание маршала в 1958 году, становится военным министром и одним из трех вице-президентов ОАР наряду с Абдель Латифом Багдади (Египет) и Акрамом Хаурани (Сирия). После разрыва объединения с Сирией в 1961 году, а затем – изменения конституции, продолжает быть министром обороны, становится членом Президентского совета, первым вице-президентом и заместителем Верховного главнокомандующего (президента). Возглавлял в шестидесятых комиссию по ликвидации феодализма, позволив многим крупным землевладельцам сохранить их собственность в обход законов об аграрной реформе; считался выразителем настроений правого крыла политической элиты. Немногие знали о том, что Насер пытался устранить Амера: в 1956 году за слабое руководство военными действиями в период тройственной агрессии и вторично в 1961 году – после провала его миссии посланника с чрезвычайными полномочиями, направленного от центрального правительства ОАР в Сирию (октябрь 1959 года) для оздоровления обстановки в «Северном районе». Результат был обратным: вскоре после прибытия маршала в Дамаск пятеро министров-баасистов, включая Хаурани, подали в отставку. Тем не менее, учитывая популярность Амера, на стороне которого стоял египетский генералитет, президент был вынужден оставить за ним его высокие посты и добавлял новые. После июньской войны ему было инкриминировано покушение на государственный переворот; с августа он давал показания под домашним арестом и, по официальной версии, 14 сентября принял яд. Все материалы следствия остались засекреченными, и существует подозрение, что смерть Амера была делом рук сотрудников спецслужбы «*мухабарат*». В итоге разоблачения сомнительного «заговора военных» и разбирательства дел о коррупции пострадали около тысячи офицеров.

[86] *Беляев И.П., Примаков Е.М.* Египет: время президента Насера. – М.: Мысль, 1974. – С. 327.

[87] Такое определение использовал президент Насер после вскрытия «заговора» Амера, в том числе – в своей памятной речи 3 марта 1968 года, произнесенной в Хелуане перед рабочими в связи с началом судебного процесса над сообщниками, среди которых главным обвиняемым оказался Шамс ад-Дин Бадран, в прошлом правая рука Амера, глава службы армейской контрразведки и военный министр в 1967 году. «Расскажите, как вы пятнадцать лет правили страной» – такой вопрос задали ему в начале судебного заседания. (Беляев И.П., Примаков Е.М. Указ. соч. – С. 351). Заметим, что председателем трибунала был вице-президент Хусейн Шафи'а, один из бывших членов исполкома «Свободных офицеров» и СРК.

[88] Многие бывшие военные, занявшие престижные должности на гражданской службе, а также в бизнесе, предпочитают говорить о себе, что они специалисты инженерно-технического профиля (*мухандисин*), не упоминая своего воинского звания. (*Beattie K.J.* Op. cit. – C. 144). Египетская армия – одна и самых крупных на Ближнем Востоке (448 тыс. человек). Вооруженные силы расквартированы в основном между Каиром и Суэцким каналом. Многие считают, что по своей численности они превосходят оборонные нужды, но необходимы для государственного престижа. Еще одним важнейшим аспектом является социально-экономическая роль армии как самодостаточной хозяйственной единицы, способной привлечь к полезной деятельности многочисленное молодое поколение. (См.: *Gotowicki S.H.* The Role of Military in the Egyptian Society // Egypt at the Crossroads Domestic Stability and the Regional Role. – Op. cit. – C. 105–125).

[89] *Reid D.M.* Cairo University and the Making of Modern Egypt. – Cairo: The American University in Cairo Press, 1991, P. 188.

[90] Ibid, c. 186–188; Dekmejian R. H., Op. cit. – C. 189.

[91] *Ayubi N.N.* Government and the State in Egypt Today // Egypt under Mubarak. – Op. cit. – C. 4–5.

[92] См., напр.: *Рагаб С.* Мубарак аль-инсан ва аз-за'им ва аль-кудва (Мубарак – человек, вождь и образец). – Каир: Аль-Гумхурия, 1999; *Ахмад М.М.* Хивар ма'а аль-ра'ис (Беседы с президентом). – Каир: Дар аль-Хиляль, 1992; *Шайиб А.* Садыки аль-ра'ис (Мой друг президент). – Каир: Аль-сави ли аль-нашр, 1988.

[93] *Мубарак Х.* Интервью журналу Ньюсвик. (*Weymouth L.* It Is Out of Control // Интернет: newsweek.com. – 31 March 2001).

[94] В октябре 1999 года, после состоявшегося референдума и приведения к присяге нового-старого президента газета «Монд дипломатик» писала: «Может быть, потому, что в нем еще дремлет бывший пилот, президент Хосни Мубарак – человек точных привычек, которые практически не изменились за 18 лет, с той поры, как он обосновался под высокими сводами белоснежного мраморного дворца в Гелиополисе. Каждое утро он рано встает и, как обычно, уделяет время игре в теннис и гимнастике. Но с той же поры к этой привычке добавилась еще одна: регулярно звонить в Центральный банк Египта, чтобы справиться о финансовом положении страны…» (Le Monde Diplomatique. – Octobre 1999).

[95] Faris H.A. The Arab Political Order after the Gulf War.// The Gulf Crisis. Background and Consequences./ Ibrahim Ibrahim (ed.). – Washington: Georgetown University, 1992. – C. 220–225.

[96] Современные африканские лидеры. – М.: Институт Африки РАН, 2001. – С.49.

[97] Цит. по: Независимая газета. 29 августа 2001.

[98] Надо сказать, что последний термин довольно приблизительно соответствует европейскому понятию «плюрализм», так же, как и другой

арабский термин – *иштиракийа* (буквально: «совместное участие в труде»), ранее введенный в широкий обиход, не напрямую соответствовал европейскому понятию «социализм». Применительно к последнему случаю замечено, что семантическое значение производного (не заимствованного) арабского слова-термина, безусловно, определяло легкость восприятия популистских насеровских лозунгов, насыщенных социалистической риторикой, простым египтянином, тем более неграмотным.

[99] Г.А. Насер правил в условиях режима чрезвычайного положения после Суэцкого кризиса, с 1956 по 1963 год. Вторично такой режим был объявлен в дни июньской войны 1967 г., которая закончилась, едва начавшись; однако чрезвычайное положение сохранялось 13 лет и было снято лишь в последний год правления Садата, незадолго до его гибели. С октября 1981 года этот режим был восстановлен и продлевался под предлогом борьбы с террористами (Kassem M. In the Guise of Democracy. Governance in Contemporary Egypt. – Lebanon: Ithaca Press. – C. 37).

[100] *Bush R.* Economic Crisis and the Politics of Reform in Egypt. – Boulder: Westview Press, 1999. – C. 33.

[101] Хосни Мубарак неоднократно заявлял, что его сын Гамаль «не будет следующим президентом Египта». (См., напр.: *Мубарак Х.* Интервью журналу Ньюсвик. – Op. cit.). Тем не менее среди наблюдателей обсуждение такой перспективы продолжается.

[102] Предусмотрено, что если баллотирующийся кандидат сразу не получит 2/3 депутатских голосов в свою поддержку, то процесс голосования в парламенте повторяется через два дня после первого тура и кандидатура, одобренная уже простым большинством, выносится на всенародный референдум. Процедура выборов нового президента, по конституции Египта, начинается за 60 дней до окончания срока полномочий президента, находящегося в должности. Новый глава государства должен быть избран по крайней мере за неделю до окончания срока полномочий действующего президента. Если по какой-либо причине президент не был избран в установленные конституцией сроки, бывший президент продолжает исполнять свои функции до тех пор, пока не будет избран его преемник. (*Сапронова М.А.* Место и роль президента в системе высших органов государственной власти в арабских республиках // Ближний Восток и современность. Сборник статей. – Вып. 11. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – С. 199.)

[103] Egypt's Mubarak Begins Forth Term, Reshuffles Government // Интернет: www.cnn.com. – 5 Oct 1999.

[104] Цит. по: *Abu-Sutayt N.* Reform and Change Are the Most Prominent Features of Egyptian Policy in the Post-referendum Stage // Al-Sharq al-Awsat, London. – FBIS Translated Text. – 1999. – 27 September.

[105] Ibid.

[106] См., напр.: *Мубарак Х.*, интервью газете «Аль-Куват аль-мусаллаха», опубликованное в газете «Аль-Ахрам» 16 сент. 1999. – С. 3–5.

[107] См., напр.: Аль-Вафд. 15 сент. 1999. – С. 3; Аббас Тарабили, корреспондент газеты партии Новый Вафд, с восторгом описывая решение президента Туниса Зина аль-Абидина бен Али провести в 1999 г. первые в истории Туниса альтернативные президентские выборы, выразил надежду на то, что «ветер, дующий из Магриба, достигнет Египта». Сразу же за этим следует примечательный пассаж: «Мы говорим это, хотя мы поддержали переизбрание Мубарака на новый президентский срок». (Там же); Добавим, что в 1999 г. первые альтернативные президентские выборы прошли также в Йемене. Конечно, и в Тунисе, и в Йемене уверенную победу одержали действующие президенты, но все же, хотя бы и формально, у них были публичные соперники.

[108] Аль-Гумхурия. 27 сентября 1999. – С. 1.

[109] (Цит. по: *Hammond A.* In Aftermath of Egyptian Elections, No Surprises // The Washington Report on Middle East Affairs. Dec. 1999. – С. 19).

[110] Интервью агентству Reuters. – Интернет: www.reuters.com. – 28 September 1999.

[111] Существует под этим кратким именем, означающим «Конституция». Свое полное название она изменила в 1964 году – после утверждения первого плана хозяйственного развития – на «Социалистическая дустуровская партия» (с 1988 года – Демократическое конституционное объединение).

[112] См.: *Шаабан С.* Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али (пер. с арабского) – М.: ИСАА при МГУ, 1996.

[113] *Видясова М.Ф.* Тунис как пример «нелиберальной» демократии // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. *Сейраняна Б. Г.* и др. – Вып. 4. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 80–104.

[114] См., напр.: Political Liberalization & Democratization in the Arab World – Vol. 2. – Comparative Experiencies / *Korany B., Brynen R., Noble P.*, eds. – Boulder, London: Lynee Rienner Publishers, 1998.

[115] *Dessouki A.E.H.* Ideology and Legitimacy in Egypt: The Search for a 'Hybrid Formula' // Developmentalism and Beyond: Society and Politics in Egypt and Turkey / *Öncü A.*, ed. – Cairo: The AUC Press, 1994.

[116] *Korany B.* Restricted Democratization from Above: Egypt. // Political Liberalization & Democratization in the Arab World – Vol. 2. – Comparative Experiencies / *Korany B., Brynen R., Noble P.*, eds. – Boulder, London: Lynee Rienner Publishers, 1998. – С. 43.

[117] Подробнее о раннем этапе коммунистического движения в Египте см.: *Косач Г.Г.* Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30-е годы. – М.: ИСАА при МГУ, 2001.

[118] Организация освобождения, согласно ее уставу, занималась проведением культурно-массовых и спортивных мероприятий, военным обучением населения и борьбой с неграмотностью; полностью находилась под контролем военных. (Идеология революционных демократов Африки. – М.: Наука, 1981. – С. 128). Девизом Организации освобождения служили слова: «Единство – дисциплина – труд». Создавая ее, как и следующую организацию Национальный союз, Насер даже подчеркивал, что речь не идет о партии, ибо партийный принцип подразумевает разделение общества, противоречит идее манифестации национального единства. (Richards A, Waterbury. A Political Economy of the Middle East. State, Class and Economic Development, Boulder etc. : Westview Press, 1990. – C. 305).

[119] Серия «социалистических декретов» включала законы, изданные в течение 1961–1964 годов. Речь шла, во-первых, о национализации крупных и средних промышленных, торговых и прочих компаний, во-вторых, о социальных гарантиях, предоставлявшихся рабочим и служащим. С 1961 года начался также второй этап аграрной реформы, снизившей потолок земельной собственности до 100 федданов.

[120] Общество «Свободные офицеры» в момент свершения июльского переворота состояло примерно из 250 человек, из них 100 человек участвовали в захвате стратегических пунктов Каира. Причем о плане операции знали не более 10 организаторов во главе с Насером, который накануне вечером объезжал с предупреждением о начале действий квартиры заговорщиков. Всего в египетской армии того времени насчитывалось около 2 тысяч офицеров.

[121] Мустафа Наххас (Аль-Наххас Паша) род. 5 июня 1879 г. в египетской провинции Гарбия, закончил Высшую школу юридических наук в Каире; после смерти Саада Заглюля, основателя партии Вафд, ее бессменный председатель; неоднократно – премьер-министр. Был награжден, помимо высших египетских отличий, бельгийским орденом Леопольда, а также чилийским, греческим и афганским орденами. (Who’s Who in Egypt and the Near East. – Cairo: Paul Barbery Press, 1952. – C. 328).

[122] Подробнее см.: *Кошелев В.С.* Указ. соч. – С.128–132.

[123] Вместе с Фаруком I (1936–1952), который отрекся в пользу своего сына, уехала в Италию вся королевская семья вместе с маленьким Фуадом II (1952–1953), за которого остался в Египте регентский совет, упраздненный летом 1953 года в связи с провозглашением республики.

[124] Идея установления переходного периода после прихода армии к власти в истории не нова. К подобной схеме прибегали не раз: сравнительно недавний случай – Турция между военным переворотом 1980 года и парламентскими выборами 1983 года; один из последних – Пакистан после переворота генерала Первеза Мушаррафа в 1999 году. Однако каждый такой сценарий в зависимости от внутренней и международной обстановки потенциально имеет разные возможности развития и эпилога. Остается

только предполагать, насколько искренне полвека тому назад египетские «Свободные офицеры» намеревались в назначенный срок уступить кому-то другому центральную сценическую площадку. Впрочем, их организация была далека от монолитности.

[125] *Насер Г.А.* Фальсафа ас-саура (Философия революции). – Каир, [б.г.]. – С. 12.

[126] Издательский дом «Аль-Ахрам», ныне широко известный за пределами Египта, выпускал газету с этим названием еще до революции 1952 года. Спустя восемь лет, в мае 1960 года, был обнародован закон о реорганизации печати, согласно которому основные газетные корпорации стали собственностью Национального союза. (Новейшая история арабских стран Африки… – С. 32).

[127] Авторитет Нагибу, правительство которого осуществило аграрную реформу 1952 года, во многом создали и сами «Свободные офицеры», уверявшие, что он являлся организатором и вдохновителем революции. В период кризиса внутри СРК генерал нашел сочувствие, надо сказать, со стороны одного Халеда Мохи ад-Дина (будущий председатель левой партии НПП), который в 1954 году разошелся с товарищами по поводу Нагиба и на время покинул насеровские ряды.

[128] К подобным маневрам, вроде сидений Ивана Грозного в Александровской слободе, египетский лидер еще вернется: достаточно хотя бы вспомнить его знаменитую добровольную отставку (с передачей полномочий вице-президенту Закария Мохи ад-Дину) 9–10 июня 1967 года, то есть в последние дни третьей арабо-израильской войны, и миллионы отчаянных голосов: «Не уходи!». Симптоматично, что в Египте, где любят лаконичные и емкие выражения, июньскую войну, в результате которой был потерян Синайский полуостров, называли потом не «проигранной кампанией» или «поражением», «неудачной войной» и т.п., а словом «*накса*», что буквально означает «возвращение болезни, рецидив».

[129] Кошелев В.С. Указ. соч. – С. 142. Поводом к этому не состоявшемуся решению о запрете ассоциации послужили имевшие место 12 января 1954 года кровавые столкновения между студентами – сторонниками «Братьев-мусульман» и членами Организации освобождения.

[130] Abdel-Malek A. L'Égypte société militaire, Paris: Editions du Seuil, 1962. – С. 113.

[131] Развернутый текст первого пункта гласил: «Устранение империализма и его приспешников, ведь империализм встал твердой ногой в Египте лишь потому, что с ним сотрудничали предатели из династии Мухаммеда Али, а также их прихвостни-оппортунисты». Gamal Abdel Nasser. Leader of the Revolution, Egypt: Dar al-Hilal, (Published by the Department of Public Relations of the Armed Forces), [1955]. – С. 26.

[132] Эти шесть принципов, или задач революции воспроизводили содержание старой листовки, которая была составлена с участием тяготев-

ших к марксизму деятелей организации «Свободные офицеры» Ахмада Фуада и Халеда Мохи ад-Дина еще до переворота, примерно в 1951 году. Тогда об этой листовке знали лишь несколько человек. Положенный под сукно документ был обнародован от имени Насера в рамках пропагандистской кампании в его пользу, развернутой с конца 1954 года. (*Насер Г.А.* Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления, 1952–1970 гг. – М., 1979. – С. 38; *Beattie K.J.* Op. cit. – С. 3).

[133] *Мохи эд-Дин Х.* Египетская революция, ее развитие и перспективы // Проблемы мира и социализма. – Прага, 1966. – №83. – С. 41.

[134] *Сейранян Б.Г.* Египет. – Указ соч. – С. 36.

[135] *Васильев А.М.* Указ. соч. – С. 222.

[136] В феврале 1958 года сирийская секция ПАСВ (Баас), которая в январе того года выступила инициатором образования ОАР, была распущена, а региональное руководство партии перенесено в Ливан. Вслед за Баас о самороспуске объявили Народная и Национальная партии, сирийские «Братья-мусульмане» и Народно-социалистический блок. Сирийская компартия ушла в подполье, хотя и поддержала идею создания ОАР.

[137] Беляев И.П., Примаков Е.М. Указ. соч. – С. 307.

[138] Подробнее о марксистах в окружении Насера см.: *Ginat R.* Egypt's Incomplete Revolution: Lutfi al-Khuli and Nasser's Socialism in the 1960s. – London, Portland: Frank Cass, 1977.

[139] *Beattie K.J.* Op. cit. – С. 59–61.

[140] Сами Шараф (р.1929) окончил Военную академию в 1949 году и был направлен в артиллерийские войска. В 1955 году становится секретарем Насера и шефом мухабарат, тайной полиции, к созданию которой он приложил руку. Его влияние усилилось после июньской войны 1967 года, когда он становится «вторым могущественным человеком» Египта. Был направлен как представитель Каира в руководство АСС, когда партия подверглась перестройке в 1968 году. Будучи родственником Мухаммеда Фавзи, способствовал назначению последнего министром обороны. В 1970 году С. Шараф, министр по делам президентства, фактически был директором личной охраны Насера. В распоряжении министра находилась Республиканская гвардия и отдельное бронетанковое соединение под Каиром. (Однако этим преимуществом он не воспользовался, и начальник гвардии в мае 1971 года подчинился приказам Садата). «В течение 18 лет мало кто представлял, как выглядит Шараф, не видя его фотографий, но почти все слышали о нем». (Beattie K. J. Op. cit. – С. 40–41). Присутствие таких фигур, связанных с мухабарат, в оппозиции Садату могло лишь оттолкнуть симпатии общественности от этой группировки, многие участники которой находились между собой на ножах. После «исправительного движения» С. Шараф был приговорен к смертной казни, замененной на каторжные работы. Через десять лет, в мае 1981 года, он был освобожден и с 1987 года получил возможность вернуться в политику. Ныне генеральный секретарь Арабско-демократической партии насери-

стов. (Goldschmidt A. Bibliographical Dictionary of Modern Egypt, Boulder. – London: Lynne Rienner Publishers, 2000. – C. 188).

[141] Кошелев В.С. Указ. соч. – С. 160.

[142] Goldschmidt A. Bibliographical Dictionary of Modern Egypt, Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 2000. – C. 171.

[143] Kassem M. In the Guise of Democracy. Governance in Contemporary Egypt, Lebanon: Ithaca Press. – C. 69.

[144] Одним из известных египетских анекдотов (*нукта*) садатовской эпохи был следующий. Машина Садата остановилась у дорожной развилки, и шофер спросил у него, куда поворачивать: направо или налево. Садат спросил у шофера, в какую сторону поехал бы Насер, и получил ответ, что тот повернул бы налево. Садат подумал и сказал шоферу: «Ладно, тогда включай левый сигнал, а поворачивай направо».

[145] Васильев А. М. Смена режимов в условиях баланса классовых сил (Египет) // Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – С. 226.

[146] *Posusney M.P.* Labor and the State in Egypt. – New York: Columbia University Press, 1997. – C. 108–111.

[147] Подробнее об этой и других современных политических партиях Египта см.: Приложение.

[148] Мустафа Мурад в свое время ухаживал за Джихан Ра'уф, ставшей затем Джихан Садат – женой Анвара Садата. Кроме того, Анвар Садат некоторое время жил в доме, принадлежавшем отцу Мустафы (*Beattie K.J.* Op. cit. – C.193).

[149] Ibid. – C. 194.

[150] Египетская коммунистическая партия (ЕКП), была нелегально восстановлена в 1975 году, объединив в своих рядах несколько марксистских групп. Провела свой первый съезд в 1980 году, приняв программу и устав.

[151] Le système politique. – Le Caire: République Arabe d'Égypte. Organisme Général de l'Information, 1983. – C. 28–29.

[152] Ibid. – C. 31.

[153] В сентябре 1978 г. состялся учредительный, а в апреле 1980 г. I-й съезд НДП. Была принята программа, в которой майские события 1971 года провозглашались «революцией» (Справочник, с. 238).

[154] Не успокоившись на этом, Садат продолжал свои нападки на Сираг ад-Дина и иже с ним, которые, по словам президента, хотели бы, как Бурбоны, вернуться на трон после революции. Возможно, что личной мотивацией неприятия неовафдистов было опасение, что Сираг ад-Дин, бывший министр внутренних дел королевского правительства, слишком много знал о сомнительной биографии Садата (Князев А.Г. Указ соч. С. 188).

[155] Сходный с египетским путь к политическому плюрализму был пройден в Тунисе, где в период ревизии «дустуровского социализма» на

рубеже 1960–70-х годов возникли фракции, правая и левая, внутри правящей партии Новый Дустур (с 1964 по 1988 гг. – Социалистическая Дустуровская партия), которые потом стали базой наиболее влиятельных партий современной оппозиции. К ним добавились новые партии, в том числе вышедшие из подполья (коммунисты и левые радикалы), а также Движение исламской направленности (ДИН), разгромленное в начале 1990-х годов. Дустуровская партия, ныне действующая под названием Демократическое конституционное объединение (с 1988 г.), остается официальной правящей партией и составляет подавляющее большинство в парламенте. Но разница в том, что образование фракций в дустуровских рядах шло «естественным» путем и отнюдь не было, как в Египте, следствием инициативы президента.

[156] Kassem M. Op. cit. – C. 41.

[157] К вышеперечисленным партиям в разное время добавились Арабская демократическая партия насеристов, Зеленая партия, Юнионистская демократическая партия, Арабская социалистическая партия, а также фактически религиозная партия аль-Умма (Нация), партия Мыср (Египет), партия аль-Васат и др.

[158] Приходится констатировать, что получение любых сведений, касающихся современного состояния египетских партий, – трудная задача. Как отмечает Мухаммед Рагаб, автор одного из самых новейших исследований о египетских партиях, «партии оппозиции с сомнением и подозрением относятся к тем, кто пытается получить о них информацию». (*Рагаб М.* Альахзаб ас-сиясия аль-мысрийя: дираса ли барамиджиха ва даурихa фи аттанмия ва аль-биʻа. (Политические партии Египта: исследование их программ, посвященных развитию и окружающей среде). – Каир: Дар альхуррийя, 2000. – С. 193). Остается добавить, что состояние правящей партии (НДП) также не отличается прозрачностью.

[159] *Korany B.* Restricted Democratization from Above: Egypt. // Political Liberalization… C. 63.

[160] Для сравнения отметим, что сирийская партия ПАСВ – Баас (основана в 1947 году), которая к моменту ее прихода к власти в 1963 г. насчитывала не более 200 членов, выросла до 8 тыс. в 1966 году и вновь увеличилась до 65 тыс. к 1971 году, когда ее председателем и президентом САР стал Хафез Асад. По данным на 1992 год, в партии состояло около 1 млн. человек, из них 250 тыс. – проходящие «кандидатский стаж». Известен и социальный состав – количество военных и количество гражданских лиц среди членов этой партии (*Volker P.* Op. cit. – C. 154–155). Динамику численности правящей партии Туниса отражают следующие цифры: в 1954 году, когда она была еще партией антиколониальной оппозиции, имея за плечами 20-летнюю историю и нося название Новый Дустур, в ее рядах насчитывалось 106 тыс. человек. Через год, когда Тунис получил внутреннюю автономию, – около 300 тыс., в конце пятидесятых – 600 тыс. По состоянию на 1993 год партия ДКО насчитывала 1720374 чел., а по данным на 1997 год – свыше 2 млн.

Партия имеет 7,5 тыс. территориальных и 2 тыс. профессиональных ячеек, членство военных в ней запрещено. (*Видясова М.Ф.* Тунис и проблема «нелиберальной демократии». – Op. cit. – С. 100).

[161] Ben Nefissa S.. Les partis politiques egyptiens // Les partis politiques dans les pays arabes. Aix-en-Provence : Edisud, 1998. – С. 68.

[162] *'Абд аль-Мун'им А.Ф.* Даур аль-ахзаб аль-мысрийа фи ат-танмийа ас-сиясийа // Аль-Ахзаб ва ат-танмийа фи аль-ватан аль-арабий ва хариджих (Партии и развитие в арабских странах и за их пределами) / Под ред. *Ас-Сейида М.К. и Зарнуки С.С.* – Кадайа ат-танмийа. – Вып. 6. – Каир: Марказ дирасат ва бухус ад-дуваль ан-намиа (Каирский ун-т, Центр изучения развивающихся стран), 1997. – С. 292.

[163] *Baaklini A., Denoeux G., Springborg R.* Legislative Politics in the Arab World: the Resurgence of Democratic Institutions. – London, Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999. – С. 229.

[164] Ibid. – С. 229.

[165] Ibid. – С. 231. Авторы книги отмечают, что в сельских округах, где жизнь во многом, а иногда и целиком зависит от правительственных субсидий, регистрация избирателей осуществлялась произвольно: учитывали не каждого отдельного человека с правом голоса, а целиком семьи и фамильные кланы. При составлении списков особенно благодатные возможности для подтасовок складывались в Верхнем Египте и окраинных приграничных районах, которые – в результате – оказались представлены в парламенте непропорционально большим количеством депутатов (относительно их реального населения). В ущербе оказались индустриальные зоны и политизированные большие города.

[166] Ат-Такрир аль-истратиджий аль-арабий. – Каир: Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам», 1996. – С. 386.

[167] Там же. – С. 232.

[168] Kassem M. Op. cit. – С. 102.

[169] Ibid.

[170] Среди причин этого решения были как желание партии иметь возможность взаимодействия с обществом и сторонниками через парламент, так и недовольство левых поведением руководителя партии Новый Вафд, который стал выступать от имени всей оппозиции. Ныне покойный председатель партии Новый Вафд, Фуад Сераг ад-Дин принадлежал к одной из самых богатых аристократических семей дореволюционного Египта. Бывший министр при короле Фаруке, он оказался среди тех, кто потерял значительное состояние и влияние при режиме Гамаля Абдель Насера, и всегда считал революцию 1952 г. не более, чем государственным переворотом. Председатель Тагамму' Халед Мохи ад-Дин, напротив, – выходец из более скромной семьи и один из «Свободных офицеров» (член исполкома этой организации), совершивших революцию. При Насере он оказался в составе правящего класса и пришел на смену таким людям, как Сераг ад-

Дин. В этом смысле для Мохи ад-Дина, возможно, было неприемлемым, чтобы он и его партия были представлены тем человеком и той партией, которые в свое время были низвергнуты «Свободными офицерами».

[171] Мубарак Х. Обращение к парламенту. – Сообщение Би-Би-Си Мидл Ист. – 15 нояб. 1994.

[172] Подробнее об этой и других современных политических партиях Египта см.: Приложение.

[173] Mubarak on Jerusalem, Syria, Palestinian State, Arab Summit, Domestic Issues. – FBIS Transcribed Text. – 23 Aug. 2000.

[174] MENA. 17 September 2000.

[175] Цит. по: Bahgat H. Wake Up Call. Hossam Bahgat reads Yehya Al-Rifa'i // Cairo Times. 9–15 Nov. 2000. – Vol. 4. – № 35. – P. 24.

[176] Shemm P. Cleaning up the Competition // Cairo Times. 16–22 Nov. 2000. – Vol. 4. – № 36. – C.10.

[177] Reuters. 24 July 2000.

[178] *Abdel-Latif O.* Against the Odds // Al-Ahram Weekly. – 2000. – № 506. – November, 2 / 8. – C. 5.

[179] *Ам-Тахер Ш.* Халь яртафи'у расыд «аль-ихван» иля 20 мак'адан? // Аль-Ахрам аль-'араби. – 2000. – № 189. – 4 ноября. – С. 15.

[180] Аль-Ахрам. 7 ноября 2000. – С. 4.

[181] Цит. по: *Essam El-Din G.* Ruling Party 'Out of Touch' // Al-Ahram Weekly. – 2000. – № 506. – November, 2 / 8. – C. 1.

[182] *Sidi-Ahmed M.* An Electoral Season // Al-Ahram Weekly. – 2000. – № 507. – 9–15 Nov. – C. 14.

[183] Ibid.

[184] Reuters. 11 Dec. 2000.

[185] Аль-Вафд. – 4 декабря 2000. – С. 1

[186] *Essam El-Din G.* The Politician Versus the Businessman // Al-Ahram Weekly. – № 507. – 9–15 Nov. 2000. – C. 6.

[187] Подробнее об этом см.: *Kassem M.* Op. cit. – C. 128–135.

[188] Возможно, самый необычный метод привлечения избирателей был использован в Порт Саиде. В обмен на обязательство проголосовать за него кандидат раздавал пожилым людям по две таблетки препарата «Виагра», повышающего сексуальную потенцию (Egyptian Mail. – № 44. – 4 Nov. 2000. – C. 1).

[189] См.: *Видясова М.Ф.* Тунис и проблема «нелиберальной демократии». – Указ. соч. – С. 104.

[190] В этой связи Мей Кассем ссылается на известную ему беседу между Насером и д-ром Рифаатом Саидом, которому президент ответил на вопрос, не стоит ли усилить партию. « Если я разрешу партии развиваться, что мне останется? Будет как при советской системе. Где каждое решение должно пройти через партийные комитеты и может быть отклонено. Пустая трата времени!» (Kassem M. Op. cit. – C. 40, 68)

Глава III
«ИСЛАМСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА»

В последнюю четверть XX века существенно возросла значимость социально-культурного феномена, известного под разными названиями: политический ислам, фундаментализм, интегризм, исламский радикализм, ваххабизм, неоваххабизм, салафизм и т. д. Исламская революция в Иране, гражданская война в Алжире, движение Талибан в Афганистане, установление шариатского правления в Судане, сепаратизм на Северном Кавказе, другие подобные явления и особенно взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года побуждают значительную часть мировой общественности отождествлять «политический ислам» (подчас даже весь ислам) с терроризмом.

На современном этапе исторического развития исламское движение и события, которые ассоциируются с ним, превратились в психологический феномен, порождающий осознанный и неосознанный, оправданный и неоправданный страх по поводу «исламской угрозы». Хотя большинство исследователей указывает на неоднородность исламского движения, при конкретном анализе исламские общественно-политические организации и террористические группы зачастую объединяются в одну массу без различения особенностей идеологии и практики таких организаций, без изучения природы как первых, так и вторых. Это приводит к поспешной, неосновательной характеристике исламского движения в качестве антидемократического, угрожающего политической стабильности в определенном регионе или во всем мире, само существование которого свидетельствует о фатальном «столкновении цивилизаций».

Серьезная борьба со злом терроризма невозможна без преодоления такого отождествления в сознании людей, в политической практике, без отказа от предвзятого отношения к арабским и вообще мусульманским странам, в том числе – Египту. Но необходимо признать, что это задачи чрезвычайно сложные, отягощенные целым рядом обстоятельств.

Наряду с применением силы против радикальных исламистов (жестокие полицейские рейды, суды военных трибуналов и т. п.), египетский режим пытался победить своих противников на идеологическом фронте. Для этого он стремился выглядеть более правоверным, чем исламские активисты.

Это способствовало созданию такой атмосферы в обществе, при которой оставалось все меньше возможностей модернизации духовной сферы, а наиболее консервативные религиозные деятели могли

по своему усмотрению применять цензурные запреты против неугодных произведений искусства и литературы, устанавливать рамки для дискуссий о вере и т. д. С помощью этих и других репрессивных мер египетский режим заглушил голоса секуляристской интеллигенции и нерадикальных исламских активистов, которые могли быть важным противовесом экстремистской версии толкования «правильного» устройства общества. В результате радикальные члены исламского движения стали символизировать единственную реальную оппозицию.

Интернационализация исламского радикализма с новой силой побуждает разобраться в сущности проблемы и пристальнее вглядеться не только в биографии ставших широко известными персон, но и исследовать среду из которой эти люди происходят.

В этом смысле заслуживает внимания то, что среди непосредственных исполнителей последней террористической атаки в США было одиннадцать выходцев из Египта. Один из них – Мухаммед Атта, выпускник каирской средней школы имени Мустафы Камеля, получивший диплом специалиста городского планирования в Германии и, возможно, прошедший обучение и идеологическую обработку в тренировочном лагере организации Аль-Ка'ида (*Танзым аль-каида*). Правая рука главы этой организации Усамы бен Ладена – выходец из состоятельной египетской семьи доктор Айман аз-Завахири. Он – один из основателей группировки *Джама'ат аль-джихад.* Айман аз-Завахири покинул Египет после трехлетнего тюремного заключения, которому он подвергся за участие в подготовке покушения на президента Садата.

С 1992 по 1997 годы джихадисты и более многочисленные активисты Исламской группы (*Аль-Джама'а аль-исламийа*) предприняли попытки физически устранить президента Хосни Мубарака, премьер-министра 'Атефа Сидки, двух министров правительства, атаковали видных общественных деятелей, полицейских, коптов и туристов. Эти и другие факты дают повод некоторым экспертам рассматривать Египет как страну, поддерживающую терроризм[1].

1. Политический ислам и демократия в египетском контексте

В настоящей главе рассматриваются следующие вопросы: каковы причины, побуждающие членов исламского движения подвергать сомнению современное состояние религии, науки, экономики и политики Египта таким образом, что это представляет угрозу для нормативной базы режима? Как выглядят политические движения исламской ориентации в Египте? В чем природа конфликта между различными группами исламского движения и государством? Насколько сильно их влияние в профсоюзах и профессиональных ассоциациях?

В связи с рассмотрением этих проблем встает вопрос о существовании «гражданского общества» в Египте и о том, какова роль в нем членов исламского движения.

Является ли Египет гражданским обществом? Многое побуждает дать на этот вопрос отрицательный ответ, но тот факт, что ин-

[1] См., напр.: *Bixler M.* Egypt is a seedbed of terror, some experts say // Atlanta Journal-Constitution – Oct. 29 2001.

Глава III
«ИСЛАМСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА»

В последнюю четверть XX века существенно возросла значимость социально-культурного феномена, известного под разными названиями: политический ислам, фундаментализм, интегризм, исламский радикализм, ваххабизм, неоваххабизм, салафизм и т. д. Исламская революция в Иране, гражданская война в Алжире, движение Талибан в Афганистане, установление шариатского правления в Судане, сепаратизм на Северном Кавказе, другие подобные явления и особенно взрывы в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года побуждают значительную часть мировой общественности отождествлять «политический ислам» (подчас даже весь ислам) с терроризмом.

На современном этапе исторического развития исламское движение и события, которые ассоциируются с ним, превратились в психологический феномен, порождающий осознанный и неосознанный, оправданный и неоправданный страх по поводу «исламской угрозы». Хотя большинство исследователей указывает на неоднородность исламского движения, при конкретном анализе исламские общественно-политические организации и террористические группы зачастую объединяются в одну массу без различения особенностей идеологии и практики таких организаций, без изучения природы как первых, так и вторых. Это приводит к поспешной, неосновательной характеристике исламского движения в качестве антидемократического, угрожающего политической стабильности в определенном регионе или во всем мире, само существование которого свидетельствует о фатальном «столкновении цивилизаций».

Серьезная борьба со злом терроризма невозможна без преодоления такого отождествления в сознании людей, в политической практике, без отказа от предвзятого отношения к арабским и вообще мусульманским странам, в том числе – Египту. Но необходимо признать, что это задачи чрезвычайно сложные, отягощенные целым рядом обстоятельств.

Наряду с применением силы против радикальных исламистов (жестокие полицейские рейды, суды военных трибуналов и т. п.), египетский режим пытался победить своих противников на идеологическом фронте. Для этого он стремился выглядеть более правоверным, чем исламские активисты.

Это способствовало созданию такой атмосферы в обществе, при которой оставалось все меньше возможностей модернизации духовной сферы, а наиболее консервативные религиозные деятели могли

по своему усмотрению применять цензурные запреты против неугодных произведений искусства и литературы, устанавливать рамки для дискуссий о вере и т. д. С помощью этих и других репрессивных мер египетский режим заглушил голоса секуляристской интеллигенции и нерадикальных исламских активистов, которые могли быть важным противовесом экстремистской версии толкования «правильного» устройства общества. В результате радикальные члены исламского движения стали символизировать единственную реальную оппозицию.

Интернационализация исламского радикализма с новой силой побуждает разобраться в сущности проблемы и пристальнее вглядеться не только в биографии ставших широко известными персон, но и исследовать среду из которой эти люди происходят.

В этом смысле заслуживает внимания то, что среди непосредственных исполнителей последней террористической атаки в США было одиннадцать выходцев из Египта. Один из них – Мухаммед Атта, выпускник каирской средней школы имени Мустафы Камеля, получивший диплом специалиста городского планирования в Германии и, возможно, прошедший обучение и идеологическую обработку в тренировочном лагере организации Аль-Ка'ида (*Танзым аль-каида*). Правая рука главы этой организации Усамы бен Ладена – выходец из состоятельной египетской семьи доктор Айман аз-Завахири. Он – один из основателей группировки *Джама'ат аль-джихад.* Айман аз-Завахири покинул Египет после трехлетнего тюремного заключения, которому он подвергся за участие в подготовке покушения на президента Садата.

С 1992 по 1997 годы джихадисты и более многочисленные активисты Исламской группы (*Аль-Джама'а аль-исламийа*) предприняли попытки физически устранить президента Хосни Мубарака, премьер-министра 'Атефа Сидки, двух министров правительства, атаковали видных общественных деятелей, полицейских, коптов и туристов. Эти и другие факты дают повод некоторым экспертам рассматривать Египет как страну, поддерживающую терроризм[1].

1. Политический ислам и демократия в египетском контексте

В настоящей главе рассматриваются следующие вопросы: каковы причины, побуждающие членов исламского движения подвергать сомнению современное состояние религии, науки, экономики и политики Египта таким образом, что это представляет угрозу для нормативной базы режима? Как выглядят политические движения исламской ориентации в Египте? В чем природа конфликта между различными группами исламского движения и государством? Насколько сильно их влияние в профсоюзах и профессиональных ассоциациях?

В связи с рассмотрением этих проблем встает вопрос о существовании «гражданского общества» в Египте и о том, какова роль в нем членов исламского движения.

Является ли Египет гражданским обществом? Многое побуждает дать на этот вопрос отрицательный ответ, но тот факт, что инфраструктура гражданского общества в Египте существует, необходимо самым серьезным образом учитывать. Многочисленные ассоциации, клубы, гильдии, федерации, деловые и благотворительные союзы, товарищества работников одной профессии и прочие объединения граждан являются буфером между обществом и государством. Их наличие служит гарантией того, что у египетского общества есть шанс сохранить и развить присущий ему плюрализм взглядов, что ему нельзя навязать «единственно правильный» путь решения существующих проблем.

Растущая активность тех, кого часто именуют «исламистами», стала особенно заметной в 1980–90-е годы в Египте и ряде других стран Африки, Ближнего и Среднего Востока. Их деятельность, разумеется, не свидетельствует о становлении гражданского общества в его традиционном, западном понимании. Ведь гражданское общество – это не просто некая сфера вне государственных структур, а скорее легальная автономия, обладающая признанными правами и пользующаяся поддержкой со стороны государства. Однако активисты исламского движения не пытаются создать отделенную от существующего светского режима сферу, а ставят своей целью постепенно распространять догматический исламский порядок до тех пор, пока он не охватит все государство.

В отношении политического ислама в научной литературе широко распространен подход по принципу формальной редукции, то есть стремления все свести к общему знаменателю. Так, С.Хантингтон в целом склонен рассматривать ислам как одну из главных сил, противостоящих иудео-христианской цивилизации, а исламский радикализм является для Хантингтона явным свидетельством приближающегося «столкновения цивилизаций»[2]. Подсчитав, с одной стороны, количество межгрупповых конфликтов «в недрах ислама», с другой, – количество «межцивилизационных» столкновений (между мусульманами и немусульманами) и сравнив эти результаты со статистикой в отношении «христианских стран», С. Хантигтон сделал вывод, что «границы ислама кровавы так же, как и его внутренности»[3]. В свою очередь Даниел Пайпс, рассуждая об иранской революции, выдвигает предположение, что исламский фундаментализм изначально обречен на провал, а те, кто экспериментируют с исламизмом, – примитивные фанатики, которым «чуждо чувство реальности»[4].

Проблему «исламизма» часто относят к сфере религии. Считают, что исламское движение целиком обусловлено определенным комплексом теологических предпосылок (постулатов веры) и эсхатологических ожиданий, а посему анализ этого феномена не принесет результатов, которые можно проверить научным образом. При таком подходе из поля зрения исчезает целый ряд социально-политических аспектов, которые могут и непременно должны учиты-

ваться при рассмотрении данной проблемы. Ведь в конечном итоге важно не то, *что думают* исламисты, а то, *почему они так думают*.

Актуальность проблемы подогревает тот интерес, который проявляют к ней политики, общественные деятели и журналисты. В последнее время появились новые работы, посвященные различным ее аспектам, в том числе в египетском контексте[5]. Хотя большинство исследователей указывает на неоднородность исламского движения, при конкретном анализе исламские общественно-политические организации и террористические группы зачастую объединяются в одну массу без различения особенностей идеологии и практики таких организаций, без изучения природы как первых, так и вторых. Это приводит к поспешной, неосновательной характеристике исламского движения в качестве антидемократического, угрожающего политической стабильности в определенном регионе или во всем мире, само существование которого свидетельствует о фатальном «столкновении цивилизаций».

Утверждается, что все исламские организации связаны между собой и даже действуют по одному общему плану в целях дестабилизации существующего миропорядка.

Например, в типичном для отечественной публицистики «экспертном анализе» Александр Сизов утверждает, что «организации, принадлежащие к «Братьям-мусульманам» [sic!], провели ряд громких террористических операций, среди которых бойня в Луксоре в 1997 г. и убийство президента Египта Анвара Садата в 1981 г.... В своей деятельности «Братья-мусульмане» неотступно преследовали одну главную, если не единственную, цель: захватить власть насильственными методами»[6]. Другой эксперт, Михаил Фальков, спешит раскрыть международный заговор «братков» и предупреждает, что среди прочих «в России существенно активизировалась мощнейшая фундаменталистская исламская организация общемирового масштаба – «Ассоциация братьев-мусульман»[7].

В действительности же, что касается Египта, только наиболее радикальные или военизированные группы выступают или выступали за применение революционных методов во имя изменения общественного устройства. Ряд египетских исследователей относит эти группы (*Джама'ат уль-джихад, Джама'ат уль-муслимин, Аль-Джама'а аль-исламийа* и др.) к тому направлению в исламистском движении, которое обобщенно называют *Ат-Тавакфуф ва ат-табайун*[8]. Умеренные группировки, к каковым, например, принадлежат современные «Братья-мусульмане» (*Джама'ат аль-ихван аль-муслимин*), выбрали стратегию постепенного духовного и социально-политического преобразования мусульманского общества изнутри. Это преобразование должно осуществляться также в экономике и совершаться при непосредственном и открытом, легальном участии широких народных масс.

Появляются исследования, и, кажется, их число в последнее время растет, в которых ставится задача демистифицировать феномен «исламизма» в Египте и понять его таким, какой он есть на самом деле. Несмотря на различие аналитических подходов к проблеме, исламское движение в таких исследованиях описывается как исторически неизбежное и поддающееся контролю, а в ряде работ подчеркивается его вклад в процесс демократизации общества[9].

Описание организаций вооруженных радикалов остается за пределами данной главы, но отдельные аспекты истории их возникновения затрагиваются. Преимущественное внимание уделяется роли активистов исламского движения и их сторонников в процессе политического развития АРЕ на современном этапе, некоторым типичным коллизиям в их среде и социально-организационным последствиям этих коллизий.

Необходимо отметить, что определенная часть египетского общества выражает тревогу по поводу растущего влияния исламского движения, которое происходит наряду с повышением значимости ислама в жизни миллионов египтян. Секуляристски настроенная интеллигенция выражает мнение, что разницы между «умеренными исламистами» и исламскими «экстремистами» не существует[10]. Примерно такую же позицию в настоящее время занимают власти, которые применяют репрессии к членам вооруженных группировок и ограничивают в правах и свободах мирных активистов исламского оппозиционного движения, утверждая, что последние так или иначе связаны с террористами. Но как в кругах интеллигенции, так и среди высокопоставленных государственных чиновников все более заметным становится желание не просто обуздать исламистов, а найти с ними общий язык.

На протяжении минувшего века антисистемная оппозиция господствующему режиму в Египте, как правило, никогда не опускала религиозного знамени. Даже самые прогрессивные египетские националисты предпочитали оставаться более или менее в рамках религиозно-политической парадигмы. Это в полной мере относится и к организации «Свободные офицеры».

«Все они, – пишет Т.А. Елистратова о выпускниках Египетской военной академии, набранных в 1937–1939 годах и составивших затем ядро созданного Насером тайного общества, – получили сугубо египетское образование, провели молодость, не покидая пределов страны, плохо владели иностранными языками и имели лишь самое общее представление о европейских науках, литературе и искусстве»[11]. Вместе с тем следует учитывать, что сознательная жизнь участников армейского заговора, выходцев из средней социальной страты, начиналась в 1930-е годы, отмеченные упадком светского и западнического направления в египетском национализме и, напротив, тягой к мусульманскому течению, которое время от времени

увлекало отдельных членов тайной организации «Свободные офицеры» до и после ее создания[12].

Отмечая это обстоятельство, следует учитывать, что многие исторические явления чреваты своей противоположностью. Египет, подавая с XIX века пример модернизации и обновления общественной жизни на Ближнем Востоке, становился при этом же центром распространения тех консервативных идеологических и политических принципов, на которых строилась и строится деятельность основанной в 1928 году ассоциации «Братья-мусульмане» и которые связаны с наследием Хасана аль-Банны или же, во всяком случае, близки ему.

Основа существующего режима и контуры взаимоотношений власти с оппозицией, в том числе с мусульманскими кругами, закладывались в эпоху Гамаля Абдель Насера. Известно, что военный переворот 1952 года на первых порах приветствовался «Братьями-мусульманами», активно участвовавшими в антибританской и антимонархической коалиции. Однако их постигло разочарование, когда стало понятно, что создание исламского государства не входило в намерения Гамаля Абдель Насера и «Свободных офицеров». В целом политику насеризма можно охарактеризовать как сочетание вестернизации и вызова Западу **(Коммент. 11)**.

В дуальной связке *'арабийа – исламийа* Насера интересовала первая компонента, и его политика, во многом диктовавшаяся претензиями на лидерство, обратила египетский национализм (выпестованный ватанистами и Вафдом) в идеологему арабского национализма. Панарабизм, в свою очередь, соединился с пропагандой арабского социализма, перехватывая у «братьев» традиционно мусульманский лозунг установления справедливости (*адаля*) и впитывая некоторые левые (в том числе марксистские) идеи. Растущая конфронтация между правительством и «Братьями-мусульманами», в том числе из-за угрозы новых покушений на жизнь Насера и его министров, привела к тому, что многие члены движения были вынуждены эмигрировать, другие – были подвергнуты тюремному заключению, а главного их идеолога, Сейида Кутба, в 1966 году казнили[13].

Анвар Садат использовал ислам, чтобы расширить в обществе базу поддержки своих начинаний. Называя себя «верующим президентом» (*ар-раис аль-му'уминин*), он регулярно появлялся на пятничной молитве перед объективами фотокамер ведущих печатных изданий страны[14]. Он изменил отношение государства к суфийским орденам (тарикатам). Так, если при Насере это отношение было враждебным, то, начиная с «исправительного движения» 1971 года, деятельность некоторых орденов была разрешена и даже поощрялась как средство «денасеризации» Египта[15]. Численность вовлеченных в мистические братства, по оценкам на конец восьмидесятых, достигла примерно 3 млн. человек. В ряде случаев их центрами

становились крупные старинные мечети, а точнее – религиозные комплексы, обнимающие сеть благотворительных учреждений, связанные с именами и могилами традиционно почитаемых «святых» (например, мечеть Сейида Зейнаб в Каире, посвященная некой благочестивой женщине).

Как и всегда в подобной обстановке, власть отвечала попыткой опереться на нормативный ислам, столкнувшись, однако, с нежелательным пылом проповедников, в том числе некоторых шейхов Аль-Азхара, не щадивших в своей критике президента и его окружение. В народных кварталах появились свои любимцы, священнослужители, близкие по духу к мусульманским братьям и использовавшие с кафедры доходчивый разговорный язык «каирской улицы». Известный знаток современного ислама, американский исследователь Джон Эспозито отмечает, что Садат «способствовал строительству мечетей в невиданных до тех пор масштабах»[16]. Это строительство отнюдь не всегда велось на государственные средства. В стране за садатовское время возникло множество так называемых «частных» культовых зданий, иначе – простонародных мечетей (*масджид ахлия*). Кирк Битти в своей подробной истории Египта периода Садата, на которую мы уже ссылались, называет следующие причины, вызвавшие рост числа мечетей. По его мнению, главную роль сыграли, с одной стороны, рост численности населения и, значит, верующих, с другой, – отсутствие законодательных ограничений на постройку новых молельных мест для мусульман. (Что касается церквей, то положение здесь обратное). Между тем новые общины, формировавшиеся вокруг новых мечетей, власти не успевали брать под свой контроль, так как не могли направить в них достаточное число образованных муфтиев – их просто не хватало, ведь в 1950-е и 60-е годы богословскую подготовку получала весьма небольшая часть молодежи. Теперь же тысячи мечетей были построены теми, кто независим от контролируемых государством религиозных структур.

Таблица 1

Рост числа мечетей в Египте после революции 1952 года[17]

Год учета	Общее число мечетей	Мечети, находящиеся в ведении Министерства вакфов*	Мечети с назначенными властями муфтиями
1952	15 800	1 706	85%
1962	17 224	3 006	71%
1975	28 738	5 163	47%
1979	34 000	5 600	45%

* Министерство вакфов (*визарат аль-аукаф*) выполняет функции ведомства религиозных дел.

Члены Арабского социалистического союза стали обращаться друг к другу «*хагг*»: так звучит на египетском наречии «*хаджи*» имя

рек (то есть тот, кто совершил паломничество в Мекку), вместо прежнего «*рафик*» (товарищ) – обращения, принятого в АСС эпохи Али Сабри. Кабинеты государственных чиновников, не исключая кабинеты в органах госбезопасности, занятых слежкой за мусульманскими диссидентами, теперь украшали томики Корана[18]. В целом правление Садата, отличавшееся по-своему такой же импульсивностью, как и правление Насера, способствовало возрождению исламского движения, что привело к укреплению политического ислама, реабилитации «Братьев-мусульман», а также – к возникновению на периферии этого движения сети вооруженных исламских группировок[19].

После постепенного освобождения арестованных «братьев-мусульман» из тюрем в первой половине 1970-х годов их ассоциация смогла вновь консолидироваться и обрести влияние. Этому способствовали складывающиеся настроения в обществе, которое было глубоко травмировано унизительным поражением в шестидневной войне, а с другой стороны, что совпало по времени и по существу, испытало разочарование в «социалистическом эксперименте» и в светской идеологии арабского единства, которые были стержневыми для деятельности Гамаля Абдель Насера и его сторонников. Причем подобное разочарование и растерянность испытывала образованная молодежь в разных арабских странах, где исходным очагом исламизма стали не трущобы, а светские университеты **(Коммент. 12)**. Но при этом египетские «Братья-мусульмане», пережившие всевозможные репрессии, узнавшие на себе, что такое пытки и тюрьмы, выбрали стратегию постепенного ненасильственного изменения системы изнутри.

2. «Братья-мусульмане» и радикальные исламские группировки

Для адекватной реконструкции идеологической программы «Братьев-мусульман» необходимо прежде всего представить их взгляд на ключевое определение ислама как нераздельного единства веры и государства (*дин ва дауля*). ‘Омар ат-Тильмисани[20]**,** верховный наставник (*аль-муршид аль-‘амм*) «Братьев-мусульман» в 1973–1986 годах, характеризовал ислам как «веру, убеждение, поклонение, родину, гражданство, творение, культуру, закон, прощение, силу»[21]. Таким образом, ислам – это совершенная система, определяющая все стороны жизни, «ислам – это решение».

Откуда ни приди беда: поражение Египта в «шестидневной» войне 1967 года, землетрясение 1992 года или нехватка жилья, особенно обострившаяся в конце девяностых, – активисты «Братьев-мусульман» рекомендуют людям обращаться к исламу как к политическому, социальному, экономическому и духовному спасению. Поскольку, утверждают исламисты, ни социализм, ни капитализм не могут прекратить страдания египтян (и в более широком плане – всех мусульман), для процветания страны каждый человек и обще-

ство в целом должны вернуться в лоно ислама. Соответственно, «Братья-мусульмане» полагают, что их организация – нечто большее, чем политическая партия или благотворительное общество. Они представляют себя как всемирную духовную организацию, которая есть *да'уа* (зов, миссия, порыв). Их миссия в мире и призыв заключаются в том, чтобы следовать Благородному Корану и Сунне, во всем руководствоваться предписаниями священной книги, достигать чистоты души, без которой окружающая реальность утрачивает свою основу. «Братья-мусульмане» – это и политическая миссия, и добровольное просветительское общество, культурно-образовательный кружок; это и общество взаимопомощи и спортивная организация, это и деловое, финансовое предприятие, это и «духовность», и социальная концепция[22]. В общем, это суть вещей подлунного мира.

Главной целью «Братьев-мусульман» является создание исламского государства, управляемого по законам шариата. Тогда как нынешняя система подразумевает господство человека над человеком, шариат, напротив, признает над людьми только верховную власть Всевышнего. Последнее, в понимании «Братьев-мусульман», равнозначно освобождению человека, и необходимо помочь этому освобождению осуществиться, если реальное государство не является истинно исламским.

В этой связи отметим, что исследователи салафистских, то есть «зовущих к очищению» движений (данный термин ближе к их содержанию, чем понятие «мусульманский фундаментализм»), подчеркивают невнятность употребляемого адептами этих движений понятия «исламское государство». Никаких ясных деталей этого желанного устройства теоретики салафизма в Египте и других странах, где они действуют, не смогли обрисовать. Более яркие в критике существующих режимов, и различающиеся между собой по степени остроты, а также в деталях этой критики, все они дают сколь тривиальную, столь и расплывчатую программу преображения общества. Здесь и ностальгия по халифату – в его неискаженном, первоначальном виде, и противоречащая этому идея туманного «эмира» во главе исламского государства; здесь и признание демократии как средства, и отрицание демократии как ценности, которая для исламистов – «чужестранная концепция» и равным образом: «чуждый термин, отсутствующий в арабском словаре»[23]. Случается, сами деятели исламской ориентации признают, что уязвимым местом их идеологии является отсутствие «оригинального плана», на выработку которого, как говорил лидер тунисских исламистов Рашид аль-Ганнуши, не хватало времени[24].

Задача, какую ставят перед собой египетские «Братья-мусульмане» – обеспечить применение шариатских норм в общественной и государственной практике, неизбежно поднимает вопрос о правлении *(хукм)* в исламском государстве. Ведь если верховная власть принадлежит Всевышнему, то кто же отвечает за правление от его имени на земле?

Этот вопрос важен для развития поставленной темы. Многие аналитики склонны считать, что подлинная цель исламистов (даже если она ими открыто не заявлена) – политическая власть. Со своей стороны, представители ассоциации «Братья-мусульмане» настаивают, что им не нужна власть ради власти, они говорят и подчеркивают, что исламское государство не обязательно должно управляться именно «Братьями-мусульманами», но непременно – теми людьми, которые придерживаются исламских предписаний.

Как отметил бывший наставник «Братьев-мусульман» ‘Омар ат-Тильмисани, члены данной ассоциации «не рассматривают возможность совершения революции, они не зависят от нее, не верят в ее полезность и результаты». Что касается власти, то «Братья» не требуют ее для себя. «Если среди нации они смогут найти того, кто сможет нести бремя этой ответственности,... того, кто будет править, следуя Корану и исламским нормам,... то [братья будут] его солдатами, сторонниками и помощниками». Если же они не найдут такого лидера, тогда управление государством должно следовать их начертанию[25].

«Братья-мусульмане» не указывают, как именно должно быть устроено исламское государство, у них нет детализированного плана экономических и политических преобразований. Существует мнение, что «Братья-мусульмане» вообще не стремятся к воплощению какой-либо умозрительной формы идеального исламского государства, их цель – установление «исламского порядка». Между тем, и этого нельзя забывать, отсутствие долгосрочной программы действий, конкретных реформаторских предложений характерно и для официально зарегистрированных политических партий Египта (подробнее об этом говорилось в главе второй). Как партии легальной оппозиции, так и «Братья-мусульмане» используют полученную парламентскую трибуну в основном для критики программ и реформ, предлагаемых правительством, а также для внесения запросов по частным и, на первый взгляд, узким проблемам.

Основной состав «Братьев-мусульман» – их старая гвардия и ее последователи – воздерживается от прямых обвинений египетского общества и политической системы в *куфре* (неверии), предпочитая заявлять, что государство и его институты – не истинно исламские. В этом члены ассоциации придерживаются положения, сформулированного их бывшим верховным наставником Хасаном аль-Худейби (ум. в 1973): «Братья-мусульмане» и все мусульмане должны проповедовать, а не выносить приговор»[26]. Именно такая позиция позволила в 1971 году заключить сделку между членами ассоциации и президентом Садатом. «Братья-мусульмане» были освобождены из тюремного заключения в обмен на данное ими президенту обещание оказать ему поддержку в борьбе с оппонентами (левыми, насеристами и панарабистами), а самим отказаться от насильственных действий. Однако, заключая эту сделку, президент Садат не знал об идеологическом расколе внутри «Братьев-мусульман». «Диссиден-

ты» внутри ассоциации, не желавшие сотрудничать с властями, были слишком молоды, чтобы их мнение было известно Садату и его окружению, и они были освобождены вместе со старшими «Братьями-мусульманами». Только спустя несколько лет режим осознал последствия произошедшего раскола[27].

Радикальные (или вооруженные) исламские группы (все они одинаково называются *джама'ат «…»*), отпочковались от «Братьев-мусульман» под влиянием идеологии Сейида Кутба, которая, как известно, одобряла насильственный захват власти[28].

Неоднократно находившийся в заключении Сейид Кутб написал пять книг, самая известная из которых – *Ма'алим фи ат-тарик* («Вехи на пути», 1964). В ней Кутб утверждал, что современное общество и его правители не являются истинно мусульманскими, а существуют словно в эпохе *джахилии* (доисламского, языческого невежества). Обязанность правоверного мусульманина осудить, разоблачить неверие руководителей государства и вести против них *джихад,* который Кутб понимал, как «всеобъемлющее вооруженное восстание» против правления по светским законам, а также как «освобождение от рабского подчинения другому человеку»[29].

Учение Кутба – в качестве господствующей доктрины – со временем сменилось в стиле мышления «Братьев-мусульман» более умеренным и компромиссным подходом к проблеме перестройки общества по мусульманской модели. Однако это учение продолжало развиваться в тюрьмах, где с середины 1960-х годов отбывали наказание многочисленные молодые мусульманские радикалы. Как отмечает Кирк Битти, именно тюрьмы периода насеризма привели своих невольных обитателей к идеям Сейида Кутба[30]. Различная интерпретация книги Кутба «Вехи на пути» привела к расколу радикалов на две группировки. Первая – *Джама'ат аль-'узла аль-шу'урийа* («Общество духовного отрешения») полагала, что страна находится в состоянии неверия *куфр,* однако ее члены предпочитали скрывать это убеждение и одновременно наращивать свое влияние в обществе. Вторая – *Джама'ат аль-муслимин* («Объединение мусульман») не только считала Египет обществом гяуров, но и проповедовала исход с целью построения нового, истинно исламского общества, а затем возврат для покорения вероотступников. Египетская пресса дала этой группировке название *Такфир ва аль-хиджра* («Обвинение в переходе от правоверия к неверию и бегство от зла»), которое за ней закрепилось больше, чем первоначальное название.

Такфир ва аль-хиджра (*Джама'ат аль-муслимин)* была основана в 1971 году Шукри Мустафой, бывшим членом «Братьев-мусульман» из города Асьюта. Мустафа находился в тюремном заключении с 1965 по 1971 годы, где и воспринял идеи Сейида Кутба. *Такфир ва аль-хиджра* категорически отвергала все четыре признанные в суннизме *мазхаба.* Своих адептов она рекрутировала в основ-

ном в Верхнем Египте, а также в Каире и Александрии, и стала единственной группой, принимавшей к себе женщин. Шукри Мустафа был арестован и казнен в 1978 году после того, как его организация похитила и затем убила Шейха Мухаммеда ад-Дахаби, исполнявшего обязанности министра по религиозным делам в 1975–1976 годах. За этим последовала дезинтеграция группы, и ряд ее членов присоединился к *Джама'ат аль-джихад* («Общество джихада») – группировке, существующей по сей день.

Во многом схожими с Шукри Мустафой, были Мухаммед 'Абд аль-Салям Фарадж и Карам Мухаммед Зухди, основавшие отделения *Джама'ат аль-джихад* в Каире и в Верхнем Египте в 1979 году. По согласованию с ними, 6 октября 1981 года молодой лейтенант Халед аль-Истанбули совершил покушение на президента Садата, которое должно было стать сигналом к началу исламской революции.

Идеология группы была разработана 'Абд аль-Салямом Фараджем в 1982 году в книге «Аль-Джихад: аль-фарида аль-гаиба» («Священная война: игнорируемая обязанность»), в которой он определил джихад как вооруженную борьбу, не менее важную и обязательную, чем пять столпов ислама[31]. *Джама'ат аль-джихад* принимала все четыре *мазхаба*, что расширяло ее возможности в привлечении сторонников. На пятничных молитвах в ряде «частных» мечетей группа успешно рекрутировала в свои ряды государственных чиновников, военных, членов президентской охраны, военных разведчиков, журналистов, ученых, студентов[32]. Не откладывая час вступления в борьбу, члены группы создали четкую организационную структуру, состоявшую из центрального аппарата, отвечавшего за общую стратегию, и консультативного совета (*маджлис аш-шура*) из десяти человек. Его возглавлял небезызвестный слепой шейх 'Омар 'Абд ар-Рахман из Асьютского отделения университета Аль-Азхар[33].

Корни еще одной группы, *Аль-Джама'а аль-исламийа* («Исламская группа»), ответственной за подавляющее большинство террористических актов, совершенных в 1980–90-е годы[34], уходят к исламским студенческим ассоциациям начала 1970-х годов. Широко известно, что эти ассоциации были организованы при президенте Садате, желавшем, как уже отмечалось выше, создать исламский противовес влиянию насеристов и марксистов. Однако, отмечает Кирк Битти, подлинная роль Садата в поощрении исламских студенческих ассоциаций определена не до конца. Так, Сейид Мар'ей, парламентский спикер времен Садата, свидетельствует, что идея создать такие ассоциации принадлежала секретарю по организационным делам Арабского социалистического союза (АСС) 'Усману Исмаилу, и Садат даже разгневался, узнав об осуществлении этой инициативы. Другой спикер садатовского периода – Суфи Абу Талиб – утверждает, напротив, что Садат одобрил такой почин[35]. Между тем, по свидетельству Камаля Сейида аль-Хабиба, одного из лидеров *Джама'ат аль-джихад* в 1980-е годы, «отнюдь не власти создали исламистов», а само его, Кемаля,

«поколение, воспитанное на идеях насеризма, узнало, что реальность далека от того, чему нас учили, и нам понадобилось другое решение. Университеты были лишь местом, где изменение в общественном сознании выражалось наиболее рельефно. Когда власти обнаружили [движение] исламского возрождения, они постарались использовать нас в противовес левым»[36].

В пользу подобной точки зрения недавно высказался заметный представитель исламского политического движения в Египте, адвокат Мунтасир аз-Зият. Он вступил в круг людей, близких к группам *Джама'ат аль-джихад* и *Аль-Джама'а аль-исламийа*, в начале семидесятых, еще будучи студентом юридического факультета Каирского университета. В 1981 году Аз-Зият был в числе тех, кого арестовали в связи с убийством президента Садата. Он был обвинен в причастности к созданию *Джама'ат аль-джихад*, но затем оправдан и отпущен на свободу. Сразу же после освобождения Аз-Зият начал принимать активное участие в судебных процессах, защищая видных деятелей исламского движения. На протяжении 1980 – 90-х годов он являлся главным адвокатом группы *Аль-Джама'а аль-исламийа* и оказывал помощь адвокатам, защищавшим представителей *Джама'ат аль-джихад* и «Братьев-мусульман». При этом в девяностых работа Аз-Зията была осложнена непримиримой позицией властей по отношению к лидерам исламских групп. В январе 2001 года аз-Зият переселился в Катар[37].

Аз-Зият так описывает свое первое соприкосновение с исламским студенческим движением исламской ориентации: «В начале учебы на факультете в моей жизни произошло важное изменение. Я посетил исламское собрание, на которое меня пригласил мой брат Ахмад аз-Зият, раньше меня начавший путь в этом направлении. Заседал ряд избранных ученых, публицистов, студенческих лидеров... Собрание потрясло меня, после него мои взгляды переменились. Я покинул его, обладая новой философией, о сути которой лучше всего говорит формулировка, появившаяся спустя несколько лет после этого: "Ислам – это решение". Самым важным для разума и сердца стало следующее: 1) общество переживает новую эпоху *джахилии* [доисламского невежества], отвернувшись от законов Всемогущего; 2) обществу необходимо для выхода из подчинения насилию, из состояния разгрома, постигшего Египет в июне 1967 года, вернуться к исламскому наследию и обратиться к своей исламской сущности»[38].

Сперва деятельность религиозных студенческих ассоциаций была в основном сфокусирована на соблюдении в университетах исламских бытовых и этических норм: здесь критиковали проведение вечеринок, убеждали девушек покрывать голову, а мужчин – отращивать бороду, настаивали на специальном перерыве в занятиях для молитвы и т. п. Влияние исламистов на студенчество быстро росло, и они методично продвигались в расширении своих требований.

Следует добавить, что пребывание изгнанного иранского шаха в Каире подливало масла в огонь, став еще одним поводом для поношений в адрес Садата со стороны крепнущей исламской оппозиции, поднявшей голову в конце семидесятых. Так, в крупном г. Асьют весной 1980 года прокатились студенческие манифестации под лозунгами «Шах – вон из Египта!», «Садат – Фараон!». Аналогичные митинги провели студенты Аль-Азхара и Каирского университета.

Все это не могло оставаться незамеченным, а возраставшая критика со стороны исламистов в адрес президента Садата вынудила его распустить Общий союз египетских студентов (ОСЕС) в мае 1979 года, запретить деятельность религиозных студенческих ассоциаций, а затем, в сентябре 1981 года, арестовать значительное число их членов. В начале 1980-х годов среди активистов студенческих ассоциаций наметились два течения: первое (в Каире и Александрии) примкнуло к «Братьям-мусульманам», а второе (в Верхнем Египте) наладило сотрудничество с *Джама'ат аль-джихад* и *Аль-Джама'а аль-исламийа*.

История способна повторяться. Президент Мубарак, как и до него президент Садат, начал свое правление, осторожно демонстрируя готовность идти на компромисс с оппозиционными силами и – одновременно – сдерживая их претензии. Мубарак, которого еще не принимали в арабских столицах и который подобрал упавшую корону, остро нуждался в прочной политической основе для того, чтобы пережить переходный период. На свободу были выпущены многие члены «Братьев-мусульман» во главе с их верховным наставником 'Омаром Тильмисани. Так же, как и Садат после «исправительного движения» 1971 года, Мубарак предложил ассоциации сотрудничество по вопросам, представляющим интерес для обеих сторон. Этот распространенный прием был призван доказать, что новый лидер отличается от предшественника[39]. Но, идя здесь по его стопам, Мубарак провел четкое разграничение между принятием «Братьев-мусульман» де-факто и признанием их де-юре[40].

Подобно тому, как это было в первой половине семидесятых, в восьмидесятые годы «Братья-мусульмане» приняли предложенные условия и начали действовать без легального статуса, печатая книги и брошюры и налаживая широкую сеть социальной помощи по всей стране. 'Умар Тильмисани приветствовал политику нового президента, отметив, что Мубарак – это «тот, кто принесет в Египет демократию»[41]. Выгода Мубарака, готовившегося к парламентским выборам, заключалась в том, что договор с «Братьями-мусульманами» сокращал численность вражеского лагеря. Религиозные радикалы оказывались за рамками основного исламского течения, и применение карательных мер против них было поэтому легитимировано.

Толерантность Мубарака в отношении «Братьев-мусульман» покоилась на двух основных условиях. Во-первых, Мубарак был уверен, что его стратегия кооптации приведет к тому, что «братья» не

станут переступать порог допустимой политической активности. Во-вторых, он ожидал, что депутаты Народного собрания от «Братьев-мусульман» будут оказывать безусловную поддержку инициативам Мубарака и вместе с депутатами НДП голосовать «за» по важным законодательным вопросам. И действительно, в 1988 году «Братья-мусульмане» публично поддержали намерение Мубарака переизбраться на новый шестилетний срок[42].

С кончиной в 1986 году ‘Омара Тильмисани и приходом нового верховного наставника «Братьев-мусульман» Хамида ан-Насра характер взаимоотношений между режимом и «братьями» не претерпел значительных изменений. Напротив, ан-Наср выступил с заверением, что, пока правящий режим в принципе соглашается с идей постепенного внедрения принципов шариата, «Братья-мусульмане» готовы проявлять терпение и ждать полного торжества шариата от будущих времен. По словам ан-Насра, все, что они «просят от властей, – это объявить, что те согласны ввести шариат. Его непосредственное применение может быть начато постепенно»[43].

До тех пор, пока не обсуждалась конкретная дата введения шариата, Мубараку нетрудно было давать обещания на это счет. Что касается вооруженных исламских радикалов, то в борьбе с ними применялись и применяются самые жесткие меры. Однако только за счет таких мер избавиться от проблемы терроризма египетские власти не в состоянии. Религиозные радикалы оставались непокорными, а власти ужесточили контроль за общественными институтами, введя постоянное наблюдение полиции и Центральных сил безопасности (*Куват аль-’амн аль-марказийа*) за университетами, где в студенческих ассоциациях были сильны позиции радикального исламского крыла.

В 1998 году группировки *Джама‘ат аль-джихад* и *Аль-Джама‘а аль-исламийа* объявили о том, что теперь они намерены воздерживаться от применения насилия. Однако происходящее в их среде дробление на более мелкие формирования может означать, что не все они будут в дальнейшем придерживаться этой позиции. Вероятность раскола на радикалов и умеренных, подобного тому, который произошел у «Братьев-мусульман» в конце 1960-х – начале 70-х годов, очень велика. В любом случае, создается вполне обоснованное впечатление, что чем чаще проводятся спецоперации для уничтожения исламских радикалов, тем больше людей вступает в их ряды и – как следствие – возникают новые, еще никому не известные и глубоко законспирированные радикальные организации. Так, террористическая атака, унесшая жизни 58 туристов в Луксоре в ноябре 1997 года, была осуществлена никому не известными студентами из Асьютского университета, которые не имели никаких руководителей, кроме самих себя, действовали на свой страх и риск.

Данные социологических исследований показывают, что недовольство существующим порядком и враждебность по отношению к государственным структурам охватывают все больше молодых египтян, толкая их на акции экстремистского характера. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в ряды радикального исламского крыла вливаются все менее образованные люди. Кроме того, заметно увеличение среди них удельного веса жителей бидонвилей – трущоб на окраинах крупных городов.

Таблица 2

Социальный портрет египетских вооруженных исламистов* в 1970–90-е гг.[44]

	1970-е	1980-е	1990-е
Возраст			
Младше 20 лет	5	11	23
20–25 лет	28	31	48
25–30 лет	61	53	24
Старше 30 лет	6	5	5
Уровень образования			
Начальное	2	5	9
Среднее	8	12	29
Выпускники колледжей	11	24	42
Высшее (college and postgraduate)	79	59	20
В т. ч. престиж. вузы, напр. медицинский	51	27	11
Место жительства			
Деревни	0	7	18
Бидонвили (*‘ашуа’ийат*)	8	16	36
Малые и средние города	37	43	31
Крупные города	55	34	15

* За 100% принято зарегистрированное число убитых, раненых и арестованных вооруженных исламистов.

Обращает на себя внимание география распространения вооруженных исламских групп. Как отметил профессор Ма‘амун Фанди, большинство тех, кто был осужден в связи с убийством президента Садата, оказались южанами – жителями *Са‘ида* (Верхнего Египта) или выходцами оттуда[45]. Это особенно бедный регион, где властям не удается наладить эффективный полицейский контроль, поддерживать на приемлемом уровне систему государственного соцобеспечения и социальных гарантий и где традиционные институты обладают большим влиянием. Ради соблюдения хоть какого-то порядка каирское правительство вынуждено полагаться не столько на гражданский кодекс, сколько на местные (Верхнего Египта) обычаи и местных «авторитетов». Замечено, что для *Са‘ида* характерен особый тип поведения, который одобряет возмездие за ущерб, причиненный семье или общине. Практика вендетты, которую внешний наблюдатель может назвать беззаконием, в глазах местных жителей

является более надежным методом решения конфликтов, чем обращение к медлительной и коррумпированной судебной системе[46]. Более того, жители южных деревень считают позорным обращаться в полицию или суд для решения своих споров[47].

В такой атмосфере трудно восстановить законность и порядок, используя лишь карательные инструменты. Тем более трудно сделать это, если население находит в религиозных организациях ту защиту, которую ему не в состоянии дать государство. Забота о социальных нуждах – один из основных видов деятельности исламистских групп, которые заполняют вакуум, возникший из-за неспособности правительства оказать помощь населению. Одной из главных причин популярности исламистских групп является повсеместно предоставляемые ими недорогие и доброкачественные услуги – как в северной части страны, где перенаселение, рост городской бедноты и отмена субсидий (см. главу I) ухудшили материальное положение многих семей, так и в исторически отсталом южном Египте.

В обеих частях страны (южной и северной) местные «авторитеты» и организованные группы были вынуждены заполнять социальный вакуум. В результате нефтяного бума в 1970-х годах египтяне, работавшие в странах Персидского залива, стали зарабатывать неслыханные прежде суммы денег и вкладывать их в проекты по оказанию услуг (благотворительных, ссудных, медицинских), в создание предприятий мелкого бизнеса у себя на родине. В то же время правительство выглядело все более недееспособным или не желающим обратить внимание на нужды населения.

Очевидно, что египетский режим до сих пор не полностью осознал многоликий феномен исламизма, появление которого свидетельствует о социальном кризисе, усугубленном периодическими спадами в экономике и нерешенными политическими проблемами.

Применение паллиативных мер одновременно с использованием полного набора средств принуждения не смогло устранить проблему религиозного радикализма. Представляется, что основной причиной этого является неспособность побороть фундаментальные факторы: бедность, недостаток жилья, моральную деградацию, высокую степень коррупции.

Поскольку Мубарак, как в свое время Насер и Садат, озабочен необходимостью постоянной консолидации личной власти, он использует проблему религиозного радикализма в качестве предлога. Акцентируя внимание на опасности, исходящей от вооруженных исламистов, Мубарак добивается увеличения иностранной помощи. Одновременно он выставляет религиозный радикализм как опасность, угрожающую не только ему лично, но и египетскому обществу в целом. Мубарак использовал радикалов как косвенное средство кооптации секуляристской оппозиции. Еще в 1982 году, обращаясь к представителям политических партий, он предупредил: «Прежде чем убить меня, фундаменталисты убьют вас»[48].

Меры, примененные Мубараком в 1980-х годах, помогли ему консолидировать власть, однако в долгосрочной перспективе не смогли решить проблему взаимоотношений с исламским движением. Тактический характер первоначальных актов примирения и попыток приспособить «Братьев-мусульман» к политической жизни стал особенно заметен в начале 1990-х годов, когда режим предпринял широкомасштабное наступление на позиции «братьев». Потеря надежд, которые они питали в отношении Мубарака («того, кто принесет в Египет демократию»), постепенно привела их к разочарованию **в** существующей политической системе. Продолжение сотрудничества с режимом стало рассматриваться «Братьями-мусульманами» как порочащее репутацию подлинных поборников «исламской альтернативы». Важнейшим фактором углубления противоречий между ними и властями стали впечатляющие результаты общественно-политической деятельности «Братьев-мусульман».

3. Деятельность исламского движения в политических структурах, НПО и синдикатах

Египетская пресса и специальные социологические исследования показывают, что крупные ассоциации и группы исламской направленности оказывают значительное влияние на разнообразные общественные организации Египта и пытаются внедриться в профсоюзы. Особенно благоприятным полем действия для представителей исламского движения являются неправительственные организации (НПО). Между тем Египет отличается необычайно бурным развитием такого вида структур, которых насчитывается около сорока тысяч[49].

Существует точка зрения, согласно которой египетские неправительственные организации выступают как альтернатива партиям легальной оппозиции, нередко аморфным, не способным к самостоятельным, реальным действиям. В таком случае НПО могут рассматриваться как фактор развития гражданской инициативы, предполагающей позитивную социально-политическую активность индивида.

По мнению других аналитиков, в широком распространении НПО выразилось возрождение традиционных, знакомых еще по османским временам сословно-профессиональных корпораций, которые начали свою вторую жизнь в период господства однопартийной системы. И тогда налицо явление «превращенных социальных форм» (М.Мамардашвили), свидетельствующее скорее об архаизации общественных связей, чем о качественно новом, современном этапе их развития. Многие ассоциации на деле оказываются под контролем государства[50].

За последние двадцать лет коллективный социальный портрет таких респектабельных профессиональных объединений, как ассоциации (*никабат*) инженеров, преподавателей вузов, юристов, врачей, фармацевтов, сильно изменился. Традиционно эти профессии получали выходцы из высших слоев египетского общества, из тех

немногих семей, которые могли нести расходы, связанные с получением высшего образования, а также из семей привилегированных офицеров и высокопоставленных государственных чиновников. Председатели соответствующих профессиональных ассоциаций назначались на эти должности государством и впоследствии зачастую занимали важные посты в правительстве.

Благодаря введению бесплатного высшего образования (1962 г.) к восьмидесятым годам в среде специалистов оказалась значительная прослойка выходцев из более широких социальных слоев[51]. Новый инженер, юрист или врач мог теперь быть выходцем из менее обеспеченной семьи и, как правило, более религиозным и консервативным человеком. У него имелось гораздо меньше необходимых в обществе связей, чем у его старших коллег. Если в шестидесятые и отчасти семидесятые годы получение высшего образования гарантировало неплохую работу со стабильным заработком и возможностью карьерного роста, то с середины 1970-х годов (и чем дальше, тем чаще) университетские выпускники обнаруживали, что почти все места в государственных учреждениях уже заняты. Образовательная система производила гораздо больше специалистов, чем требовалось для неповоротливой египетской экономики[52].

Новому среднему классу мало что досталось, кроме дипломов об окончании престижных факультетов. Дипломы не могли принести достаточно средств для того, чтобы устроить даже скромную свадьбу, обеспечить семью мясом или покрыть расходы короткого отдыха на пляже в Александрии. В то же время многие из широко разделяемых в египетском обществе моральных и этических принципов, таких, как идея социальной справедливости (*‘адаля*), освященная авторитетом Корана и являвшаяся краеугольным камнем идеологии насеризма, были подорваны из-за безудержного, вопиющего роста богатств бизнес-элиты (так называемых египетских «жирных котов»), происходившего во время политики «открытых дверей» Садата и продолжающегося при его осторожном наследнике Мубараке.

«Братья-мусульмане», постепенно заполнявшие руководящие должности в профессиональных ассоциациях, были готовы доказать «потерянному» поколению, что оно не должно довольствоваться тем малым, что может предложить ему государство. Исламисты смогли дать надежду людям (интеллигенции, служащим, лицам свободных профессий), учитывали их материальные и духовные потребности. Они умело использовали свой первый завоеванный на выборах плацдарм в профессиональных ассоциациях, создав широкий спектр разнообразных видов социальной помощи, защищая интересы членов ассоциаций.

Никакой аспект повседневной жизни, в котором исламские организации оказывали содействие – дополнительные пособия по беременностям и родам, денежный фонд для молодоженов, увеличение пенсионных выплат, помощь с жилплощадью, покупкой товаров, недорогие по-

ездки в отпуск, – не был лишь обычной мирской помощью. Все это подавалось в исламской «упаковке», подчеркивалось, что только исламская власть способна проявлять заботу о каждом египтянине.

Некоторые виды помощи носили открытый религиозный характер, например субсидированный *хадж* в Мекку или беспроцентный кредитный фонд[53].

В 1980-х – начале 90-х годов профессиональные ассоциации стали более свободной ареной для обсуждения социально-политических проблем, чем политические партии. Особенно важно отметить, что обстановка на выборах в руководящие органы ассоциаций (обычно это – советы) оказывалась гораздо более демократической, чем на выборах в Народное собрание АРЕ и тем более – на президентских референдумах (см. главу вторую). Активисты исламского движения, в первую очередь «братья-мусульмане», побеждали в честной и открытой борьбе за руководящие посты в профессиональных ассоциациях адвокатов, врачей, инженеров, преподавателей вузов, умело используя традиционно низкую активность их членов на выборах (обычно голосуют от 5 до 20%) и мобилизуя всех своих сторонников. Проведя своих первых кандидатов в советы в начале 1980-х годов и укрепившись в них к 1987 году, они одержали новые крупные победы в 1992 году. Об этом свидетельствуют данные Центра политических и стратегических исследований Аль-Ахрам, характеризующие состав руководства в пяти наиболее крупных (из 32) египетских профессиональных ассоциациях (см. таблицу 3).

Таблица 3

Исламисты в советах некоторых профессиональных ассоциаций АРЕ в 1995 г.[54]

Профессиональные ассоциации (*никабат михнийа*)	**Общее число членов совета**	**Исламисты в советах ассоциаций**
Ассоциация адвокатов (1912*)	25	18
Ассоциация врачей (1930)	25	20
Ассоциация инженеров (1946)	61	45
Ассоциация фармацевтов (1949)	25	17
Ассоциация преподавателей вузов (1951)	25	17

* Год создания ассоциации

И все же успех сторонников исламского движения объясняется не только и не столько детально продуманной и эффективно реализуемой ими электоральной стратегией, но, главным образом, позитивными сдвигами, произошедшими при них в профессиональных ассоциациях. Например, с 1985 по 1994 гг. совокупная заработная плата двухсот тысяч членов *Ассоциации инженеров* выросла в четыре раза. Сумма средств на банковских счетах Ассоциации инженеров увеличилась с 14 млн. ег. фунтов в 1985 году до 170 млн. в 1994 году. Доход от дополнительного налога на все инженерные проекты

в пользу Ассоциации, введенный в 1974 году, но плохо взимавшийся, вырос с тех пор с 15 млн. ег. фунтов в 1985 году до 78 млн. в 1994 году. Доходы от инвестиций за этот же период возросли с 36 тыс. до 20, 7 млн. ег. фунтов[55].

Впервые заняв места в руководстве *Ассоциации адвокатов* в середине восьмидесятых годов, «братья-мусульмане» умело использовали глубокие противоречия внутри Ассоциации и выступили инициаторами введения целого ряда дополнительных льгот для ее членов. Они открыли летние лагеря на морских курортах, где преподавали молодым адвокатам основы религиозной философии и собственную идеологию. Они предоставляли офисные помещения для выпускников юридических факультетов, у которых не хватало средств, чтобы арендовать их самостоятельно; открыли двенадцать клубов в различных провинциях страны; способствовали повышению заработной платы; для адвокатов, не имеющих автомобилей, организовали бесплатный челночный транспорт между отдаленными друг от друга судебными учреждениями Каира. Победа восемнадцати «братьев» на выборах в совет Ассоциации адвокатов в сентябре 1992 года была ожидаемым и знаковым событием – насеристы, коммунисты, члены НДП и Нового Вафда, последние сорок лет до этого управлявшие самой старой и самой близкой к политике ассоциацией, проиграли.

Изменение руководящего состава профессиональных организаций в пользу исламистов происходило в конце 1980-х – начале 90-х годов на фоне активизации вооруженных исламских групп в Верхнем Египте. Находя укрытие в зарослях тростника[56], боевики во время своих вылазок почти ежедневно убивали полицейских в Асьюте, Сохаге и Кене, несколько раз атаковали поезда, туристические автобусы, а также прогулочные корабли на Ниле, поставив под угрозу трехмиллиардную прибыль Египта от туристического бизнеса. Ряд громких терактов, включая неудачное нападение в ноябре 1993 года на премьер-министра ‘Атефа Сидки, был совершен в Каире. Для «осажденного» правительства деятельность членов исламского движения в профессиональных ассоциациях была незначительным раздражителем по сравнению с угрозой, исходившей от террористов. Однако в конце концов своими вызывающими действиями «Братья-мусульмане» навлекли на себя немилость властей.

В октябре 1992 года землетрясение в Каире разрушило множество плохо построенных домов и погубило более 500 человек. В ликвидации последствий землетрясения наибольшую активность проявили профессиональные ассоциации, руководимые членами «Братьев-мусульман». *Ассоциация врачей* создала палаточные лагеря для оказания медицинской помощи и предоставления временного жилья пострадавшим в таких бедных районах, как Сейида Зейнаб, раздавала людям еду, выделила денежные пособия семьям погибших и раненых. *Ассоциация инженеров* организовала инспек-

ционные бригады для проверки технического состояния домов, жители которых боялись возвращаться в свои жилища, и выделяла средства для ремонта.

По сравнению с неустанной работой исламских бригад и организаций специальные государственные комитеты и комиссии выглядели особенно медлительными. Их работа отличалась типичным бюрократизмом, доходящим до абсурда: иногда людей, потерявших удостоверение личности (*битака шахсийа*), не пускали обратно в их дома[57]. Западная пресса подробно информировала о том, как ликвидируются последствия землетрясения. Некоторые репортажи были озаглавлены в духе лозунга «Ислам – это решение», а председатель Ассоциации врачей «брат» ‘Исам аль-‘Арьян стал постоянным гостем на Би-Би-Си. Спустя несколько дней власти ликвидировали палаточные лагеря и распорядились о переводе всех выделенных ассоциациями средств в фонд управляемого правительством Общества Красного полумесяца.

Опираясь на твердую поддержку своих членов и растущую популярность среди населения, представители исламского движения обратились к публичному обсуждению внешнеполитических проблем. Ранее, в 1991 году, Ассоциация инженеров выступала против участия Египта в антииракской коалиции во главе с США. Теперь ассоциации адвокатов, врачей и инженеров организовали комитеты для сбора денег боснийским беженцам и провели несколько демонстраций в поддержку братьев по вере. По инициативе ассоциаций был проведен ряд конференций и семинаров, осуждавших мирные соглашения, заключенные в 1993 году между Израилем и Организацией освобождения Палестины[58]. Это соглашение было крайне важно для президента Мубарака, который собирался стать главным региональным посредником на ближневосточных переговорах, что должно было позволить Египту, озабоченному проблемой лидерства в арабском мире, утвердить свою ведущую роль.

Представляется, что Мубарак был весьма встревожен тем, что профессиональные ассоциации начали действовать как политические партии и, более того, – как вероятная альтернатива его правительству[59]. «Братья-мусульмане», уже контролировавшие значительное число мест в руководстве профессиональных ассоциаций и чувствовавшие себя там как никогда уверенно, начали распространять свою деятельность за организационные рамки профсоюзов. Они провели несколько конференций по поводу нарушения прав человека в египетских тюрьмах. Оказали серьезную помощь людям, пострадавшим от землетрясения, что произвело должное впечатление во всех кругах египетского общества и за рубежом. Стали предпринимать попытки оказать влияние на внешнюю политику Египта.

Победа на выборах в ассоциациях пришла к исламистам слишком быстро, легко, и, как считает американская исследовательница Дженив Абдо, они даже «не полностью осознавали, сколь тревожны

те сигналы, которые … посылали» властям[60]. Участник событий 1993 года, бывший ассистент генерального секретаря Ассоциации инженеров «брат» Абу аль-'Аля Магди признался: «Мы управляли ассоциациями, как политическими партиями. Мы никогда не собирались этого делать. Просто так получилось»[61].

16 февраля 1993 года Народное собрание АРЕ приняло подготовленный правительством закон № 100 «Об обеспечении демократии внутри профессиональных ассоциаций»[62]. Согласно этому закону, выборы в профессиональных ассоциациях передавались под контроль судов (статья 3), что, как казалось правительству, обеспечивало более эффективный контроль за избирательным процессом. Главным новшеством стало то, что отныне для признания выборов состоявшимися требовалось обязательное участие в них не менее 50% членов ассоциации от числа имеющих право голоса. В случае повторного голосования – участие по крайней мере одной трети зарегистрированных избирателей (статья 2).

Однако, как показали выборы в руководство Ассоциации инженеров и Ассоциации врачей, состоявшиеся в 1994 и 1995 годах, условие об обязательной 50 – явке соблюдается, а представители исламского движения все равно выигрывают выборы и занимают большинство мест. Тогда власти прибегли к введению внешнего управления в ряде ассоциаций, отложив там выборы на несколько лет. В случае с *Ассоциацией журналистов*, которая не попала под влияние «Братьев-мусульман», власти настояли в качестве превентивной меры внести в ее устав положение, согласно которому все члены ассоциации должны являться сотрудниками министерства информации. Таким образом был подменен характер ассоциации как общественной организации. Одновременно членство в ассоциации «Братьев-мусульман» стало фактически незаконным и могло явиться основанием для ареста.

Новые выборы в руководство Ассоциации адвокатов состоялись лишь в 2001 году. Это стало возможным благодаря неофициальному соглашению между властями и «Братьями-мусульманами» о том, что последние поддержат правительственного кандидата (насериста) на выборах председателя ассоциации. Кроме того, власти применили тактический прием и объявили о выборах лишь за месяц до даты их проведения. Исламское движение сумело в короткие сроки предложить «национальный список», в который вошли представители других политических течений, в том числе насеристы, представители Либеральной партии и правительственные креатуры, и – как результат – из двадцати мест в руководстве ассоциации девять заняли адвокаты, связанные с организацией «Братья-мусульмане».

Что касается рабочих профсоюзов, объединенных в ЕФТ (Египетскую федерацию труда / *Аль-Иттихад аль-'амм би никабат 'амаль*), то, согласно имеющимся сведениям, влияние исламистов здесь менее сильно. Это во многом объясняется тем, что членами

ЕФТ являются преимущественно рабочие и служащие крупных предприятий государственного сектора, среди которых до сих пор сильна ностальгия по периоду насеризма. Идеологема арабского социализма им понятней и ближе, нежели призывы исламистов. И все же можно утверждать, что исламисты рассматривают рабочие профсоюзы как потенциальную сферу своей деятельности.

Однако и власти сделали выводы из ситуации в профессиональных ассоциациях и теперь стараются не допустить проникновения исламистов в рабочие профсоюзы. В профсоюзной верхушке для них гораздо предпочтительнее иметь пусть значительное, но не решающее представительство насеристов и членов *Тагамму'*, чем «братьев-мусульман».

В целом будет справедливо рассматривать современные рабочие профсоюзы Египта (в отличие от профессиональных ассоциаций) как вотчину государства, контролируемую членами Национально-демократической партии, которые стоят на страже интересов власти, а взамен рассчитывают на укрепление своего личного влияния в обществе, а также на рост личного благосостояния по мере продвижения внутри партийной структуры. Такое же мнение о политике ЕФТ высказано в докладе Госдепартамента США, посвященном экономическому положению Египта. «Египетская федерация труда поддерживает тесные связи с правящей Национально-демократической партией, – говорится в докладе, – и хотя руководство ЕФТ утверждает, что активно защищает интересы рабочих, в целом оно старается не допустить любых форм выступлений против политики правительства»[63].

Члены НДП в руководстве федерации рабочих профсоюзов побуждают рабочих и служащих голосовать за себя или за своих партийных боссов во время выборов в Народное собрание[64]. Использование профсоюзов как инструмента в достижении личных целей членами НДП, с одной стороны, лишает реального содержания профсоюзную жизнь и составляет резкий контраст по сравнению с поведением, которое демонстрируют представители «Братьев-мусульман» в профессиональных ассоциациях. С другой стороны, это же является одной из причин серьезного кризиса самой партии власти, которая существует как «совокупность действий» режима и которая «не является полноценной политической партией с самостоятельной позицией и определенной социальной базой»[65].

При социально-экономических условиях, существующих в египетский «переходный период», рабочего человека трудно привлечь лозунгами рыночной экономики. Но необходимость использовать какую-либо идеологию, которую можно противопоставить исламистской *да'уа*, вынуждает египетские власти прибегать к привычным заверениям о том, что президент и правительство привержены принципу социальной справедливости, и разрабатывать законы, по своему содержанию не многим отличающиеся от действующих законов, принятых еще при арабском социализме[66]. Допустить представите-

лей исламского крыла в руководство профсоюзами означало бы создать большую угрозу стабильности режима, и власти всерьез намерены не дать им не малейшего шанса возглавить рабочее движение. Тем не менее если неэффективность профсоюзов как защитников интересов трудящихся будет все более очевидной, то люди все чаще станут искать решение своих проблем в неправительственных организациях, многие из которых организованы и управляются членами исламского движения.

На публичной арене Аль-Азхара оппозиционные шейхи (нечто вроде «независимых факихов средневековья») выступают по ряду вопросов с критикой правительства, а также против позиций официального «духовенства», которое санкционирует и одобряет (*фетва*) такие шаги, как, например, заключение мира с Израилем в 1979 году или встреча шейха Мухаммеда Саида Тантави, возглавляющего (с 1996 г.) Высший совет мечети Аль-Азхар (*аль-устаз аль-акбар, шейх аль-джами'а аль-азхар*) с главным раввином израильских евреев-ашкенази Исраэлем Мейр Лау в декабре 1997 года. Выступления по таким вопросам, как интифада против Израиля, оппозиция Америке как оплоту мирового зла, находят живой отклик у массы верующих египтян. Это является своеобразной легитимацией оппозиционных шейхов, которые используют ее для того, чтобы внушать умме правильное отношение и к другим вопросам: религиозным, нравственным, бытовым, политическим.

Сходным образом действуют, дабы заявить о себе и привлечь внимание, депутаты Народного собрания от «Братьев-мусульман». Примечательно, что, вопреки ожидавшейся от них постановки кардинальных политических проблем, они выступают по очень конкретным темам, порой даже мелким. Но эффект в обществе от подобных выступлений оказывается настолько заметным, что зарубежным обозревателям, анализирующим египетскую социально-политическую жизнь, приходится удивляться. Возвращение «Братьев-мусульман» в парламент и профессиональные ассоциации указывает на происходящую легитимацию их движения. И даже тот относительно скромный успех, которого они достигли в 2000 году, получив 17 мест (3,7%) в парламенте (хотя в 1995 году у них было всего 1 место), создал новый расклад сил на политической карте Египта.

В отличие от ряда неправительственных организаций мечеть Аль-Азхар и другие мечети, а также коптская церковь не получают никакой финансовой поддержки от правительственных организаций и фондов западных стран. Значительные средства поступают к ним от мусульман и коптов, живущих в Египте и за границей. Коптские организации (включая церковь) получают помощь от коптов, эмигрировавших на Запад, а исламские – от египетских мусульман, живущих в странах Персидского залива, и частично от правительств этих стран. Египетские организации, вовлеченные в какой-либо вид религиозной деятельности, не входят в список тех, кому направляется американская помощь.

Американское агентство USAID (United Sates Agency for International Development), задачей которого является поддержка институтов гражданского общества, считает, что к таковым относятся независимые от правительства организации, действующие вне политической сферы на общенациональном или местном уровне. Египетские профессиональные ассоциации, профсоюзы и политические партии[67] также не получают помощи от USAID. Позиция агентства по вопросу о профессиональных ассоциациях, скорее всего, объясняется представлением ответственных американских чиновников о том, что гражданское общество отличается от так называемого «политического общества» и что организации, составляющие гражданское общество (civic action groups), не должны заниматься политикой (прерогатива political parties).

Однако в Египте и некоторых других арабских странах, где власти существенно ограничивают права граждан, лидеры и активисты профессиональных ассоциаций и профсоюзов рассматривают политическую деятельность в качестве средства борьбы за снятие правительственных санкций. Политизация институтов гражданского общества во многом является продуктом ограничений на политическую деятельность на формальной политической арене, где действуют партии, парламент и т. д. Поэтому не удивительно, что ассоциация «Братья-мусульмане», до сих пор не имеющая легального статуса, использует профессиональные ассоциации как свой политический форпост.

Как отмечает Мустафа Камель аль-Саид, «возможно, для USAID вина профессиональных ассоциаций заключается не в их политической деятельности, а в том, что они вовлечены в *плохую* политику. США рассматривают их как союзников исламистов, их позиция в отношении актов терроризма неоднозначна, они с недоверием и враждебностью смотрят на американские усилия по разрешению палестино-израильского конфликта». Сами эти организации мотивируют свою позицию тем, что, по их мнению, «предлагаемые условия урегулирования несправедливы»[68].

Как уже отмечалось выше, многие египтяне также сомневаются в приверженности «Братьев-мусульман» и профессиональных ассоциаций, которые они контролируют, принципам гражданских свобод. Высказываются серьезные сомнения в том, что «умеренные» исламисты отличаются от «радикальных» исламистов. Аналогичные сомнения, впрочем, можно высказать и в отношении властей, нарушающих права граждан и использующих близкие к практике террора методы борьбы с противниками.

В условиях массовой бедности и коллективного страха перед будущим критика исламистов по адресу существующего режима, скорее всего, будет оставаться легитимной в глазах значительной части населения, тем более, что она представляет сторону, принуждаемую подчиняться, «собаку, побежденную в драке», на стороне которой «правосудие находится всегда лишь теоретически»[69]. Дей-

ствительно, кроме обещаний хорошей жизни для всех в исламской *умме*, представители религиозного движения в Египте не выдвинули ничего, что могло бы доказать их историческую ответственность.

То, что они сумели предложить обществу в форме социальной помощи, вызывает доверие к ним, но не более того. Единственный пока что пример, на котором можно было проверить преимущества «исламской экономики», – это роль исламистов, которую они играли в финансовом секторе до тех пор, пока деятельность исламских банков не была резко ограничена[70].

Введя временную администрацию в профессиональных ассоциациях и отложив на несколько лет выборы в них, режим запер в тюрьмы многих активистов исламского движения, которые готовились участвовать в предвыборной борьбе за парламентские места. Новый этап, ознаменовавшийся успехом семнадцати «братьев» на выборах в Народное собрание в ноябре 2000 года и победой «национального списка», сформированного «Братьями-мусульманами» на выборах в руководство Ассоциации адвокатов в феврале 2001 года, может предвещать их возврат к политической жизни. Бывший председатель Ассоциации врачей, в прошлом – депутат Народного собрания и известный «брат» ‘Исам аль-‘Ариан считает, что на дальнейшее развитие ситуации будут влиять «четыре основных соперничающих фактора»:

(1) Правящая Национально-демократическая партия президента Мубарака и ее союзники, «деятельность которых направляется и координируется египетскими спецслужбами». По мнению аль-‘Ариана, «у этой категории политических попутчиков, наделенной сильным административным ресурсом, нет ни общей программы, ни цели, за исключением одной – встать на пути у исламских деятелей на выборах и ограничить их влияние». (2) Исламское движение – наиболее организованная и пользующаяся наибольшей народной поддержкой организация, имеющая богатый пятнадцатилетний опыт работы в профсоюзных организациях.... (3) Другие оппозиционные силы не представляют серьезной самостоятельной силы и в связи с этим вынуждены координировать свои действия с исламским движением или правящей партией. (4) Не объединенные между собой единой программой независимые кандидаты делят оставшиеся в списках места.

‘Исам аль-‘Арьян констатирует, что в настоящее время «отсутствует сила, способная составить конкуренцию» в профессиональных ассоциациях «сторонникам исламского пути», однако «возникновение новых реалий в условиях глобализации экономики и связанных с ней явлений в значительной степени осложнит их деятельность»[71].

Сторонники исламского движения в профессиональных ассоциациях с 2001 года изменили тактику своих действий. Смысл такого перехода заключается в совместном участии в выборах с представителями легальной оппозиции и проправительственных кругов на основе программы сторонников исламского пути, которая, в соответ-

ствии с замыслом авторов этого маневра, должна стать общей для всех активистов профессиональных ассоциаций.

Одновременно влиятельные фигуры исламского движения дают понять, что готовы вести «конструктивный диалог с властью для определения рамок будущей деятельности, чтобы избежать административного давления» на профессиональные ассоциации «и приостановки их деятельности»[72].

Сам факт состоявшихся выборов совета гильдии адвокатов свидетельствует о том, что властям пришлось понять: вместо тотального запрета популярного движения выгоднее предоставить его активистам ограниченное и контролируемое поле легальной деятельности. Не стоит забывать, однако, что любые попытки управлять исламским движением крайне опасны – хотя бы уже по той логике, на которую указывал Ф. Ницше: если ты вглядываешься в пропасть, то пропасть тоже вглядывается в тебя.

Если представить себе, какой гражданин более всего по душе египетскому государству, то самыми ценными качествами такого гражданина окажутся спокойствие и смирение. Далеко не всем он может быть доволен, но пусть он доверяет своему правительству. Неважно его социальное положение, но важно, что это усердный рабочий, прилежный чиновник, дисциплинированный офицер, порядочный торговец, расторопный бизнесмен, лояльный депутат парламента. Он тот, кто согласен на социальный контракт, предлагаемый ему государством, он не спорит с ним, не выступает со своей инициативой. Казалось бы, что тут нового? Таких государств много, авторитаризм, управляемая демократия – не новость. И все же есть что-то особенное в объекте нашего, так сказать, «case study».

Индивидуумам и группам египетского общества тесно в принудительно навязываемых рамках. Кто-то желает установить исламский порядок, другие стоят за порядок светский, но отвечающий национальному духу, третьи – за светский на западный манер. До поры до времени власть терпит эти группы и пытается ими управлять, делая уступки и вызывая при этом болезненную реакцию у сторонников других «путей». В нужный момент она сталкивает идеологических оппонентов друг с другом (например, исламистов с насеристами). Но правительство готово играть в эту игру лишь до тех пор, пока не видит в имеющихся альтернативах реальной мобилизационной силы и пока оппозиционные политические лидеры не переходят «разумных» границ. Если они начинают исследовать чувствительные и противоречивые общественные проблемы и предавать полученные результаты огласке (как сделал Саад ад-Дин Ибрахим и его научный Центр имени Ибн Халдуна), или если они открыто заявляют западным корреспондентам о том, что независимы от центрального правительства (как заявлял Шейх Габер), то власти считают себя вправе отвечать силой. Наказаны и те, кто покушался на жизнь туристов или полицейских, и те, кто утвер-

ждал, что «ислам – это решение». Ученый-социолог получает семь лет тюрьмы, а социальная антропология называется лженаукой и отныне приравнивается к подрывной деятельности.

Са'ад ад-Дин Ибрахим, профессор Американского университета в Каире и директор Центра имени Ибн Халдуна, – ученый с международной известностью. Его труды об исламистах, коптах, маргинальных слоях общества занимают видное место, переиздавались за рубежом. Накануне последних парламентских выборов он предстал в качестве обвиняемого на громком судебном процессе, продолжавшемся с июня 2000 по май 2001 года. С. Ибрахим был приговорен к семи годам заключения по обвинению в злоупотреблении финансовыми средствами возглавляемого им независимого исследовательского общества, в подделке избирательных бюллетеней, в нарушении порядка получения иностранных грантов, а главное – в том, что он, очернив образ страны, «возвел хулу на Египет». На процессе судили лично С. Ибрахима и его коллег, но доминирующим мотивом в обвинениях было определение самой социальной антропологии как «лженауки» и шпионской деятельности[73].

«Государство в государстве» не один год существовало в Мунире аль-Гарбийа, части каирского района Имбаба, находящейся неподалеку от президентского дворца, по другую сторону реки Нил. Власти знали, что этот городской район площадью в 21 кв. км им не подконтролен, полицейские не заходили в него, потому что их туда не пускали. Местный теократический «государь» Шейх Габер и его окружение, состоящее из испытавших духовное возрождение бывших наркоторговцев и уличных бандитов, собирало налоги, устанавливало собственную версию исламского порядка и закона. Но как только этот лидер заговорил публично, дав интервью журналу «Newsweek» (кстати, в этом журнале иногда публикуется и президент Мубарак) и обратившись к зрителям телеканала «CNN», власти не смогли стерпеть позора и направили четырнадцать тысяч солдат и сто единиц боевой техники для «восстановления конституционного порядка» в непокорной Имбабе.

Если бы не вмешательство международных СМИ, то порядок, установленный исламистами в крупном столичном квартале, можно было бы терпеть и дальше. Ведь он не противоречил общей модели патерналистского подхода к управлению страной. Это был один из кругов общественной организации: там спокойно и тихо существовали социальные маргиналы, половина из них – беглецы с юга, приехавшие в столицу за счастьем, которого нет. «Государство в государстве» – лишь один, явный пример удобного для властей способа организации тех, кого само оно напрямую контролировать не может. Поэтому не вызывает удивления пассивность избирателей, проявляемая ими на парламентских выборах и на президентском референдуме.

Государство, во всяком случае нынешняя власть, в этом не виновата. Как удовлетворить большинство (всех – невозможно) и вы-

брать правильную стратегию реформ? Наверное, если бы это было возможно, власти провели для каждой социальной группы отдельную программу реформ: для одних приватизацию, для других – национализацию, для третьих – реформы строго по Корану.

Некоторые выводы. Государственная доминанта в экономике Египта находит свое отражение в политической жизни. Государство удерживает над ней контроль. Однако, несмотря на наличие легальной (системной) оппозиции, значительной степени свободы слова, реальным политическим противовесом и потенциальной контрэлитой в Египте является исламское политическое движение. Изучение идеологии, политической стратегии, методов и результатов деятельности представителей исламского движения в Египте позволяет точнее представить степень его неоднородности. Наиболее известная организация – ассоциация «Братья-мусульмане» – не представляет собой источник терроризма и угрозу национальной безопасности. Потенциальную угрозу дестабилизации общественного порядка и экономического развития несет собой глубоко законспирированная деятельность мелких вооруженных групп, возникающих спонтанно, часто в результате идеологических противоречий внутри более крупных групп радикального крыла исламского движения.

Реагирование на эти реальные и мнимые угрозы остается задачей государства, несмотря на то, что оно еще в 1997 году заявило о победе над террористами. Другим направлением деятельности государственных органов является ограничение доступа представителей исламского движения на политическое поле: в парламент, в профессиональные ассоциации и профсоюзы, к средствам массовой информации.

Прослеживается определенная эволюция: если в начале 1980-х годов «Братья-мусульмане» использовали предвыборные альянсы с известными крупными партиями, даже с традиционно светскими вафдистами для завоевания своего представительства в парламенте, то в 1995 и 2000 годах основной формой их участия в предвыборных кампаниях стало вынужденное выдвижение кандидатов по категории «независимых». В 2001 году исламское движение перешло к тактике участия на выборах в руководство профессиональных ассоциаций совместно с другими политическими силами на основе программы сторонников исламского пути. Кандидаты от исламского движения, участвующие в выборах (как в Народное собрание, так и в профессиональные ассоциации) получают всестороннюю поддержку со стороны ассоциации «Братья-мусульмане», которая обладает высоким мобилизационным потенциалом, отличается слаженной организацией и эффективной работой среди населения.

Наконец, ныне действующая египетская конституция представляет собой образец смешения идеологических установок и организационных принципов, восходящих к разным тенденциям прошлых лет. Нынешнюю исполнительную ветвь власти устраивает эклектизм

основного закона. Рамки конституции обеспечивают президенту центральное место в политическом и государственном механизме АРЕ и самые широкие личные полномочия, усиленные действующим законом о чрезвычайном положении. Уклоняясь от вопроса о поправках к конституции или о принятии новой конституции, исполнительная власть имеет возможность маневрировать и готова при необходимости изменять существующие законодательные акты для сохранения контроля за политическим развитием египетского общества и для влияния на духовную сферу.

---

[1] См., напр.: *Bixler M.* Egypt is a seedbed of terror, some experts say // Atlanta Journal-Constitution – Oct. 29 2001.

[2] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. – Summer 1993. – Vol. 72. – Nov. 3. – С. 31, 39, 48–49.

[3] *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Shuster, 1996. – С. 245, 257–258.

[4] *Pipes D.* In the Path of God: Islam and Political Power. – New York: Basic Books, 1983.

[5] См., напр.: *Weaver M.* A Portrait of Egypt: A Journey Through the World of Militant Islam. – NY: Farrar Straus & Giroux, 1998. Работа представляет собой повествовательный рассказ о мусульманском экстремизме в Египте. Автор оставляет без внимания весь остальной спектр исламского движения; *Бабкин С.* Движения политического ислама в Северной Африке. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – С. 37–92. В работе содержится описание основных идеологических установок и структуры известных исламистских организаций Египта, а также детальная хронология их деятельности. Основное внимание автор уделяет акциям террористического характера; *Аз-Зият М.* Аль-джихад калима (Джихад это Глагол), [Каир] , Хулуд ли ан-нашр ва ат-танзи‘а, 1999. В этой книге египетского адвоката Мунтасира Аз-Зията, защищавшего многих исламистов на судебных процессах, характеризуются личные качества известных представителей исламских организаций Египта и подробно рассказывается об их деятельности; Фулуль аль-ирхаб // Мубарак ва ’амн мыср 1997, Каир: Дар аль-хиляль, 1997, С. 31–46. Пропагандистское издание информационного отдела Министерства внутренних дел Египта (кыта‘а аль-‘илям ва аль-‘алякат би визара ад-дахилия), освещающее борьбу служб МВД с терроризмом. В тексте ни разу не упоминается о религиозных мотивах терактов.

[6] *Сизов А.* Правоверные фанатики // Независимое военное обозрение, 17 ноября 2000. – С. 2.

[7] *Фальков М.* На пути к московскому халифату // Независимое военное обозрение, 11 мая 2000. – С. 2.

[8] Напр., см.: *Рашван Д.* Аль-джама‘ат аль-исламийа аль-мысрийа ва аль-истикрар ас-сиясий (Египетские исламские группировки и политическое урегулирование) // Аль-Маджалля. – 16 марта 1993. – С. 24–28.

Адекватный и лаконичный перевод выражения: *ат-тавакkуф ва ат-табайун* затруднителен. Существуют варианты: «остановиться и определиться», «остановиться и разоблачить» и др.

[9] См., напр.: *Sullivan D.J., Abed-Kotob S.* Islam in Contemporary Egypt: Civil Society vs. the State. – Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 1999; *Ibrahim S.E.* The Changing Face of Egypt's Islamic Activism // Egypt, Islam and Democracy. – Cairo: The AUC Press, 1996. – С. 69–79; *Abdo G.* No God but God: Egypt and the Triumph of Islam. – New York: Oxford Univ. Press, 2000; *Yohannes O.* Political Economy of an Authoritarian Modern State and Religious Nationalism in Egypt. – New York: Edwin Mellen Press, 2001.

[10] Так, Наср Абу Зейд, бывший профессор Каирского университета (был вынужден уехать в Нидерланды), в работе «Накд аль-хитаб ад-диний» критиковал способы, при помощи которых религиозные тексты и рассуждения на религиозные темы использовались в политической сфере. Еще в конце 1980-х годов он отмечал, что старая борьба между «мифологией, легендой под маской религии», с одной стороны, и светскими силами – с другой, не закончилась. Он предупреждал, что те, кто пытаются сражаться с ортодоксальным исламом его оружием, считаясь с ним, заимствуя его методы, в надежде подорвать позиции фундаменталистов, обречены на поражение. Такие идеи, как *хакимийа* (верховная власть принадлежит Богу) и *такфир* (обвинение в переходе от правоверия к неверию), двигавшие маргинальные группы, выросли до господствующей тенденции в общественной жизни страны. Шейх Мухаммад Ша'арауи, влиятельный проповедник, звезда государственного телевидения при Садате, сказал, что он молился Всевышнему в благодарность за то, что силы светского египетского государства были побеждены в войне 1967 года. Примерно в то время, когда было сделано это заявление, Абу Зейд (согласно его собственному признанию) осознал, что оружие религии и идеи террористов и экстремистов быстро проникают в политическую сферу (Цит. по: *Ajami F.* The Dream Palace of the Arabs. – NY: Vintage Books, 1999. – С. 215).

Известный египетский агроном и публицист Фараг Фода, пропагандировавший идеалы светской культуры и убитый исламистами 8 июня 1992 г., в своей книге *Кабля ас-сукут* («До падения», 1985 г.) так говорил о политическом исламе: «Я всегда буду считать, что этот новый феномен – политика в наряде религии, а никак не наоборот. Я никогда не устану напоминать вам, что все это подстрекательство к мятежу, *фитна*, и пусть Бог убережет Египет от такой беды» (Цит. по: *Abdo G.*Op. cit. – С. 206).

[11] Елистратова Т.А. Революция 23 июля в Египте как пролог к Суэцкому кризису. – М., 2001 (рукопись). – С. 13.

[12] По имеющимся данным, из 14 членов дореволюционного Исполкома «Свободных офицеров», 10 человек в той или иной степени и в разное время были связаны либо с «братьями-мусульманами», либо с партией «Мыср аль-Фатат», которая с теми же «братьями» смыкалась. Насколько

известно, Халед Мохи ад-Дин принадлежал к членам братства, но в 1947 году вышел из ассоциации, одновременно он состоял в марксистской группе ХАДЕТУ и всю свою дальнейшую деятельность провел под знаком приверженности к этому мировоззрению. Что касается Закарии Мохи ад-Дина, то он ни к каким египетским партиям до революции не примыкал, как и Салах Салем, о партийной принадлежности которого ничего не известно. Эти двое, опуская имя Нагиба, составляли исключение (Елистратова Т.А. Указ. соч. – С. 125; Другие источники).

[13] Сейид Кутб (1906–1966) теоретик и идеолог Братьев-мусульман» в 1940–60-х. Его убежденность в необходимости вооруженной борьбы, *джихада*, против «общества безверия» была, видимо, обострена страданиями, на которые он и другие узники концентрационных лагерей были обречены при Насере. Там Кутб окончательно расстался с надеждами на то, что существовавший режим все же оставался мусульманским. В 1954 году он получил 25-летний срок тюремного заключения. В 1964 году освобожден по состоянию здоровья. Находясь в тюрьме, поддерживал через родственницу контакты с новым руководством ассоциации, которую возглавил престарелый Хасан аль-Худейби. Освобождение С. Кутба оказалось недолгим. После событий августа 1965 года – очередного заговора «братьев», С. Кутба приговорили к смертной казни через повешение за подстрекательство к мятежу. Трибунал возглавлял А. Садат. 29 августа 1966 года приговор привели в исполнение.

[14] На многих фотографиях Садата (не обязательно сделанных в мечети), растиражированных в виде плакатов, отчетливо виден *забииб,* то есть темное пятно на лбу от постоянного, частого соприкосновения с землей (полом) во время молитвы – почетный признак набожности мусульманина. Однако многие египтяне до сих пор полагают, что *забииб* на лбу Садата был нарисованным.

[15] *Орлов В.В.* Суфийские братства в общественно-политической жизни исламского мира (50–90-е годы) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) / Ред. Миронова Г.В. – М.: Крафт + ИВ РАН, 2001. – С. 132.

[16] *Esposito J.L.* The Islamic Factor // Egypt at the Crossroads: Domestic Stability and the Regional Role / *Marr P.*, ed. – Wash. D.C.: National Defense Univ. Press, 1999. – С. 78.

[17] *Beattie K.J.* Egypt During the Sadat Years. – New York: Palgrave, 2000. – С. 118.

[18] Ibid., c. 114.

[19] Осложняющим фактором внутренней жизни страны в период правления Садата стало обострение отношений власти с иерархами коптской церкви. В отличие от бездеятельного папы Кирилла VI (1959–1971), старавшегося держаться в стороне от политики, избранный вместо него в 1971 году папа Шенуда III, тогда еще относительно молодой священник 47-лет и

представитель религиозных «модернистов», взял курс на отстаивание интересов коптов, которые, как он утверждал, составляют около 20% египтян (официальная статистика дает оценку в пределах 5–7%). Далеко идущим предложением папы была его идея назначения двух вице-президентов республики, одного их них копта. Но страсти разгорались прежде всего вокруг проблемы строительства новых церквей, для чего, по остававшемуся в силе османскому декрету, требовалось каждый раз специальное разрешение. Насер к этому относился более либерально, чем Садат, и в конце концов папа санкционировал «нелегальное» строительство. Новые и старые церкви не раз полыхали в результате умышленных поджогов, в ряде городов, в том числе в Асьюте, коптской «столице» Египта, возникали межобщинные столкновения на религиозной почве. Самым мрачным стал эпизод в бедном каирском предместье Завия аль-Хамра (лето 1981 года), когда здесь прошел слух, что христиане намерены разрушить импровизированную мечеть, построенную жителями на спорном участке земли, принадлежавшем копту. Результатом беспорядков были десятки погибших и раненых, полиция арестовала 165 человек. Нервозность в отношениях между египтянами-христианами и египтянами-мусульманами нарастала и под влиянием событий в Ливане, вызвавших там гражданскую войну. Между тем предметом спора между церковью и правительством под конец правления Садата стал поднятый им вопрос о кодификации шариата; дело было поручено комиссии под руководством «политического философа» режима, Суфи Абу Талеба. Речь шла о том, чтобы, обходя некоторые положения шариата (такие, как наказание физическим увечьем за воровство и т.п.), ввести в норму другие постулаты традиционного мусульманского права, которые могли бы распространяться и на коптов, как на египетских граждан. Отдельные законы уже успели составить в этом духе. В том числе одобренный на референдуме 22 мая 1980 года Закон о пороке, который в витиеватой форме требовал от всех граждан поведения, соответствующего мусульманским обычаям («базовым ценностям общества»), а также вменял в преступление пропаганду любых доктрин, «противоречащих божественному учению». Однако общий проект комиссии Суфи Абу Талеба не был доведен до конца, а при Мубараке отложен в сторону. Грандиозный комплекс церковных зданий в стиле модерн, возведенный на каирских холмах (рядом с убогим кварталом коптов– «мусорщиков») и открытый при Мубараке, должно быть, свидетельствует о переменах в его политике в отношении древней христианской общины этой страны; хотя эпизодические вспышки вражды между последователями разных религий образуют постоянный фон, на котором развивалось и действует в Египте движение исламистов. О чем печать неоднократно сообщала в девяностых годах.

[20] Омар ат-Тильмисани (1904–1986) находился в числе «братьев-мусульман», репрессированных в 1954 году, после покушения на Насера, приговорен к 15-летнему сроку заключения, в 1969 году вновь подвергся

непродолжительному аресту. Родился в Каире, в семье алжирского происхождения. В 1931 году окончил юридический факультет Каирского университета и в это время примыкал к вафдистам, с 1936 года – член ассоциации «Братья-мусульмане». В тридцатых начал свою работу в министерстве финансов, от должности судьи отказался. После того, как президент Садат разрешил ассоциации возобновить свою деятельность, становится ее Верховным наставником, или эмиром (аль-амир аль-ʻам), сменив в этой роли Хасана аль-Худейби. Заново открыл издание еженедельника «Ад-Дауа» (Призыв), на страницах которого выступал против секуляризма, мирового «всевластия евреев», разоблачал «крестоносцев», подразумевая как христианский Запад, так и египетских коптов. Подпал под массовые аресты, произведенные Садатом в сентябре 1981 года, через несколько месяцев, с санкции Мубарака, освобожден. В дальнейшем не смог добиться разрешения на легальный выпуск «Ад-Давва», как и на официальную деятельность ассоциации. Призывал к «постепенному» применению шариатских норм к египетскому законодательству, но отрицал насилие и терроризм. Похоронен в каирской мечети. (Goldschmidt A. Jr. Bibliographical Dictionary of Modern Egypt, Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 2000. – С. 213).

[21] Цит по: *Sullivan D.J., Abed-Kotob S.* Op. cit. – С. 45.

[22] См.: *Harik L.* Economic Reform in Egypt. – Gainesville: Univ. Press of Florida, 1997. – С. 7.

[23] Gozlan M. Pour comprendre l'intégrisme islamique. Paris: Albin Michel. – С. 109.

[24] Hamdi M.H. The Politisation of Islam. A Case study of Tunisia. – С. 101.

[25] Цит по: *Sullivan D.J., Abed-Kotob S.* Op. cit. – С. 47.

[26] *Beattie K.J.* Op. cit. – С. 197. Добавим, что привлечение в ряды мусульманских братьев молодежи имело место в первой половине шестидесятых, когда ветераны ассоциации были изолированы, а идея ее возрождения из пепла, видимо, возникла среди «братьев», бежавших в Саудовскую Аравию. Тем временем отношения саудовского королевства с Египтом крайне обострились из-за участия последнего в йеменской войне; поэтому беженцы могли рассчитывать на финансовую помощь Эр-Рияда. Считают, что процесс организационного восстановления ассоциации в основном завершился к лету 1964 года, когда оформилась ее двойная структура: совет руководства (*мактаб аль-иршад*) и пять специализированных групп, занимавшихся сбором информации, покупкой и хранением оружия и т.п. Разбитые на ячейки «братья» проходили трехступенчатую подготовку: идейно-психологическую, физическую, включая полуспортивные занятия, и, наконец, владение оружием и подрывной техникой. (Подробнее см.: Кошелев В.С. Указ. соч. – С. 148–151).

[27] См. об этом подробнее: *Ibrahim S.E.* Streams of Egypt's Islamic Activism // Egypt, Islam and Democracy. – Op. cit.

[28] Кутб С. Ма‘алим фи-ат-тарик. – Бейрут: Дар аш-шурук, 1980. Называя насеровский Египет обществом безверия, автор утверждал, что «Братья-мусульмане» (*аль-ихван аль-муслимун*) представляют собой подлинную общину правоверных и некий «авангард» (*ат-талиа*), который находится в состоянии войны с существующим режимом, поэтому убийства и разрушения, творимые участниками джихада, являются богоугодным делом.

[29] Цит по: *Sullivan D.J., Abed-Kotob S.* Op. cit. – C. 43.

[30] *Beattie K.J.* Op. cit. – C. 198.

[31] Подробнее об идеологии организаций *Джама‘ат аль-джихад* и *Такфир ва аль-хиджра* см., напр.: *Dekmejian R.H.* Islam in Revolution: Fundamentalism in the Arab World. – NY: Syracuse Univ. Press, 1995. – C. 97–101. А также: *Zeidan D.* Radical Islam in Egypt: A Comparison of Two Groups / Middle East Review of International Affairs. – 1999. – Vol. 3. – No. 3. – September.

Об идеологии *Аль-Джама‘а аль-исламийа* см.: *Sullivan D.J., Abed-Kotob S.* Op. cit. – C. 82–86.

[32] В 1980 году в группу вступил, а впоследствии ее возглавил офицер военной разведки ‘Аббуд ‘Абд ал-Латыф Зумур.

[33] В 1981 г. шейх ‘Омар ‘Абд ар-Рахман был обвинен в подготовке правительственного мятежа и находился в тюрьме по 1984 г., затем оправдан и отпущен на свободу, с мая 1989 г. до начала 1990 г. находился под домашним арестом в Файюме (Египет), получил отказ в виде на жительство от властей Саудовской Аравии, выехал в Хартум, откуда по туристической визе в мае 1990 г. прибыл в США, где начал проповедовать в мечети ас-Салям в Нью-Джерси. С весны 1993 г. содержится под стражей за участие в подготовке взрыва во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке. Подробнее о нем см.: *Кириллина С.А., Юрьев С.К.* Шейх Омар Абд ар-Рахман: штрихи к политическому портрету харизматического лидера на арабо-мусульманском Востоке. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 1994. – № 4. – С. 29–42.

[34] О терактах, совершенных в Египте в 1980–90-х гг., см., напр.: *Бабкин С.* Указ. соч. – С. 37–92; *Sullivan D.J., Abed-Kotob S.* Op. cit. – C. 86–89; *Аз-Зият М.* Указ. соч.

[35] *Beattie K.J.* Op. cit. – C. 116–118.

[36] Цит. по: *Abdo G.* Op. cit. – C. 122.

[37] *Аз-Зият М.* Интервью газете «Аш-Шарк аль-Аусат», 18 января 2001. С. 3.

[38] *Аз-Зият М.* Аль-джихад калима (Джихад это Глагол), Хулуд ли ан-нашр ва ат-танзи‘а. – [Каир], 1999. – С. 90.

[39] К 1984 году на свободу вышли многие «одиозные» представители исламского крыла. Некоторые, как в случае шейха ‘Омара ‘Абд ар-Рахмана, были выпущены вследствие не доказанности их вины (См.: *Кириллина С.А., Юрьев С.К.* Указ. соч. – С. 39). Другие, как в случае Аймана аз-Завахири, нынешнего сподвижника Усамы бен Ладена, получили свободу не столько в результате справедливого суда, сколько благодаря покро-

вительству влиятельных родственников (*Raafat S.* Ayman Al-Zawahiri: The World's Second Most Wanted Man // Egyptian Gazette. – 1 Nov. 2001. – Интернет: www.egy.com).

[40] Ассоциация «Братья-мусульмане» по сей день не имеет статуса легальной политической партии. Если официальным представителям египетских властей приходится отвечать на вопрос о причине такого положения, то они могут предложить такой вариант: «Если мы предоставим «Братьям-мусульманам» статус партии, то это ущемит права коптов, которые могут потребовать зарегистрировать христианскую партию» (Слова Реды Ахмеда Шехата, посла Арабской Республики Египет в Российской Федерации. Ответы на вопросы студентов Российского Государственного гуманитарного университета на встрече в РГГУ, Москва, 15 февраля 2001).

[41] Цит по: *Rubin B.* Islamic Fundamentalism in Egyptian Politics. – New York: McMillan Publishers, 1985. – С. 32.

[42] Ibid. – С. 33. Заодно президент Мубарак забыл свои ранние обещания ввести в конституцию лимит переизбраний главы государства, соответствующий демократическим традициям.

[43] Ibid. – С. 34.

[44] *Ibrahim S.E.* Egypt, Islam and Democracy. – Op. cit. – С. 75.

[45] *Fandy M.* Egypt's Islamic Group: Regional Revenge? // The Middle East Journal. – 1994. – No. 4. – С. 607–608. Са'ид – Верхний (или южный) Египет (южнее г. Кена – до границы с Суданом), традиционное историко-географическое понятие.

[46] См., напр.: *Nefissa S B.* The Haqq al-Arab. Conflict Resolution and Distinctive Features of Legal Pluralism in Contemporary Egypt // Legal Pluralism in the Arab World / *Dupret B., Berger M., Al-Zwaini L.*, eds. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – С. 145–172.

[47] *Fandy M.* Op. cit. – С. 611–612.

[48] *Rubin B.* Op. cit. – С. 22.

[49] В случае Египта следует различать профсоюзы, профессиональные ассоциации и неправительственные организации. При этом некоторую сложность создает то обстоятельство, что в Египте одним и тем же словом «*никабат*» называют и профсоюзы – то, что в международной практике значится как Organized Labour, и добровольные общества (по интересам или профессиям), которые в той же египетской литературе, но англоязычной называют «associations». Иногда встречаются расширенные определения «*никабат аль-'амаль*», т.е. рабочие профсоюзы, и «*никабат михнийа*», т.е. профессиональные ассоциации. В этой связи полезно указать на различия, существующие в общественно-политической лексике отдельных арабских стран. Например, в Тунисе ассоциации в отличие от профсоюзов, объединяющих лиц наемного труда, называют не «*никабат*», а «*джам'ийат*». В Сирии же последним термином обозначают кооперативы, тогда как в Тунисе производственные и снабженче-

ско-сбытовые товарищества, которые во множестве создавались здесь в 1960-е годы, было принято называть «*та'аунийа*». Все это следует иметь в виду, чтобы избежать путаницы при переводе, а главное – при социально-политическом анализе.

[50] *Bianchi R.* Unruly Corporatism: Associational Life in Twentieth Century in Egypt. – NY: Oxford Univ. Press, 1989. – С. 161–163.

[51] *Reid D. M.* Cairo University and the Making of Modern Egypt. – Cairo: The AUC Press, 1990. – С. 174–211.

[52] Если в 1960–61 общее количество студентов составляло 107 тыс. человек, то в 1982 году студентами вузов были 480 тыс. человек (Ibid. – С. 176). По другим данным, количество студентов в 1981–82 учебном году составляло 559 тыс. человек. Из них 384 тыс. мужчин и 175 тыс. женщин (См.: *Beattie K.J.* Op. cit. – С. 94).

[53] А.О.Филоник отмечает, что в возрождении исламских финансовых учреждений, в частности в Египте, были «факторы, сделавшие это явление общественно необходимым», потому что обычные коммерческие банки, а равно и соответствующие финансовые учреждения оказались неспособными обслужить ряд социальных групп. (См.: *Филоник А.О.* Исламские банки // Финансовые структуры Ближнего Востока / Филоник А.О., Исаев В.А., Федорченко А.В. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996. – С. 3–86).

[54] *Кындиль А.* Ад-Даур ас-сиясий ли джами'ат аль-масалих фи мыср: дираса халя ли никабат аль-'атыбба' 1984–1995. – Каир: Марказ ад-дирасат ас-сиясийа ва аль-истратиджийа би аль-ахрам, 1996. – С. 16, 34.

[55] Инджазат никабат иль-мухандисиин // Аль-Ахрар. – 26 февр. 1995. – С. 4.

[56] Значение зарослей тростника в Верхнем Египте для тех, кто хочет в них укрыться, можно сравнить с горами, например, Северного Кавказа, где скрываются от армии и федеральных сил безопасности местные сепаратисты. Сахарный тростник – дешевая, но важная для Египта сельскохозяйственная культура. Однако его заросли представляют собой прекрасное укрытие для членов боевых групп исламистов. Правительственные отряды не могут найти в них тех, кого они разыскивают. Не помогают и вертолеты, так как вихрь от них пригибает стебли тростника к земле, еще лучше скрывая людей. Тростник иногда называют «преступным растением». В последнее время власти были вынуждены издать ряд указов, касающихся посевов этой культуры. Теперь поля тростника не должны находиться в непосредственной близости от автодорог, не должны быть слишком обширными, а рядом с ними надлежит сажать лишь низкорослые культуры.

[57] См.: Аш-Шааб. – 23 окт. 1992. – С. 3.

[58] Палестино-израильский мирный процесс получил у исламских радикалов название «продажи Иерусалима», которое фигурировало как в исламистской печати (напр., газете аш-Ша'аб), так и в листовках, распро-

странявшихся во время студенческих демонстраций. Напр.: *Йаум аль-хуррийа ва фарис йабхасу ‘ан балядатихи / Аль-таййар аль-исламий би джам‘аат мыср* (День свободы и рыцарь в поиске своей страны / Листовка исламского «течения» в университетах Египта). – Каир, 1995.

[59] В соответствии с законом о профессиональных союзах и ассоциациях 1964 года и новым – 1995 года этим организациям запрещается заниматься политической и религиозной деятельностью. См.: *Исма‘ил М.А.* Аль-канун ан-никабий (Замечания по поводу закона о профессиональных союзах и ассоциациях). – Каир: Дар ан-наср ли ат-таузи‘а ва ан-нашр, 1993. – С. 105.

[60] *Abdo G.* Op. cit. – C. 99.

[61] Ibid.

[62] Arab Republic of Egypt. Government. Act No. 100 of 1993 to provide Democratic Safeguards for Professional Associacions, 17 Feb. 1993 // Al-Jarida Al-Rasmiah. – 1993. – 18 Feb. – No. 7. – C. 37.

[63] Интернет: sweatshops-retail.org/NRF/20Website/egypt.htm

[64] Подробнее об этом см.: *Kassem M.* In the Guise of Democracy: Governance in Contemporary Egypt. – Reading: Ithaca Press, 1999. – C. 127–135.

[65] *Сейранян Г.А.* Национал-демократическая партия Египта как звено государственного аппарата // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). – Вып. 4 / Под ред. Сейранян Б.Г. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 163, 169.

[66] Таковым является, например, разрабатываемый новый закон о труде. См.: *Аль-Аджруди М.* Ар-раис Мубарак йальтаки би визара’ ва аль-кыйадат ли мураджа‘а машру‘ канун аль-‘амаль аль-муваххад («Президент Мубарак встречается с министрами и руководителями для обсуждения проекта единого закона о труде»).– 24 апр. 2001. – 41778. – Интернет: www.aharam.org.eg/arab/ahram/2001/4/25/EGYP1.HTM

[67] Согласно Закону о партиях 1977 г., политические партии не имеют права получать иностранную помощь.

[68] *Al-Sayyid M.K.* A Clash of Values: U.S. Civil Society Aid and Islam in Egypt // Funding Virtue: Civil Society Aid and Democracy Promotion / *Ottaway M., Carothers T.,* eds. – Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000. – C. 65.

[69] *Yohannes O.* Political Economy of an Authoritarian Modern State and Religious Nationalism in Egypt. – New York: Edwin Mellen Press, 2001. – C. 250.

[70] Подробнее о финансовых достижениях исламских банков см., напр.: *Roy D.A.* The Hidden Economy in Egypt // The Middle Eastern studies. – 1992. – October. – C. 689 – 701.

[71] *Арьян И.* Из истории профсоюзного движения Египта // Современная мысль. – М., 2001. – № 9 (30). – С. 1, 5. [Малотиражная газета одного из российских мусульманских обществ].

[72] Там же, с. 5.
[73] См., например: Cairo Times, 31 May – 6 June, 2001.

КОММЕНТАРИИ

№ 1 Первоначально с просьбами о поставках современной военной техники египетское правительство обращалось к США, и конкретно к госсекретарю Дж.Ф. Даллесу, который в 1953 году посетил Каир. Убедившись в том, что ввиду предстоящего вывода британских вооруженных сил с египетской территории американская администрация не заинтересована в усилении военного потенциала республики, Насер обратился за помощью к СССР и Чехословакии, а также к Польше. В сентябре 1955 года с этими странами были подписаны протоколы о поставках вооружения в обмен на рис и хлопок. Тем самым было положено начало длительному вовлечению Советского Союза в египетское военное строительство. Однако вопреки бытующему мнению, СССР скорее сдерживал, чем поощрял воинственные планы Насера, рассматривая ОАР как стратегического союзника в холодной войне.

№ 2 Развивая североафриканское направление своей политики, Насер в 1954–1955 годах входит в острый конфликт с будущим президентом Туниса, обвинив Бургибу в прислужничестве империализму, когда тот приостановил партизанскую войну на территории своей страны, взяв курс на достижение мирного соглашения с Францией по вопросу о ликвидации режима протектората. Осенью 1955 года, в период действия в Тунисе переходного режима внутренней автономии, Насер безуспешно пытается поддержать внутрипартийных противников Бургибы, которые затем нашли убежище в Каире. Заочная полемика между Насером и Бургибой, не разделявшим идеи панарабизма, продолжалась и после 20 марта 1956 года, когда Тунис получил независимость. Хотя следующий вопрос остался темным, но факты таковы, что тунисское правительство представило доказательство об участии египетских агентов в покушении на Бургибу в 1958 году, за чем последовал разрыв дипломатических отношений между двумя странами. Этот пример лишний раз показывает стремление Каира любыми средствами обеспечить свое региональное влияние, поддерживая за рубежом пронасеровские группировки.

№ 3 Анвар Садат (1918–1981) – сын мелкого служащего и одной из его нескольких жен, суданки по происхождению, до шести лет жил в небольшой деревне провинции Мануфия в Дельте, там же учился грамоте в куттабе – школе при мечети; потом переехал к отцу и его большой семье в Каир. В 1937 году был зачислен в Египетскую военную академию благодаря протекции некоего Ибрагима Хейри-паши, секретаря военного мини-

стра, в чей дом дверь для него раскрылась благодаря английскому доктору, с которым отец Садата когда-то работал переводчиком в Судане. (Начиная с 1936 года был отменен имущественный ценз для поступления в кадеты, но требовалась рекомендация какого-нибудь лица, известного при дворе). Смолоду Садат стремился водить знакомство с людьми из высшего общества, хотя его дружеские связи были самыми разнообразными, а сам он порой оказывался в нужде, зарабатывая на хлеб случайными профессиями. В годы президентства Садат любил подчеркивать свои народные корни и даже выдвинул тезис, что они с Насером якобы символизировали собой в революции союз «феллаха и горожанина».

№ 4. Никто из биографов президента не обошел вниманием то обстоятельство, что, закончив по сокращенной программе, за девять месяцев, военную академию в 1938 году (слушателей срочно призывали в армию), лейтенант Садат втянулся в волну симпатий к державам «оси». Его приключения и аресты до вступления в организацию «Свободные офицеры» были связаны с обвинением в шпионаже в пользу немцев, за что в 1942 году Садат был отправлен в концентрационный лагерь (совершил побег в 1944 году), а позднее – с косвенной причастностью к покушениям на видных лидеров партии Вафд. Последнее стоило Садату двух с половиной лет тюрьмы (1946–1948), в том числе пребывания в одиночной камере, после чего он был оправдан. Между тем свое поклонение перед Гитлером он не скрывал и позже. Например, в 1953 году Садат писал в журнале «Аль-Мусаввар», затеявшем публикацию воображаемых посланий фюреру: «Я всем сердцем восхищаюсь Вами! Хотя кажетесь побежденным, на самом деле Вы – победитель. Вам-таки удалось посеять рознь между этим стариком Черчиллем и его союзниками, детьми Сатаны…Не станет удивительным, если Вы вновь появитесь в Германии или новый Гитлер придет Вас заменить» (Цит. по: Beattie K.J. Op.cit. – С. 27). Полагают, что вступление Садата в организацию «Свободные офицеры» состоялось не раньше 1951 года, когда он хлопотами высокопоставленного знакомого был вторично (с 15 января 1950 года) принят в армию и отправлен связистом на Синай. Многие авторы считали, что Садат параллельно с обществом «Свободные офицеры» состоял в тайной организации «Железная гвардия», которую создала королевская агентура, используя ее против вафдистов, и вплоть до переворота 1952 года вел двойную игру. Этот факт остался, впрочем, в области подозрений. Оба будущих президента, Насер и Садат, познакомились друг с другом в военном гарнизоне на станции Манкабад в Верхнем Египте, куда оба получили первое назначение в 1938 году, в дальнейшем их контакты развивались с перерывами. Что касается хронологии создания и численного состава организации «Свободные офицеры», то даже спустя десятилетия (и несмотря на наличие мемуаров нескольких участников) в этом остается много неясного, так как общая структура и количество подпольных ячеек были известны только двум людям – Насеру и Амеру.

№ 5. Смерть Насера наступила к вечеру 28 сентября 1970 года, едва он вернулся домой с проводов кувейтской делегации, которая покидала Каир после межарабского совещания, созванного для прекращения вооруженного конфликта в Иордании. В ходе сентябрьских столкновений между частями королевской армии и бойцами Палестинского движения сопротивления (ПДС) погибло, по некоторым сведениям, около 20 тыс., а ранено было 100 тыс. человек (к июлю 1971 года вооруженные силы Иордании окончательно ликвидировали на восточном берегу базы палестинских отрядов). Психологическое впечатление было таково, что сердце Насера не выдержало трагических событий, которые грозили свести на нет его многолетние личные усилия в палестинском вопросе. Что касается здоровья президента, то оно пошатнулось еще после «шестидневной» войны 1967 года. В его глазах, пишут общавшиеся с ним люди, затаилась тоска, а в походке появилась особенная тяжесть. В сентябре 1969 года он перенес инфаркт и в последний период своей жизни был вынужден часто покидать Каир, жил на загородной вилле, без огласки приезжал на лечение в Москву. Похороны Насера в Каире, куда прибыли многие главы государств, сопровождались невиданным стечением народа и настроением отчаяния, охватившим миллионную толпу.

№ 6. С 1971 года советская сторона стала придерживать военные поставки в Египет. Одной, но не единственной причиной этого была низкая оценка боеспособности египетской армии со стороны советских военных специалистов и нежелание оснащать ее наступательным оружием. В этой связи в октябре 1971 года и в начале следующего состоялись визиты Садата в Москву, которые не принесли ему желаемых результатов. Правительство СССР взяло курс на «разрядку», настаивало на сокращении вооружений на Ближнем Востоке, решении палестинской проблемы на основании резолюции ООН № 242 и т. д. В мае 1972 года в египетской прессе развернулась критика египетско-советского военного сотрудничества, в которой приняли участие бывшие «свободные офицеры», включая таких известных лиц, как Абдель Латиф аль-Багдади, Закария Мохи ад-Дин, Кемаль ад-Дин Хусейн и др. В середине июня Садат направил Брежневу официальное письмо, задав по пунктам вопросы, которые требовали прояснить будущее военной помощи, но внятного ответа не получил. Как результат, в июле 1972 года Египет принял решение о немедленной высылке советских специалистов. По одному из воспоминаний его помощников, Садат хотел, во-первых, продемонстрировать арабам свою независимость от СССР, с другой, – хотел развязать себе руки, готовя войну «за освобождение территорий» (*Beattie K.J.* Op. cit. – C. 123–124).

№ 7. Хосни Мубарак родился 4 мая 1928 года в провинции Мануфия на севере страны, в семье инспектора министерства юстиции. По окончании средней школы, в 1947 году поступил в Египетскую военную академию и закончил ее через 18 месяцев, продолжив учебу в новой военно-

КОММЕНТАРИИ

№ 1 Первоначально с просьбами о поставках современной военной техники египетское правительство обращалось к США, и конкретно к госсекретарю Дж.Ф. Даллесу, который в 1953 году посетил Каир. Убедившись в том, что ввиду предстоящего вывода британских вооруженных сил с египетской территории американская администрация не заинтересована в усилении военного потенциала республики, Насер обратился за помощью к СССР и Чехословакии, а также к Польше. В сентябре 1955 года с этими странами были подписаны протоколы о поставках вооружения в обмен на рис и хлопок. Тем самым было положено начало длительному вовлечению Советского Союза в египетское военное строительство. Однако вопреки бытующему мнению, СССР скорее сдерживал, чем поощрял воинственные планы Насера, рассматривая ОАР как стратегического союзника в холодной войне.

№ 2 Развивая североафриканское направление своей политики, Насер в 1954–1955 годах входит в острый конфликт с будущим президентом Туниса, обвинив Бургибу в прислужничестве империализму, когда тот приостановил партизанскую войну на территории своей страны, взяв курс на достижение мирного соглашения с Францией по вопросу о ликвидации режима протектората. Осенью 1955 года, в период действия в Тунисе переходного режима внутренней автономии, Насер безуспешно пытается поддержать внутрипартийных противников Бургибы, которые затем нашли убежище в Каире. Заочная полемика между Насером и Бургибой, не разделявшим идеи панарабизма, продолжалась и после 20 марта 1956 года, когда Тунис получил независимость. Хотя следующий вопрос остался темным, но факты таковы, что тунисское правительство представило доказательство об участии египетских агентов в покушении на Бургибу в 1958 году, за чем последовал разрыв дипломатических отношений между двумя странами. Этот пример лишний раз показывает стремление Каира любыми средствами обеспечить свое региональное влияние, поддерживая за рубежом пронасеровские группировки.

№ 3 Анвар Садат (1918–1981) – сын мелкого служащего и одной из его нескольких жен, суданки по происхождению, до шести лет жил в небольшой деревне провинции Мануфия в Дельте, там же учился грамоте в куттабе – школе при мечети; потом переехал к отцу и его большой семье в Каир. В 1937 году был зачислен в Египетскую военную академию благодаря протекции некоего Ибрагима Хейри-паши, секретаря военного мини-

стра, в чей дом дверь для него раскрылась благодаря английскому доктору, с которым отец Садата когда-то работал переводчиком в Судане. (Начиная с 1936 года был отменен имущественный ценз для поступления в кадеты, но требовалась рекомендация какого-нибудь лица, известного при дворе). Смолоду Садат стремился водить знакомство с людьми из высшего общества, хотя его дружеские связи были самыми разнообразными, а сам он порой оказывался в нужде, зарабатывая на хлеб случайными профессиями. В годы президентства Садат любил подчеркивать свои народные корни и даже выдвинул тезис, что они с Насером якобы символизировали собой в революции союз «феллаха и горожанина».

№ 4. Никто из биографов президента не обошел вниманием то обстоятельство, что, закончив по сокращенной программе, за девять месяцев, военную академию в 1938 году (слушателей срочно призывали в армию), лейтенант Садат втянулся в волну симпатий к державам «оси». Его приключения и аресты до вступления в организацию «Свободные офицеры» были связаны с обвинением в шпионаже в пользу немцев, за что в 1942 году Садат был отправлен в концентрационный лагерь (совершил побег в 1944 году), а позднее – с косвенной причастностью к покушениям на видных лидеров партии Вафд. Последнее стоило Садату двух с половиной лет тюрьмы (1946–1948), в том числе пребывания в одиночной камере, после чего он был оправдан. Между тем свое поклонение перед Гитлером он не скрывал и позже. Например, в 1953 году Садат писал в журнале «Аль-Мусаввар», затеявшем публикацию воображаемых посланий фюреру: «Я всем сердцем восхищаюсь Вами! Хотя кажетесь побежденным, на самом деле Вы – победитель. Вам-таки удалось посеять рознь между этим стариком Черчиллем и его союзниками, детьми Сатаны…Не станет удивительным, если Вы вновь появитесь в Германии или новый Гитлер придет Вас заменить» (Цит. по: Beattie K.J. Op.cit. – С. 27). Полагают, что вступление Садата в организацию «Свободные офицеры» состоялось не раньше 1951 года, когда он хлопотами высокопоставленного знакомого был вторично (с 15 января 1950 года) принят в армию и отправлен связистом на Синай. Многие авторы считали, что Садат параллельно с обществом «Свободные офицеры» состоял в тайной организации «Железная гвардия», которую создала королевская агентура, используя ее против вафдистов, и вплоть до переворота 1952 года вел двойную игру. Этот факт остался, впрочем, в области подозрений. Оба будущих президента, Насер и Садат, познакомились друг с другом в военном гарнизоне на станции Манкабад в Верхнем Египте, куда оба получили первое назначение в 1938 году, в дальнейшем их контакты развивались с перерывами. Что касается хронологии создания и численного состава организации «Свободные офицеры», то даже спустя десятилетия (и несмотря на наличие мемуаров нескольких участников) в этом остается много неясного, так как общая структура и количество подпольных ячеек были известны только двум людям – Насеру и Амеру.

№ 5. Смерть Насера наступила к вечеру 28 сентября 1970 года, едва он вернулся домой с проводов кувейтской делегации, которая покидала Каир после межарабского совещания, созванного для прекращения вооруженного конфликта в Иордании. В ходе сентябрьских столкновений между частями королевской армии и бойцами Палестинского движения сопротивления (ПДС) погибло, по некоторым сведениям, около 20 тыс., а ранено было 100 тыс. человек (к июлю 1971 года вооруженные силы Иордании окончательно ликвидировали на восточном берегу базы палестинских отрядов). Психологическое впечатление было таково, что сердце Насера не выдержало трагических событий, которые грозили свести на нет его многолетние личные усилия в палестинском вопросе. Что касается здоровья президента, то оно пошатнулось еще после «шестидневной» войны 1967 года. В его глазах, пишут общавшиеся с ним люди, затаилась тоска, а в походке появилась особенная тяжесть. В сентябре 1969 года он перенес инфаркт и в последний период своей жизни был вынужден часто покидать Каир, жил на загородной вилле, без огласки приезжал на лечение в Москву. Похороны Насера в Каире, куда прибыли многие главы государств, сопровождались невиданным стечением народа и настроением отчаяния, охватившим миллионную толпу.

№ 6. С 1971 года советская сторона стала придерживать военные поставки в Египет. Одной, но не единственной причиной этого была низкая оценка боеспособности египетской армии со стороны советских военных специалистов и нежелание оснащать ее наступательным оружием. В этой связи в октябре 1971 года и в начале следующего состоялись визиты Садата в Москву, которые не принесли ему желаемых результатов. Правительство СССР взяло курс на «разрядку», настаивало на сокращении вооружений на Ближнем Востоке, решении палестинской проблемы на основании резолюции ООН № 242 и т. д. В мае 1972 года в египетской прессе развернулась критика египетско-советского военного сотрудничества, в которой приняли участие бывшие «свободные офицеры», включая таких известных лиц, как Абдель Латиф аль-Багдади, Закария Мохи ад-Дин, Кемаль ад-Дин Хусейн и др. В середине июня Садат направил Брежневу официальное письмо, задав по пунктам вопросы, которые требовали прояснить будущее военной помощи, но внятного ответа не получил. Как результат, в июле 1972 года Египет принял решение о немедленной высылке советских специалистов. По одному из воспоминаний его помощников, Садат хотел, во-первых, продемонстрировать арабам свою независимость от СССР, с другой, – хотел развязать себе руки, готовя войну «за освобождение территорий» (*Beattie K.J.* Op. cit. – C. 123–124).

№ 7. Хосни Мубарак родился 4 мая 1928 года в провинции Мануфия на севере страны, в семье инспектора министерства юстиции. По окончании средней школы, в 1947 году поступил в Египетскую военную академию и закончил ее через 18 месяцев, продолжив учебу в новой военно-

воздушной академии. В 1950 году поступил в летные войска, вернулся в академию ВВС, где с 1952 по 1959 год вел преподавание. Затем был направлен в Советский Союз, где в течение года учился в Академии Генерального Штаба, освоив вождение истребителей советского производства. (Позднее, с февраля 1964 по апрель 1965 года проходил стажировку на Высших курсах Академии имени Фрунзе). В 1960 году он принимает командование эскадрильей самолетов типа ИЛ-28, а позже бригадой реактивных бомбардировщиков ТУ-16. Совершает неоднократные поездки в СССР, связанные с получением новых боевых машин. После «шестидневной войны» назначается начальником Каирской военно-воздушной академии (ноябрь 1967–1969); затем начальником штаба ВВС (1969–1972). За время службы в этом качестве Мубарак содействовал восстановлению авиации, почти утраченной в июне 1967 года, и полному ее переоснащению. В 1972 году становится главнокомандующим ВВС и заместителем военного министра, принимал активное участие в подготовке Октябрьской войны. За успешные действия авиации при штурме израильских укреплений на восточном берегу Суэцкого канала («линии Барлева») был удостоен тремя высшими военными наградами страны, произведен в генерал-лейтенанты, а в 1974 году получил маршальское звание. На следующий год был назначен Садатом на пост вице-президента и с 1979 года возглавил исполнительный комитет Национально-демократической партии.

№ 8 Увеличение и сокращение доли военных в правительстве носило волнообразный характер. Первое правительство Нагиба, созданное 7 сентября и реорганизованное 8 декабря 1952 года, состояло, кроме него самого, целиком из гражданских лиц. В следующих двух составах его кабинета, образованных 18 июня и 4 октября 1953 года, уже присутствовали другие военные, включая Насера – министра внутренних дел. В ранних кабинетах самого Насера (с весны 1954 года и до создания ОАР) численность военных, в том числе имевших второе гражданское образование, колебалась от 8 до 12 человек, в процентном отношении – от 36 до 52%. В дальнейшем шло усложнение и расширение состава правительства, которое в Египте включает вице-премьеров, министров и их заместителей – членов кабинета. Наиболее «милитаризованными» были кабинеты, сформированные 10 сентября 1966 года: 21 человек (свыше 55%) и 19 июня 1967 года: 19 (65,4%). В правительствах насеровской эпохи военные составили – в среднем – одну треть, однако именно в руках офицеров находились не только силовые ведомства, но и другие важные позиции (например, сфера образования, подчиненная вице-премьеру Кемалю ад-Дину Хусейну, бывшему члену СРК, отдельное министерство по строительству Высотной плотины – во главе с военным). Причем с начала шестидесятых в правительственные круги стали «подтягиваться» бывшие «Свободные офицеры» так называемого второго эшелона, то есть участники революции, не входившие в главный насеровский актив, а также более молодые представители «третьего

эшелона», в основном эта группа состояла из слушателей военных училищ, примкнувших к организации Насера незадолго до переворота. (Тех и других насчитывалось около сорока). Что касается первого эшелона, или внутреннего ядра «Свободных офицеров», состоявшего из друзей и однополчан Насера, которые после революции образовали СРК (1952–1956), то последним его представителем среди ветеранов египетской политической сцены является Халед Мохи ад-Дин, лидер левой партии НПП–*Тагамму'*, подвизавшийся с конца 1950-х на журналистском поприще и никогда не входивший в правительство. (Dekmejian R. H. Patterns of Political Leadership. Egypt, Israel, Lebanon, Albany: State University of New York Press, 1975. – С. 176–178, 184–189; Также см.: Vatikiotis P.J. The Egyptian Army in Politics. – Bloomington: Indiana University Press, 1961; Vatikiotis P.J. Nasser and his Generation. – London: Croom Helm, 1978).

№ 9. Напомним, что возникновение прообраза египетских партий восходит к событиям 1879–1882 годов (восстание полковника Ораби-паши под лозунгом «Египет – для египтян!»), когда были созданы, в частности, тайное общество «Мыср аль-Фатат» (Молодой Египет) и партия «Аль-Хизб аль-Ватаний» (Национальная партия) под руководством Мухаммеда Шериф-паши, возглавившего в 1881 году патриотический кабинет. Глубокий след в истории Египта оставила вторая Национальная партия (1907–1912), которая была основана известным просветителем Мустафой Кямилем и помимо требования о выводе английских войск из Египта, тогда еще входившего де-юре в Османскую империю, поставила вопрос о конституции. Тяготевшие к панисламизму, ватанисты частично контролировали антибританское подполье, которое накануне Первой мировой войны представляло собой гамму разношерстных и мелких организаций: от «братских» союзов, напоминавших средневековый орден дервишей, до Общества карбонариев, состоявшего из местных итальянцев, сочувствовавших египтянам. На западнических позициях стояла «Партия народа» (1907 год), предтеча партии Вафд (1919–1953), народная популярность последней достигла пика в разгар массового патриотического пыла, проявившего себя в ответ на арест и ссылку лидера вафдистов Саада Заглюля: мятежная «полуреволюция» 1919 года. В молодости участник восстания Ораби-паши, С. Заглюль (1857–1927) был в 1924 г. премьер-министром, в 1926–1927 гг. председателем нижней палаты парламента.

№ 10. Али Балих Сабри (1920–1991) родился в провинции Шаркия, в зажиточной семье турецкого происхождения. Закончил Египетскую военную академию в 1939 году, летчик, в 1952 году являлся начальником разведки военно-воздушных сил. Член Исполкома организации «Свободные офицеры», к которой он примкнул позднее, чем другие, и обеспечивал ее связь с посольством США, сообщив в него в ночь с 22 на 23 июля о случившемся перевороте. В 1953 году назначен политическим директором

администрации президента, функции которого с 1954 года выполнял СРК, в 1956–1961 годах – министр по делам президентства. Взлет его карьеры начинается в шестидесятых: с 1962 года – член президентского совета, с марта 1964 г. по сентябрь 1965 г. – председатель правительства ОАР, затем вице-президент (1965–1967). После «шестидневной» войны влияние Сабри падает, однако он имел сильные позиции в ЦК Арабского социалистического союза, будучи генеральным секретарем партии (1965–1969) и одним из строителей ее молодежной организации, а также «авангарда» АСС, отчасти выполнявшего задачи политического сыска. Уличенный в 1969 году в вывозе из СССР несметного количества дефицитных товаров, он был задвинут в тень и на момент смерти Насера являлся государственным министром по делам ВВС. Оказавшись основной фигурой антипрезидентской группировки, 16 мая 1971 года Али Сабри был арестован и предан суду по обвинению в государственной измене, приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. В мае 1981 года помилован, через 10 лет умер в Каире. В последние годы своей жизни давал многочисленные интервью, в которых отрицал свою репутацию прокоммунистического деятеля, равно как и обвинения в былых проамериканских симпатиях.

№ 11. Помимо того, что при Насере в египетском обществе, во всяком случае городском, развивались светские нравы, следует отметить, и это важно применительно к рассматриваемой здесь теме, что в Египте была проведена унификация судебной и правовой системы. 21 сентября 1955 года был издан закон, согласно которому шариатские (мусульманские) и миллетские (для местных христиан и евреев) суды лишались традиционной юрисдикции по всем делам личного статуса и семейного права. С 1 января 1956 года все эти «церковные» суды были распущены. Египет стал государством с единым светским судопроизводством (законы, его регламентирующие, приняты в 1959 году). Ранее, по решению СРК, создавались различные экстренные трибуналы: «революционные военные трибуналы» и суды государственной безопасности, те и другие действовали в порядке упрощенного судопроизводства. В ноябре 1965 года, в ответ на очередное выступление «Братьев-мусульман», правительство восстановило Высший суд государственной безопасности, который по выбору президента мог состоять из трех членов апелляционного суда, или из трех старших офицеров, или, в ином варианте, – создавалась смешанная «тройка». Для окончательного утверждения смертных приговоров требовалось решение Великого муфтия республики, который, в свою очередь, назначался президентом. (Дадиани Л.Я. Государственный строй Объединенной Арабской Республики. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 103–105).

№ 12. Показательно, что катастрофа 1967 года болезненно отозвалась на настроениях людей не только в самом Египте, но и в других арабских странах, даже, например, в Тунисе, не вовлеченном напрямую в ближнево-

сточный конфликт. Об этом свидетельствует, например, Мухаммад аль-Хашими Хамди в книге «Политизация ислама». Автор являлся одним из руководителей тунисского Движения исламской направленности (ДИН) с 1978 по 1992 годы, впоследствии был заочно приговорен к 20-летнему тюремному заключению. Вспоминая собственный опыт и причины, по которым он, будучи студентом, примкнул к этому движению, подавленному в начале 1990-х, автор отмечает, что, во-первых, на него произвел глубокое впечатление кризис в самом Тунисе, вызванный провалом экономической программы дустуровского социализма (1969 г.), споткнувшегося на попытке «сплошной» кооперации деревни. Во-вторых, еще большее значение имели душевные переживания, вызванные оглушительным поражением арабов в войне 1967 года. Такие чувства – растерянности и горькой обиды за унижение арабов, – пишет Хамди, подтолкнули многих людей его поколения к восприятию идей мусульманского радикализма (*Hamdi M. E.* The Politicization of Islam: A Case Study of Tunisia. – Boulder: Westview Press, 1998. – С. 11).

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. *Мохи эд-Дин Х.* Египетская революция, ее развитие и перспективы // Проблемы мира и социализма. – Прага, 1966. – № 83.

2. *Насер Г. А.* Философия революции / Перевод с английского. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956.

3. *Насер Г. А.* Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления, 1952–1970 гг. – М., Изд-во Международные отношения 1979.

4. Суэцкий канал. Сборник документов. – М.: Изд-во ИМО, 1957.

5. Arab Republic of Egypt. Government. Act No. 100 of 1993 to provide Democratic Safeguards for Professional Associations, 17 Feb. 1993 // Al-Jarida Al-Rasmiah. – 1993. – 18 Feb. – No. 7.

6. Egypt: An Enabling Environment for Investment // Industrial Development Review Series – Vienna: United Nations Industrial Development Organization, 1994.

7. Egypt: Beyond Stabilization, Toward a Dynamic Market Economy – Occasional Paper 163 / *Handy H.*, et al. – Wash: IMF, 1998.

8. Egypt in the Global Economy: Strategic Choices for Savings, Investments, and Long-Term Growth. – Wash.: World Bank, 1998.

9. Gamal Abdel Nasser. Leader of the Revolution, Egypt: Dar al-Hilal, Published by the Department of Public Relations of the Armed Forces, [1955].

10. Investing in Egypt. – Cairo: Ministry of Economy, 1999.

11. Le système politique. – Le Caire: République Arabe d'Égypte. Organisme Général de l'Information, 1983.

12. *Mubarak M. H.* Allocution du président Hosni Moubarak devant l'Organisation internationale du travail, Genève, 8 juin1983. – Caire: République arabe d'Egypte, Organisme général de l'information, 1983.

13. *An-Nabhani T.* The Islamic State / Hizb ut-Tahrir. – L.: Al-Khilafah Publications, 1998.

14. *Nasser G. A.* Egypt's Liberation: the Philosophy of the Revolution. – Wash.: Public Affairs Press, 1955.

15. *Neguib M.* Egypt's Destiny. – London: Gollanzs, 1955.

16. *Qutb S.* Milestones. – Cedar Rapids, Iowa: Unity Publishing Company, [n. d.].

17. *Sadat A.* Revolt on the Nile. – New York: John Day, 1957.

18. *Sadat A.* In Search of Identity. – Glasgow: Fontana / Collins, 1977.

19. Wafd Manifesto. – Cairo: Wafd, 1987.

20. *Ахмад М. М.* Хивар ма'а аль-ра'ис (Беседы с президентом). – Каир: Дар аль-Хиляль, 1992.

21. Барнамидж аль-хукума ли тауси‘а ка‘ида аль-малякийа аль-хасса фи шарикат кыта‘а аль-’у‘маль аль-‘амм (Программа правительства по разгосударствлению предприятий). – Каир: 1993.

22. Дустур джумхурийат мыср аль-‘арабия (Конституция Арабской Республики Египет). – Каир: Аль-хей’а аль-‘амма ли шу‘ун аль-матба‘а аль-амирийа, 1980.

23. *Аз-Зият М.* Аль-джихад калиматун («Джихад» это Глагол). Хулуд ли ан-нашр ва ат-танзи‘а, 1999.

24. *Кутб С.* Ма‘алим фи ат-тарик (Вехи на пути). – Бейрут: Дар аш-шурук. – 1980.

25. *Мубарак М. Х.* Хитаб ар-ра’ис Мухаммад Хусни Мубарак фи аль-иджтималь аль-муштарак ли маджалис аль-ша‘аб ва аль-шура би сабаб татавврат харб аль-халидж, 24/1/1991 (Речь президента Мухаммеда Хосни Мубарака на совместном заседании Народного собрания и Консультативного совета в связи с развитием событий, связанных с войной в Заливе, 24 января 1991 г.). – Каир: Визарат аль-’и‘лям, Аль-хей’а аль-‘амма ли аль-исти‘лямат, 1991.

26. *Мубарак М. Х.* Мавсу‘ат Мубарак аль-‘уммалийа (Рабочие записки Мубарака). – Каир: Аль-иттихад аль-‘амм ли аль-ри‘айат, Нашва шабаб аль-‘уммаль, 1993.

27. Мубарак ва аль-‘алям аль-‘арабий (Мубарак и арабский мир). – Каир: Аль-хей’а аль-мысрийа аль-‘амма ли аль-китаб, 1989.

28. Мубарак ва ’амн мыср 1997 (Мубарак и безопасность Египта, 1997). – Каир: Кыта‘а аль-‘илям ва аль-‘алякат би визара ад-дахилийа (Издание Министерства внутренних дел АРЕ), Дар аль-хиляль, 1997.

29. *Насер Г. А.* Фальсафа ас-саура (Философия революции). – Каир, [б. г.].

30. Ан-низам аль-асасий ли аль-хизб аль-ватаний ад-димукратый (Устав Национально-демократической партии). – Каир [б. г.].

31. *Рагаб С.* Мубарак аль-инсан ва аз-за‘им ва аль-кудва (Мубарак – человек, вождь и образец). – Каир: Аль-Гумхурия, 1999.

32. *Садат А.* Кыссат аль-саура камиля (Вся история революции). – Каир, 1954.

33. *Садат А.* Маджму ‘ат хутаб ва ахадис аль-раис Мухаммад Анвар ас-Садат, 1975–1979 (Выступления Президента Мухаммеда Анвара Садата, 1975–1979). – Каир: Визарат аль-’и‘лям, Аль-хей’а аль-‘амма ли аль-исти‘лямат, 1980.

34. *Шайиб А.* Садыки аль-ра’ис (Мой друг президент). – Каир: Аль-сави ли аль-нашр, 1988.

35. Йаум аль-хуррийа ва фарис йабхасу ‘ан балядатихи (День свободы и рыцарь, ищущий свою страну) / Аль-таййар аль-исламий би джам‘аат мыср (Исламское «течение» в университетах Египта). – Каир, 1995. – (Листовка).

Исследования

36. Арабский мир в конце XX века. – М.: Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.

37. Арабский Восток и Магриб (Сборник статей) / Под ред. *Лебедева Е. А.*– М.: Наука, 1977.

38. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1997.

39. Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. *Сейраняна Б. Г.* и др. – Вып. 4. – М.: ИВ РАН, 2000.

40. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Под ред. *Хороса В. Г.* – М., 1996.

41. *Ацамба Ф. М.* Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение (1914 – 1952 гг.). – М., 1960.

42. *Ацамба Ф. М., Кириллина С. А.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1996.

43. *Бабкин С.* Движения политического ислама в Северной Африке. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.

44. *Бакланов А. Г.* Рабочий класс современного Египта. – М: Наука, 1981.

45. *Баскин В. С.* Приватизация и коммерциализация государственных предприятий. Нигерийская модель // Восток – Oriens. – М., 1999. – № 3.

46. *Беляев И. П., Примаков Е. М.* Египет: время президента Насера. – М.: Мысль, 1974.

47. *Васильев А. М.* Египет и египтяне. – М.: Классика плюс, 2000.

48. *Васильев А. М.* Смена режимов в условиях баланса классовых сил (Египет) // Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

49. *Видясова М. Ф.* Тунис и проблема «нелиберальной демократии» (по поводу избирательной кампании осенью 1999 г.) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). Вып. 4 / Под ред. Сейраняна Б. Г. и др. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 80–104.

50. *Видясова М. Ф., Умеров М. Ш.* Проблема приватизации в Египте и ее общественный резонанс // Ближний Восток и современность. Вып. 3. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997. – С. 3–13.

51. *Видясова М. Ф., Умеров М. Ш.* Египет после арабского социализма: в поиске экономических решений. – М.: ИСАА при МГУ, 1999.

52. *Видясова М. Ф., Умеров М. Ш.* Египет на новом витке экономических реформ: от *инфитаха* к рыночной ориентации 90-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 2000. – № 1. – С. 3–25.

53. *Ворожейкина Т. Е.* Демократизация и экономическая реформа. Опыт сравнительного анализа России и Латинской Америки // Куда идет Россия? – М.: Интерцентр, 1997.

54. *Гаджиев К. С.* Политическая наука. – М.: Сорос – Международные отношения, 1994.

55. *Гатауллин М. Ф.* Аграрная реформа и классовая борьба в Египте. – М., 1985.

56. *Гашев Б. Н.* Государственный сектор в экономике Арабской Республики Египет (1952–1972). – М., 1978.

57. *Гашев Б.Н.* Социальные ограничители экономической реформы в Египте // Арабский мир в конце XX века. – Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, М.: Наука, 1996. – С.150–162.

58. *Гевелинг Л. В.* Квазидемократические режимы: попытки реализации западных моделей политической системы // Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука, 1990.

59 *Дадиани Л.Я.* Государственный строй Объединенной Арабской Республики. – М.: Юридическая литература, 1967.

60. *Длин Н. А.* Объединенная Арабская Республика (Египет). – М., 1963.

61. *Донцов В. Е.* Ислам в международных отношениях. – М., 1999.

62. *Дятлов В. И.* Крупная буржуазия в Египте накануне революции 1952 года. – Иркутск, 1983.

63. *Елистратова Т.А.* Революция 23 июля в Египте как пролог к Суцкому кризису. (рукопись). – М., 2001.

64. Идеология революционных демократов Африки. – М.: Наука, 1981.

65. *Иванова И. П.* Опыт хозяйственной модернизации в арабском мире. Доклад на IV Ежегодной конференции арабистов ИВ РАН. – М., 1999. – 6–7 декабря.

66. *Исаев В. А.* Арабские страны в международном разделении труда: итоги, проблемы, перспективы (1961–1990). – М.: Издат. фирма «Восточная лит-ра» РАН, 1996.

67. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. *Малашенко А. В. и Олкотт М. Б.*; Моск. Центр Карнеги. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001.

68. *Каражас О. В.* Экономический рост в Египте в 1950–1980-е годы (структурные сдвиги и социальные последствия). – М.: ИВ РАН, РИСИ, 1998.

69. *Касторный М. Е.* Демографические аспекты развития рынка труда в Египте (1970–1990 гг.) // Востоковедный сборник (выпуск второй). – М: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.

70. *Касторный М. Е.* Стратегия социальной защиты населения в Египте // Востоковедный сборник (выпуск второй). – М: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.

71. *Косач Г. Г.* Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30-е годы. – М.: ИСАА при МГУ, 2001.

72. *Косач Г. Г.* Демократизация в странах Арабского Востока: реальность и перспективы (взгляд арабских политологов) // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М.: Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999. – С. 158–173.

73. *Князев А. Г.* Египет после Насера, 1970–1981. – М.: Наука ГРВЛ, 1986.

74. *Кошелев В. С.* Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879–1981). – Минск: Изд-во Университетское, 1984.

75. *Кириллина С. А.* Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 1989.

76. *Кириллина С. А., Юрьев С. К.* Шейх Омар Абд ар-Рахман: штрихи к политическому портрету харизматического лидера на арабо-мусульманском востоке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 13. Востоковедение. – 1994. – № 4. – С. 29–42.

77. *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. – М.: Гея, 1998.

78. *Литвинов М. И.* Роль религиозного фактора в жизни египетского студенчества (1970–1980-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 13. Востоковедение. – 1994. – № 4. – С. 42–53.

79. *Лушникова Л. И.* Государственные финансы ОАР. – М., 1971.

80. *Львов В. В.* Ирак: реалии власти и санкции / Ближний Восток и современность. Вып. 4. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997.

81. *Малашенко А. В.* Исламское возрождение в современной Росиии / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 1998.

82. М*алашенко А. В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001.

83. М*алышева Д. Б.* Исламский фундаментализм в современном мире // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. – Сборник 2. Глобализация и периферия. – Научные доклады. – № 92. – М.: Московский общественный научный фонд; ИМЭиМО РАН, 1999.

84. М*амедов А. М.* Ислам и проблемы социально-культурного развития арабских стран: (На материале АРЕ). – Баку, 1986.

85.М*едушевский А.* Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. – 1993. – № 10.

86. Национализм и «национальный социализм» в арабских странах: теория и практика. – М: Институт востоковедения РАН, 1996.

87. Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987 // Под ред. *Наумкина В. В.* – М.: Наука, 1990.

88. *Орлов В. В.* Суфийские братства в общественно-политической жизни исламского мира (50–90-е годы) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) / Под ред. *Мироновой Г. В.* – М.: Крафт+ ИВ РАН, 2001. – С. 114–134.

89. *Пивоваров Ю. С.* Политическая культура (Методологический очерк). – М.: Институт научной информации по общественным наукам, 1996.

90. Развитие капитализма в арабском мире. – М.: Наука, 1988.

91. *Рашковский Е. Б.* Опыт тоталитарной модернизации России (1917–1991) в свете социологии развития. – М.: МЭиМО, 1993.

92. *Сапронова М. А.* Место и роль президента в системе высших органов государственной власти в арабских республиках // Ближний Восток и современность. – Сборник статей. – Вып. 11. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – С. 193–212.

93. *Сапронова М. А.* Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999). – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.

94. *Сейранян Б. Г.* Египет в борьбе за независимость, 1945–1952. – М., 1970.

95. *Сейранян Б. Г.* Хосни Мубарак. Начало политической деятельности // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1997. – С. 310–319.

96. *Сейранян Г. А.* Национал-демократическая партия Египта как звено государственного аппарата // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. Сейраняна Б. Г. и др. – Выпуск 4. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 157–170.

97. *Сейранян Г.А.* Развитие партийно-политической системы Египта во второй половине XX века. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2002.

98. *Смирнова Г.И.* Основные проблемы индустриализации Египта. 1952–1977. – М.: Наука, 1980.

99. Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. – М.: Наука, 1990.

100. Современные африканские лидеры. Политические портреты / Под ред. *Косухина Н. Д.* – М.: XXI век, Согласие, 2001.

101. *Стародубовская И. В., Мау В. А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. – М.: Вагриус, 2001.

102. *Сюкеяйнен Л. Р.* Концепция мусульманской формы правления и современное государствоведение в странах Арабского Востока // Социально-политические представления в исламе. История и современность. – М.: Наука, 1987.

103. *Тарасов И. С.* Лекции по курсу «Политическая культура стран Азии и Африки». – М.: ИСАА при МГУ, 1998–99.

104. *Тегин Ю. Л., Филоник А. О.* Исламский экстремизм в Египте // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. – М., 1985. – С. 195.

105. *Умеров М. Ш.* Египетский референдум 1999 года и политические дискуссии вокруг него // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика) / Под ред. *Сейраняна Б. Г.* и др. – Вып. 4. – М.: ИВ РАН, 2000.

106. *Умеров М. Ш.* Четверть века «демократизации сверху». Осенние парламентские выборы 2000 г. в Египте // Ближний Восток и современность. – Вып. 11. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001.

107. *Фадеева И. Л.* Оппозиция в странах Ближнего и Среднего Востока: статус и цели // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) / Под ред. *Мироновой Г. В.* – М.: Крафт+ ИВ РАН, 2001.

108. *Филоник А. О.* и др. Финансовые структуры Ближнего Востока / *Филоник А. О., Исаев В. А., Федорченко А. В.* – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.

109. *Фридман Л. А.* Капиталистическое развитие Египта (1882–1939). – М.: Изд-во Московского унт-та, 1963.

110. *Фридман Л. А.* Египет 1882–1952. Социально-экономическая структура деревни, М.: «Наука», 1973.

111. *Фридман Л. А., Видясова М. Ф.* Страны Центральной Азии перед лицом глобальных «вызовов» начала XX века. – Вестник Московского университета. – Серия 13. – № 1. – М.: МГУ, 2002.

112. *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX века. – М.: Наука, 1979.

113. *Шаабан С.* Тунис: Путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али (перевод с арабского). – М.: ИСАА при МГУ, 1996.

114. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Под ред. *Симония Н. А. и Рейснера Л. И.* – М.: Наука, ГРВЛ, 1984.

115. Abdel-Malek A. L'Égypte société militaire. – Paris: Editions du Seuil, 1962.

116. *Abdo G.* No God but God: Egypt and the Triumph of Islam. – New York: Oxford University Press, 2000.

117. *Adams C. C.* Islam and Modernism in Egypt. – New York: Routlege, 2000.

118. *Ajami F.* The Arab Predicament: Arab Political Thought and Practice Since 1967. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

119. *Ajami F.* The Dream Palace of the Arabs. – New York: Vintage Books, 1999.

120. *Akbar A. S., Hastings D.* Islam, Globalization and Postmodernity. – London and New York: Routlege, 1994.

121. *Akhavi Sh.* The Impact of the Iranian Revolution on Egypt // The Iranian Revolution: Its Global Impact / *Esposito J. L.,* ed. – Miami: Florida International University Press, 1990. – P. 138–156.

122. *Ansary H.* Egypt: The Stalled Society. – Albany: State University of New York Press, 1986.

123. *Baaklini A.* and others. Legislative Politics in the Arab World. The Resurgence of Democratic Institutions / *Baaklini A., Denoeux G., Springborg R.,* eds. – Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 1999.

124. *Badran W., Wahby A.* Privatization in Egypt: The Debate in the People's Assembly. – Giza: Cairo University, Faculty of Economics and Political Science, 1996.

125. *Bauman Z.* A Post-Modern Revolution? // From a One-Party State to Democracy. Transition in Eastern Europe. / *Frenzel-Zagorska J.,* ed. – Amsterdam: Rodopi, 1993.

126. *Beattie K. J.* Egypt During the Sadat Years. – New York: Palgrave, 2000.

127. *Belev B.* Forcing Freedom: Political Control of Privatization and Economic Opening in Egypt and Tunisia. – Washington: University Press of America, 2000.

128. Between Tradition and Modernity: India's Search for Identity: a Twentieth Century Anthology / *Dalmayr F., Devy G. N.*, eds. – Walnut Creek: Altamira Press, 1998.

129. *Bianchi R.* Unruly Corporatism: Associational Life in Twentieth Century in Egypt. – New York: Oxford University Press, 1989.

130. *Binder L.* Islamic Liberalism: A Critique of Development Ideologies. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 1988.

131. *Burns W. J.* Economic Aid and American Policy Toward Egypt 1955–1981. – New York: State University of New York Press, 1984.

132. *Bush R.* Economic Crisis and Politics of Reform in Egypt. – Boulder: Westview Press, 1999.

133. *The Cambridge History of Egypt.* Vol.2. Modern Egypt, from 1517 to the End of the Twentieth Century. – Cambridge, 1998.

134. *Çarkoğlu A., Eder M. and others.* The Political Economy of Regional Cooperation in the Middle East. – London and New York, 1998.

135. *Dabashi H.* Authority in Islam: From the Rise of Muhammad to the Establishment of the Umayyads. – New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 1989.

136. *Dekmejian R. H.* Egypt under Nasir: A Study in Political Dynamics. –Albany: State University of New York Press, 1971.

137. *Dekmejian R. H.* Patterns of Political Leadership. Egypt, Israel, Lebanon. – Albany: State University of New York Press, 1975.

138. *Dekmejian R. H.* Islam in Revolution: Fundamentalism in the Arab World. – New York: Syracuse University Press, 1995.

139. *Dessouki A. E. H.* Ideology and Legitimacy in Egypt: The Search for a “Hybrid Formula” // Developmentalizm and Beyond: Society and Politics in Egypt and Turkey / *Öncü A.*, ed. – Cairo: The American University in Cairo (AUC) Press, 1994.

140. Developmentalizm and Beyond: Society and Politics in Egypt and Turkey / *Öncü A.*, ed. – Cairo: The AUC Press, 1994.

141. Development in the Age of Liberalization. Egypt and Mexico / *Tschirgi D.*, ed. – Cairo: The AUC Press, 1996.

142. Dictatures et légitimité. Colloque. – Paris, 1982.

143. Doing Business with Egypt / *Terterov M.*, ed. – London: Kogan Page, 2001.

144. The Economics and Politics of Structural Adjustment in Egypt. – Cairo Papers in Social Science. – Vol. 16. – Monograph 3. – Cairo: The AUC Press, 1993.

145. Egypt at the Crossroads: Domestic Stability and the Regional Role / *Marr P.*, ed. – Wash.: National Defense University Press, 1999.

146. Egypt under Mubarak / *Tripp C., Owen R.,* eds. – London, New York: Routlege, 1989.

147. *Ehrenberg J.* Civil Society: The Critical History of an Idea. – New York: New York University Press, 1999.

148. Employment and Structural Adjustment: Egypt in the 1990s. / *Handoussa H., Gillian P.,* eds. – Cairo: The AUC Press, 1991.

149. *Enayat H.* Modern Islamic Political Thought. – Austin: University of Texas, 1982.

150. *Erlich H.* The Cross and the River: Ethiopia, Egypt, and the Nile. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2001.

151. *Esposito J. L.* The Islamic Threat: Myth or Reality? – Third Edition. – New York: Oxford University Press, 1999.

152. *Fandy M.* Egypt's Islamic Group: Regional Revenge? // The Middle East Journal. – 1994. – No. 4. – C. 607–621.

153. *Faris H.A.* The Arab Political Order after the Gulf War.// The Gulf Crisis. Background and Consequences / Ibrahim Ibrahim (ed.). – Washington: Georgetown University, 1992.

154. *Al-Fatah N.* The Anarchy of Egyptian Legal System: Wearing Away the Legal and Political Modernity // Legal Pluralism in the Arab World / *Dupret B., Berger M., Al-Zwaini L.,* eds. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – P. 133–244.

155. *Francos A. Séréni J.P.* Un Algérien nommé Boumediene. – Paris: Stock, 1976.

156. *Goldschmidt A.* Modern Egypt. The Formation of a National State. – Boulder (Colorado): Westview Press, 1988.

157. *Gordon J.* Nasser's Blessed Movement: Egypt's Free Officers and the July Revolution. – New York: Oxford University Press, 1992.

158. *Ghadbian N.* Democratization and the Islamist Challenge in the Arab World / Center for Strategic Studies and Research in Abu Dhabi. – Boulder: Westview Press, 1997.

159. *Ginat R.* Egypt's Incomplete Revolution: Lutfi al-Khuli and Nasser's Socialism in the 1960s. – London, Portland: Frank Cass, 1977.

160. *Gobe E.* Les hommes d'affaires Égyptiens: Démocratisation et secteur privé dans l'Egypte de l'infitah. – Paris: Editions Karthala, 1999.

161. *Gozlan M.* Pour comprendre l'intégrisme islamique. – Paris: Albin Michel, 1995.

162. *Gray M.* Economic Reform, Privatization and Tourism in Egypt. – London: Middle Eastern Studies, 1998. – Vol. 34. – N2. – P. 91–112.

163. *Haggard S., Kaufman R. R.* The Political Economy of Democratic Transition. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995.

164. *Halliday F.* Nation and Religion in the Middle East. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000.

165. *Hamdi M. E.* The Politicisation of Islam: A Case Study of Tunisia. – Boulder: Westview Press, 1998.

166. *Hansen B.* Unipolarity and The Middle East. – New York: St. Martin's Press, 2001.

167. *Heikal M. H.* Autumn of Fury: The Assassination of Sadat. – London: Andre Deutsch, 1983.

168. *Heikal M. H.* Autumn of Fury. – New York: Random House, 1983.

169. *Hermassi E.* Leadership and National Development in North Africa. – Berkley: University of California Press, 1972.

170. *Hinnenbusch R., Ehteshami A.* The Foreign Policies of Middle East States. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2001.

171. *Hourani A.* The Emergence of the Modern Middle East. – Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1981.

172. *Hourani A.* Histoire des peuples arabes. – Paris: Editions du Seuil, 1991.

173. *Howell J., Pearce J.* Civil Society and Development: A Critical Exploration. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2001.

174. *Hudson M. C.* – Arab Politics: The Search for Legitimacy. – New Haven and London: Yale University Press, 1977.

175. *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – New York: Simon & Shuster, 1996.

176. *Ibrahim S. E.* Egypt, Islam and Democracy. Twelve Critical Essays. – Cairo: The AUC Press. – 1996.

177. *Jankowski J.* Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2001.

178. *Kamil J.* Coptic Egypt: History and Guide (Revised Edition). – Cairo: The AUC Press, 1993.

179. *Kassem M.* In the Guise of Democracy: Governance in Contemporary Egypt. – Reading: Ithaca Press, 1999.

180. *Khalifa D. O.* The Privatization Process: Prospects for Egypt. – Cairo: The American University in Cairo Press, 1992.

181. *Khuri F.* The Ascent to Top Office in Arab-Islamic Culture: a Challenge to Democracy // Conflict Resolution in the Arab World: Selected Essays / *Salem P.*, ed. – Beirut: AUB, 1997.

182. *Lawrence B.* Rethinking Islam as Ideology of Violence // Conflict Resolution in the Arab World: Selected Essays / *Salem P.*, ed. – Beirut: AUB, 1997.

183. *Linz J. J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000.

184. The Many Faces of National Security in the Arab World / *Korany B., Noble P., Brynen R.*, eds. – London: Macmillan, 1993.

185. The Middle East and Development in a Changing World / *Heisl D.*, ed. – Cairo Papers in Social Science. – Vol. 20. – Monograph 2. – Cairo: The AUC Press, 1997.

186. *Monte P., Yasssin S., Leila A.* The Egyptian Bureaucracy. – Cairo: The AUC Press, 1988.

187. *Moore C. H.* Images of Development: Egyptian Engineers in Search of Industry. – Cairo: AUC Press, 1994.

188. *Naaoush S.* Économie et Finances des pays Arabes – Paris: Éditions Al Qalam, 1994.

189. The Haqq al-Arab. Conflict Resolution and Distinctive Features of Legal Pluralism in Contemporary Egypt // Legal Pluralism in the Arab World / *Dupret B., Berger M., Al-Zwaini L.*, eds. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – P. 145–172.

190. *Nefissa S. B.* Les partis politiques égyptiens entre les contraintes du système politique et le renouvellement des élites // Les partis politiques dans les pays arabes: 1. Le Machreck. – Aix-en-Provence: Edisud, 1998.

191. *Ott A. F.* Privatization in Egypt: Reassessing the Role and Size of the Public Sector // Privatization and Economic Efficiency: A Comparative Analysis of Developed and Developing Countries. – London: Edward Elgar, 1991.

192. Partners for Developmnet. New Roles for Government and Private Sector in the Middle East & North Africa / *Fawzy S., Galal A.*, eds. – Wash.: World Bank Institute, 1999.

193. *Pipes D.* In the Path of God: Islam and Political Power. – New York: Basic Books, 1983.

194. Political Islam: Revolution, Radicalism or Reform? / *Esposito J. L.*, ed. – Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 1997.

195. Political Liberalization & Democratization in the Arab World. – Vol. 1. – Theoretical Perspectives / *Brynen R., Korany B., Noble P.*, eds. – Boulder, London: Lynee Rienner Publishers, 1995.

196. Political Liberalization & Democratization in the Arab World. – Vol. 2. – Comparative Experiences / *Korany B., Brynen R., Noble P.*, eds. – Boulder, London: Lynee Rienner Publishers, 1998.

197. *Posusney M. P.* Labor and the State in Egypt. – New York: Columbia University Press, 1997.

198. *Pratt N. C.* The Legacy of the Corporatist State: Explaining Worker's Responses to Economic Liberalisation in Egypt. – Durham: Centre for Middle Eastern and Islamic Studies, 1988. – No. 60.

199. Private Sector Development in Egypt / *Giugale M. M., Mobarak H.*, eds. – The AUC Press, 1996.

200. Privatization and Structural Adjustment in the Arab Countries: Papers Presented at a Seminar Held in Abu Dhabi, UAE, 1988, Dec. 5–7. – Wash.: IMF, 1989.

201. *Reid D. M.* Cairo University and the Making of Modern Egypt. – Cairo: The AUC Press, 1990.

202. *Rivlin P.* Economic Policy and Performance in the Arab World. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2001.

203. *Richards A., Waterbury J. A.* Political Economy of the Middle East. State, Class and Economic Development. – Boulder, San Francisco, and Oxford: Westview Press, 1990.

204. *Rodenbeck M.* Cairo: The City Victorious. – London: Picador, 1998.

205. *Rubin B.* Islamic Fundamentalism in Egyptian Politics. – New York: McMillan Publishers, 1985.

206. Sadat and His Legacy: Egypt and the World, 1977–1997 / *Alterman J. B.* – Wash.: Washington Institute for Near East Policy, 1998.

207. *Sarkis N.* Le pétrole, une chance pour les Arabes? // Les Arabes, du message a l'histoire / *Chevallier D., Miquel A.*, eds. – Paris: Fayard, 1995.

208. *Al-Sayyid M. K.* Privatization: The Egyptian Debate. – Cairo Papers in Social Science. – Vol. 13. – Monograph 4. – Cairo: The AUC Press, 1990.

209. *Al-Sayyid M. K.* A Clash of Values: U. S. Civil Society Aid and Islam in Egypt // Funding Virtue: Civil Society Aid and Democracy Promotion / *Ottaway M., Carothers T.*, eds. – Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000.

210. *Shafei El. O.* Workers, Trade Unions and the State in Egypt: 1984–1989. – Cairo Papers in Social Science. – Vol. 18. – Monograph 2. – Cairo: The AUC Press, 1995.

211. *Sidky S. H.* General Trends of Social Policies Related to Structural Adjustment in the Arab Countries. – Cairo: Cairo University Center for the Study of Developing Countries, 1997, December.

212. *Sivan E.* Radical Islam: Medieval Theology and Modern Politics. – New Haven and London: Yale University Press, 1985.

213. *Soto H.* The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. – NY: Basic Books, 2000.

214. *Sorensen G.* Democracy and Democratization. – Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1993.

215. *Sullivan D. J., Abed-Kotob S.* Islam in Contemporary Egypt: Civil Society vs. the State. – Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 1999.

216. *Tahseen B.* The Egyptian State in Transition // Egypt at the Crossroads: Domestic Stability and Regional Role / *Marr P.*, ed. – Wash.: National Defence University Press, 1999.

217. Tradition and Modernity: The Role of Traditionalism in the Modernization Process / *Lutz J. G., El-Shakhs S.*, eds. – Wash.: University Press of America, 1982.

218. Vatikiotis P.J. The Egyptian Army in Politics. – Bloomington: Indiana University Press, 1961.

219. Voices of Resurgent Islam / Esposito J. L., ed. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1983.

220. *Volker P.* The Political Economy of Syria under Asad. – London, New York: Taurus, 1995.

221. *Weaver M.* A Portrait of Egypt: A Journey Through the World of Militant Islam. – New York: Farrar Straus & Giroux. – 1998.

222. *Yohannes O.* Political Economy of an Authoritarian Modern State and Religious Nationalism in Egypt. – New York: Edwin Mellen Press, 2001.

223. *'Абд аль-Ма'аты Р.* Аль-хасхаса ва ат-таджауалят аль-иктисадийа фи мыср (Приватизация и экономические преобразования в Египте). – Каир: Марказ аль-махруса ли аль-бухус ва ат-тадриб ва ан-нашр, 1997.

224. *'Ауда М.* Либралийун ва шималийун: ва кысса ад-димукратыйа ва аль-хизбийа фи мыср (Либералы и левые: история демократии и политических партий в Египте). – Каир: Дар аль-хиляль, 1999.

225. Аль-Ахзаб ва ат-танмийа фи аль-ватан аль-арабий ва хариджихи (Партии и развитие в арабских странах и за их пределами) / Под ред. *Аль-Саида М. К. и Зарнуки С. С.* – Кадайа ат-танмийа. – Вып. 6. – Каир: Марказ дирасат ва бухус ад-дуваль ан-намиа (Каирский ун-т, Центр изучения развивающихся стран), 1997.

226. Аль-умам аль-муттахида ва кадайа аль-джануб (ООН и проблемы Юга) // Кадайа ат-танмийа / Под ред. *Афанди Х. А.* – Вып. 2. – Каир: Марказ дирасат ва бухус ад-дуваль ан-намиа (Каирский ун-т, Центр изучения развивающихся стран), 1996.

227. Димукратыйа мин дуна димукратыйин (Демократия без демократов). – Бейрут, 1995.

228. *Заки Р.* Ат-такайиф аль-хейкалий фи ад-дуваль ан-намиа (Структурная адаптация в развивающихся странах). – Каир: Дар аль-мустакбаль аль-ʻарабий, 1996.

229. *Исмаʻил М. А.* Аль-канун ан-никабий (Закон о профессиональных союзах и ассоциациях). – Каир: Дар ан-наср ли ат-таузиʻа ва ан-нашр, 1993.

230. *Аль-ʻИссави И.* Аль-факр ва аль-фукараʼ фи мыср: аль-вакаʼʻа ва ат-ташхис ва аль-ʻилядж (Бедность и бедные в Египте: факты, диагноз, предписания) // Бухус иктисадийа ʻарабийа. Вып. 13. – Каир: Аль-джамʻийа аль-ʻарабийа ли аль-бухус аль-иктисадийа, 1998.

231. Аль-ислах аль-иктисадий ва аль-хасхаса фи аль-сахафа аль-мысрийа ва аль-ʻарабийа ʻам 1992 (Экономическая реформа и приватизация в освещении египетской и арабской прессы в 1992 г.). – Каир: Аль-махруса ли ан-нашр ва аль-хидамат ас-сахафийа ва аль-маʻалюмат, 1993.

232. *Касем М.* Аль-ислах аль-иктисадий фи мыср: даур аль-бунук фи аль-хасхаса ва ахам ат-таджариб ад-дувалийа (Экономическая реформа в Египте: роль банков в приватизации и основные примеры международного опыта). – Каир: Ад-Дар аль-мысрийа аль-любнанийа, 1997.

233. *Кындиль А.* Ад-даур ас-сиясий ли джамиʻат аль-масалих фи мыср: дираса халя ли никабат аль-ʼатыбба', 1984–1995 (Политическая роль групп интересов в Египте: на примере ассоциации врачей, 1984–1995). – Каир: Марказ ад-дирасат ас-сиясийа ва аль-истратиджийа би аль-ахрам, 1996.

234. *Мухараз А. М.* Аль-хасхаса: ан-низам аль-кануний ли-тахаууль аль-кытʻа аль-ʻамм иля аль-кытʻа аль-хасс. (Приватизация: предусмотренный законом порядок перевода предприятий государственного сектора в частный) // Китаб аль-иктисад. – Вып. 99. – Каир: Аль-Ахрам, 1996.

235 Ан-Никабат аль-ʻарабийа фи даʻам аль-муджтамаʻ аль-маданий (Роль арабских профессиональных союзов в гражданском обществе) / Под ред. *Субхи К.* – Каир: Марказ Ибн Халдун, 1996.

236. *Рагаб М.* Аль-ахзаб ас-сиясийа аль-мысрийа: дираса ли барамиджиха ва дауриха фи ат-танмия ва аль-биʻа (Политические партии

Египта: исследование их программ, посвященных развитию и окружающей среде). – Каир: Дар аль-хуррийа, 2000.

237. *Сулейман А. А.* Барнамадж аль-хасхаса: кадайа ат-тахаввуль иля иктисад ас-сук фи мыср (Программа приватизации: проблемы перехода к рыночной экономике в Египте). – Каир: Аль-Ахрам, Марказ ад-дирасат ас-сийасийа ва аль-истратиджийа би аль-ахрам (Центр политических и стратегических исследований), 1996.

238. Ат-такрир аль-истратиджий аль-'арабий (Арабский стратегический доклад 1995). – Каир: Центр политических и стратегических исследований, 1996.

239. Ат-такрир аль-истратиджий аль-'арабий (Арабский стратегический доклад 1997). – Каир: Центр политических и стратегических исследований, 1998.

240. Ат-такрир аль-истратиджий аль-'арабий (Арабский стратегический доклад 1998). – Каир: Центр политических и стратегических исследований, 1999.

241. *Тауфик А. М.* Аль-му'арада (Оппозиция). – Каир: Аль-'арабий ли ан-нашр ва ат-танзи'а, 1989.

242. *Хала М.* Ан-низам ас-сияйсий ва кадайа ат-тахаввуль ад-димукратий фи мыср (Политическая система и проблемы демократизации в Египте). – Каир: Мирит ли ан-нашр ва аль-ма'люмат, 1999.

243. *Хамадан Г.* Шахсият мыср (Лик Египта). – Каир: Аль-хей'а аль-мысрийа аль-'амма ли аль-китаб, 2000.

244. *Хатим С. А.* Аль-хибра ад-дувалийа фи аль-хасхаса (Международный опыт приватизации). – Каир: Дар аль-'ильм ли ат-таба'а, 1994.

245. Аль-хибра ас-сийасийа аль-мысрийа фи ми'ат 'амм: амаль аль-му'тамар ас-санавий ас-салис 'ашар ли-ль-бухус ас-сиясийа, 4–6.12. 1999 (Египетский политический опыт за сто лет: материалы шестнадцатой ежегодной конференции политических исследований, 4–6 декабря 1999 / Под ред. *Назли М. А.* – Каир: Джамиат аль-Кахира, Куллият аль-иктисад ва аль-'улюм ас-сиясийа, 2001.

Справочная литература

246. Арабская Республика Египет. Справочник. – М.: Наука, 1990.

247. Политические партии современной Африки: Справочник. – М.: Восточная литература РАН, 1998.

248. The Concise Oxford Dictionary of Politics / *McLean I.*, ed, – Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.

249. *Freeman-Glenville G. S. P.* Historical Atlas of the Middle East. – New York: Simon and Shuster, 1993.

250. *Goldschmidt A. Jr.* Bibliographical Dictionary of Modern Egypt. – Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 2000.

251. Middle East and North Africa. – London, 2001.

252. The Military Balance 2000–2001 / The International Institute for Strategic Studies. – London: Oxford University Press, 2000.

253. OPEC Annual Statistical Bulletin 2000. – Vienna, 2001.
254. The Oxford History of Islam / *Esposito J. L.*, ed. – New York: Oxford University Press, 1999.
255. Political Handbook of the World: 1998 / *Banks A. S., Muller T. C.*, eds. – New York: CSA Publications, 1998.
256. Who's Who in Egypt and the Near East. – Cairo: Paul Barbery Press, 1952.
257. Who's Who in Egypt. – Cairo: Ummah Press Service, 1995.

Периодические и сетевые издания

258. «БИКИ» Бюллетень иностранной коммерческой информации, Москва.
259. «Вестник Московского университета». Серия 13. Востоковедение.
260. «Вопросы истории», Москва.
261. «Вопросы философии», Москва.
262. «Восток – Orients», Москва.
263. «Независимая газета», Москва.
264. «Современная мысль» (газета), Москва.
265. «Al-Ahram Weekly», Cairo.
266. «Business Today», Cairo.
267. «Cairo Times», Cairo.
268. «The Economist», London.
269. «Egypt Focus», Norfolk.
270. «The Egyptian Gazette», Cairo.
271. «Egyptian Mail», Cairo.
272. «Financial Times», London.
273. «Foreign Affairs», New York.
274. «Foreign Policy», Wash.
275. «The Jerusalem Post», Jerusalem.
276. «ISIM Newsletter», International Institute for the Study of Islam in the Modern World, Amsterdam.
277. «MENA», Cairo.
278. «The Middle East», Wash.
279. «Middle East Policy», Wash.
280. «Middle East Review of International Affairs», New York.
281. «Middle Eastern Studies», London.
282. «Le Monde diplomatique», Paris.
283. «Newsweek», New York.
284. «New York Times», New York.
285. «Reuters», London, New York.
286. «The Washington Report on Middle East Affairs», Wash.
287. «Аль-Ахбар», Каир.
288. «Аль-Ахрам», Каир.
289. «Аль-Ахрар», Каир.
290. «Аль-Вафд», Каир.
291. «Аль-Гумхурийа», Каир.

292. «Аль-Маджалля», Лондон.
293. «Майу», Каир.
294. «Аль-Мусаввар», Каир.
295. «Аль-Ахрар», Каир.
296. «Аль-Куват аль-мусаллаха», Каир.
297. «Аш-Шааб», Каир.
298. «Аш-Шарк аль-аусат», Лондон.
299. ahram.org.eg, Al-Aharm Online.
300. cnn.com, Cable News Networks.
301. hrw.org/mideast, Human Rights Watch: Middle East / North Africa.
302. ilo.org, International Labor Organization.
303. IMF. International Financial Statistics. – Wash.: IMF, 1996. – July.
304. usaid.org, United Sates Agency for International Development.
305. c.cc.columbia.edu, Columbia International Affairs Online.
306. wnc.fedworld.gov, World News Connection.
307. fao.org./landandwater/swlwpnr/egypt/e-lcover.htm.
308. Arab Republic of Egypt Year Book. Ministry of Information, State Information Service, Cairo.
309. Unated Nations. Commodity Trade Statistics. New York.
310. World Bank. World Development Indicators. Washington, DC.
311. World Bank. World Development Indicators 2000 (CD-ROM). Washington, 2001.
312. World Bank . World Development Report, Washington.

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ЕГИПТА

Национально-демократическая партия (НДП) [с 1978 г.]

Араб. назв. – Аль-хизб ал-ватаний ад-димукратый.

Варианты названия, встречающиеся в литературе: англ.: National Democratic Party (NDP); франц.: Parti National Démocratique (PND).

Большинство исследователей считает НДП прямой наследницей Арабского Социалистического Союза (АСС), единственной и правящей партии 1962–1975 гг. Возникла в марте 1976 г. как центристская платформа внутри АСС; в ноябре того же года преобразована в самостоятельную политическую организацию под названием Арабская социалистическая партия Египта (АСПЕ). Председателем являлся премьер-министр Мамдух Салем.

23 июля 1978 г. было принято решение о создании НДП на основе идеологического документа, предложенного президентом Садатом и озаглавленного «Демократический социализм». Председателем новой партии, в которую влилась АСПЕ, становится глава государства. В сентябре 1978 г. состоялся учредительный, а в апреле 1980 г. – I съезд НДП. Программа НДП выразила поддержку политике «открытых дверей» и курса на строительство социализма благосостояния, а не бедности; объявила майское «исправительное движение» 1971 года второй «революцией», наряду с переворотом 1952 г. Документ об идеологических рамках НДП, одобренный в феврале 1983 г., внес изменения в преамбулу программы, которая, в отличие от предыдущей, высоко оценивает общественные преобразования эпохи Насера.

НДП – правящая партия Арабской Республики Египет. Председатель партии – президент Мухаммед Хосни Мубарак (избран 26 января 1982 г. на чрезвычайном съезде НДП). На парламентских выборах традиционно получает подавляющее большинство мест в Народном собрании (с 2000 г. – 388 из 454) и Консультативном собрании. В программе сформулированы идеи национального единства, развития экономики с привлечением национального и иностранного капитала, укрепления арабского единства. Численность партии, по официальным данным, составляет более 1,5 миллионов человек. Печатный орган – еженедельник «Майу» («Май»). Структура и принципиальные положения деятельности партии изложены в Уставе. НДП является звеном государственного аппарата. Лозунги партии совпадают с политическими установками режима. Генеральный секретарь НДП – Юсеф Вали, министр сельского хозяйства.

Национально-прогрессивная (левая) партия (НПП) – Тагамму‘ [с 1976 г.]

Араб. назв. – Хизб ат-тагамму‘ аль-ватаний ат-такаддумий аль-вахдавий.

Варианты названия, встречающиеся в литературе: русс.: НПП, Тагамму‘, Партия юнионистов; англ.: Tajamo‘ Party, Nationalist Unionist Progressive Party (NUPP), Progressive Unionist Party (PUP); франц.: Rassemblement Progressiste Unioniste; араб.: Хизб ат-тагамму‘.

Образована в 1976 г. по решению президента Садата первоначально как левая платформа внутри единственной разрешенной и правящей политической организации Арабский социалистический союз (АСС). Затем, в том же году была оформлена в качестве самостоятельной политической партии. В партию были объединены насеристы, марксисты, арабские националисты, представители умеренных мусульманских и коптских кругов. Хизб ат-тагамму‘ – второе полуофициальное название НПП, означающее, что эта партия (хизб) следует насеровским заветам юнионизма (тагамму‘).

Печатный орган НПП – «Аль-Ахали» («Соотечественники»). По данным самой партии, она насчитывает около 150 тыс. активистов, сторонников и сочувствующих. Судя по всему, эта цифра, часто встречающаяся в информационных данных о партии, основана на тираже, который газета «Аль-Ахали» имела в конце 1980-х годов (150 тыс. экземпляров). Базу поддержки НПП составили мелкие служащие из простых семей, «белые воротнички», занятые в госсекторе и общественных учреждениях, а также квалифицированные рабочие, то есть примерно тот же социальный слой, на который опирался насеровский режим. В Народном собрании созыва 2000 года имеет шесть мест, на одно больше, чем после выборов 1995 и 1990 годов. В программе партии подтверждается приверженность положениям Хартии национальных действий от 30 июня 1962 г. о соблюдении принципа 50-процентного представительства рабочих и крестьян во всех руководящих органах. Выступает за доминирующую роль государственного сектора, общенациональное экономическое планирование и демократизацию общественно-политической жизни. В конце восьмидесятых часть членов ЦК и секретариата НПП перешла в Арабско-демократическую партию насеристов (АДПН), что привело к расколу и ослаблению левого крыла легальной оппозиции.

Лидер – Халед Мохи ад-Дин (род.1922), в прошлом – член исполкома организации «Свободные офицеры» и Совета революционного командования (до 1954 г.), несколько лет находился в эмиграции, с конца 1950-х был вновь приближен к правительственным кругам, работал главным редактором левой газеты «Аль-Маса» (Вечер).

Либерально-социалистическая партия (ЛСП) [с 1976 г.]

Араб. назв. – Хизб аль-ахрар аль-иштиракий.

Варианты названия, встречающиеся в литературе: русс.: Партия либералов; англ.: Liberal party (LP); франц.: Parti des Libéraux; араб.: Хизб аль-ахрар.

Образована в 1976 г. по решению президента Садата первоначально как правая платформа внутри единственной разрешенной и правящей по-

литической организации Арабский социалистический союз (АСС). В том же году была оформлена в качестве самостоятельной политической партии. На выборах 1987 г. выступила в альянсе с «Братьями-мусульманами» и использовала их лозунг «Ислам – это решение». В настоящее время не связана с «Братьями-мусульманами». По оценкам специалистов, партия имеет немногочисленных сторонников из-за неоднократной смены взглядов и полной поддержки, которую она оказала президенту Садату в подписании мирного договора с Израилем. В Народном собрании созыва 2000–2005 гг. имеет одного депутата. С 1976 по 1998 г. партию возглавлял бывший член организации «Свободные офицеры» Мустафа Камиль Мурад, работавший после революции в директорате крупных компаний госсектора. После смерти Камиля Мурада наблюдается кризис руководства ЛСП.

Партия Новый Вафд [1978 г., вторично – с 1983 г.]

Араб. назв. – Хизб аль-вафд аль-джадид.

Варианты названия, встречающиеся в литературе: англ.: New Wafd Party (NWP), Neo-Wafd Party; франц.: Neo-Wafd.

Новый Вафд – наследница партии «Вафд» («Делегация»), основанной в 1919 г. Са'адом Заглюлем. С 1922 по 1952 год вафдисты сформировали несколько правительственных кабинетов. Наиболее влиятельная буржуазная партия в дореволюционном Египте (до 1952 г.). Распущена 17 января 1953 года по закону о роспуске всех политических партий. Многие члены партии были арестованы. Пытаясь обеспечить для себя всю полноту власти, президент Гамаль Абдель Насер заключил под арест лидеров Вафда и конфисковал состояние практически всех видных вафдистов.

Партия Новый Вафд была зарегистрирована в начале 1978 года. Весной того же года она была закрыта в связи с принятым по инициативе Анвара Садата законом № 33, запретившим деятельность партий, которые не разделяли принципов Июльской революции 1952 года. Партия Новый Вафд вновь была разрешена в 1983 году по решению Конституционного суда и зарегистрирована в 1984 году.

Является главным представителем правой части оппозиционного египетского политического спектра. Новый Вафд выступает за демократию, основанную на многопартийной основе, за уважение прав человека и основные общественные свободы. Ее программу отличает, помимо критического отношения к госсектору, положение о том, что шариат – органический, но не единственный источник законодательства. В партии Новый Вафд с момента ее создания наблюдались противоречия между тремя течениями: 1. «традиционалисты» (носители светских буржуазно-демократических принципов); 2. политики новой генерации, не связанные с дореволюционным поколением вафдистов; 3. представители происламского крыла этой партии.

Председателем партии с начала 1978 г. и до августа 2000 г. являлся Мухаммед Фуад Сераг ад-Дин (р. 1910) – бывший министр королевского правительства и один из крупных деятелей дореволюционного Вафда. Ны-

нешний председатель партии – Ном‘ан Гома‘а. Печатный орган – «Аль-Вафд». По явно завышенным самостоятельным оценкам, партию поддерживают более одного миллиона египтян. В Народном собрании, избранном в 1990 г., у Нового Вафда не было ни одного представителя, в 1995 г. – шесть. На последних (2000 г.) выборах парламентские места заняли семь депутатов от Нового Вафда, но затем вследствие внутрипартийного раскола двое из них вышли из партии и стали «независимыми» депутатами.

Социалистическая партия труда (СПТ) [с 1978 по 1979 г., вторично с 1983 г.]

Араб. назв. – Хизб аль-‘амаль аль-иштиракий.

Варианты названия, встречающиеся в литературе: англ: Socialist Labor Party (SLP), Labor Party; франц.: Parti Socialiste du Travail; араб.: Хизб аль-‘амаль.

Основана в 1978 г. президентом Садатом, желавшим создать лояльную оппозиционную партию в новой многопартийной системе. Деятельность партии была приостановлена в период с 1979 по 1983 год согласно закону № 36, запретившему партии, выступающие против заключенного мирного договора с Израилем. До 1984 года партия выступала за поддержку национальной экономики, социальные гарантии, свободу печати и политических организаций.

На выборах в Народное собрание в 1984 году партия не смогла преодолеть восьмипроцентный барьер (впоследствии четыре ее представителя были введены в Народное собрание президентским декретом). На выборах 1987 года «исламский альянс», в который вошли СПТ, Либерально-социалистическая партия (ЛСП) и умеренное крыло «Братьев-мусульман», получил более 16% голосов. С 1987 года представляет исламское направление и является одной из ведущих оппозиционных партий. По некоторым оценкам, она имеет около трех миллионов сторонников в основном среди молодежи, студентов, средних классов и людей с высшим образованием. Партию, состоящую в альянсе с нелегальной ассоциацией «Братья-мусульмане», можно рассматривать в качестве выразительницы исламского политического движения. Иногда в прессе ее безапелляционно называют «Исламистской рабочей партией».

Председателем СПТ с момента ее основания является Ибрахим Шукри (р. 1916), который в семидесятые годы входил в кабинет министров; до революции 1952 года был одним из руководителей – генеральным секретарем и заместителем председателя партии Мыср аль-Фатат. В марте 2001 года вместо скончавшегося генерального секретаря партии ‘Аделя Хусейна на этот пост заступил его племянник Магди Хусейн, являвшийся ранее главным редактором печатного органа партии – газеты «Аш-Шааб» («Народ»).

В мае 2000 года деятельность СПТ была приостановлена на неопределенный срок, выход газеты «Аш-Шааб» запрещен в связи с обвинением в намеренной провокации общественных волнений. Несмотря на 11 постановлений судов о снятии запрета, власти не дали разрешения возобновить

выпуск газеты. 8 сентября 2001 г. на пленуме Генеральной ассамблеи партии, по инициативе ее председателя, из состава Исполнительного комитета СПТ были выведены одиннадцать членов, связанных с «Братьями-мусульманами» (среди них и Магди Хусейн).

Партия Мыср аль-Фатат, к которой восходят идеологические и организационные корни СПТ, была основана в 1933 г. под покровительством короля Фуада. В дальнейшем пережила целый ряд превращений. С 1940 г. носила официальное название Исламская национальная партия, а перед революцией 1952 г. – Социалистическая партия. Была враждебна вафдистам из-за того, что они стояли на стороне Союзников во время второй мировой войны, выступала за укрепление государственных начал в экономике. Оценки исторической деятельности Мыср аль-Фатат весьма противоречивы.

Арабско-демократическая партия насеристов (АДПН) [с 1992 г.]

Араб. назв. – Аль-Хизб ад-димукратий аль-арабий ан-насерий.

Варианты названия, встречающиеся в литературе: русс.: Партия насеристов; англ.: Nasserite party, Arab Democratic Nasserite party (ADNP); франц.: Parti Arabe Démocratique Nasserien; араб.: Аль-Хизб ан-насерий.

Партия была зарегистрирована в 1992 году; фактически существует с 1987 года, когда ее основатели получили право на издание собственной газеты «Саут аль-араб» («Голос арабов») и провели учредительную конференцию. Популярна среди приверженцев идеологии и практики режима Гамаля Абдель Насера. Выступает за социальные и политические гарантии гражданам и общественным группам в процессе национального развития. Лозунг партии: «Свобода, социализм, единство».

Лидер партии – Диаэддин Дауд, в прошлом один из гражданских «аппаратчиков» АСС, пострадавший во время чисток 1971 года. Генеральный секретарь – Сами Шараф из бывших «Свободных офицеров» так называемого третьего эшелона; с 1955 года являлся секретарем Насера, считался его серым кардиналом и руководителем службы политического сыска. Последняя должность в правительстве – министр по делам президентства, в мае 1971 года находился среди ведущих участников верхушечной оппозиции Садату, стал жертвой «исправительного движения» и провел десять лет в тюрьме.

В парламенте созыва 2000 года партия представлена двумя депутатами. В настоящее время испытывает серьезные финансовые трудности. Не имеет достаточно средств для обеспечения функционирования политбюро из 12 человек и выпуска газеты «Аль-Арабий», превратившейся из ежедневной в еженедельную. В начале 2001 г. обсуждался вопрос о возможности «покупки» партии египетским бизнесменом и миллионером Рами Лакахом. Первый христианин-католик, ставший депутатом Народного собрания АРЕ, Лаках был избран вице-председателем Комитета по международным делам. Бизнесмен-депутат предложил оздоровить финансовое состояние партии и привлечь в ее парламентскую фракцию новых членов в обмен на назначение его председателем фракции. Несмотря на идейную оппозицию

со стороны редакторов партийной газеты, большинство членов руководства АДПН были согласны с предложением. Однако Лакаха лишили места в парламенте из-за его двойного гражданства, и сделка не состоялась.

Партия «*Аль-Умма*» (Нация) [с 1983 г.]

Основной задачей считает провозглашение «исламской арабской египетской республики» и создание «консультативного демократического социалистического режима», единственной законодательной основой которого служил бы шариат. Программа основывается на сочетании национализма с теологическими концепциями. На международной арене партия выступает поборницей мирного сосуществования, объединения арабских и мусульманских народов, за создание арабского палестинского государства. Стремится к сотрудничеству с ассоциацией «Братья-мусульмане» и неовафдистами. Лидер партии – египетский теолог Ахмед ас-Сабахи Авадалла.

Источники:

Арабская Республика Египет. Справочник. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990; Политические партии современной Африки. Справочник. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1998; Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987 / Под ред. *Наумкина В. В.* – М.: Наука, 1990; *Сейранян Г. А.* Национал-демократическая партия Египта как звено государственного аппарата // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (история, экономика и политика). – Вып. 4. / Под ред. Сейраняна Б. Г. и др. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 157–170); *Kassem M.* In the Guise of Democracy: Governance in Contemporary Egypt. – Reading: Ithaca Press, 1999; *Nefissa S. B.* Les partis politiques égyptiens entre les contraintes du systeme politique et le renouvellement des élites // Les partis politiques dans les pays arabes: 1. Le Machreck. – Aix-en-Provence: Edisud, 1998; Ан-низам аль-асасий ли аль-хизб аль-ватаний ад-димукратый (Устав Национально-демократической партии). – Каир; *Рагаб М.* Аль-ахзаб ас-сиясия аль-мысрийа: дираса ли барамиджиха ва дауриха фи ат-танмия ва аль-би‘а (Политические партии Египта: исследование их программ, посвященных развитию и окружающей среде). – Каир: Дар аль-хуррийа, 2000; Ат-такрир аль-истратиджий аль-‘арабий (Арабский стратегический доклад 1995). – Каир: Марказ ад-дирасат ас-сийасийа ва аль-истратиджийа би аль-ахрам, 1996; *Тауфик А. М.* Аль-му‘арада (Оппозиция). – Каир: Аль-‘арабий ли ан-нашр ва ат-танзи‘а, 1989; Al-Ahram Weekly On-line. 23–29 Nov. 2000. – No.509; материалы прессы; данные авторов.

Приложение 2

ВЫБОРОЧНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Таблица 1

Некоторые социально-экономические характеристики Египта и других стран региона

Страны	ВНП на душу населения, тыс. долл., 2000 г.	Население		Доля горожан, в %	Продолжительность ожидаемой жизни, 1999	Удельный вес неграмотных старше 15 лет, данные1999 г. в %
		2000 г. млн. чел.	средние темпы роста за 1990–2000 в %			
Алжир	1,6* (5,0)**	30	1,9 (25)***	60	71	33
Египет	**1,5 (3,7)**	**64**	**2,0 (26)**	**45**	**67**	**45**
Марокко	1,2 (3,4)	29	1,8 (25)	55	67	52
Сирия	1,0 (3,2)	16	2,8 (29)	54	69	26
Тунис	2,1 (6,0)	10	1,6 (17)	65	73	30
Турция	3,1 (7,0)	65	1,5 (21)	74	69	15

* По «официальному» обменному курсу.

** По паритетам покупательной способности национальных валют, в постоянных ценах 1987 г.

*** Число рождений на 1 тыс. жителей, 1999 г.

Источники: The World Bank. World Development Report 2001/2002, Oxford University Press, New York, 2001; The World Bank. World Development Indicators 2001, Washington, D.C., 2001.

Комментарий к таблице 1. Бурное увеличение численности населения – при отсутствии резерва земельных ресурсов – часто называют одной из социальных бед Египта и главным ограничителем экономического роста. Действительно, согласно переписи 1897 г., в Египте проживало 9,7 млн. человек; в 1947 г. – 19 млн., а по оценкам на 2000 г. – 64 (или 65) млн. При этом 96% населения сосредоточено на 4% территории страны, составляющих около 40 тыс. кв. км. Это примерно – одна Голландия или Швейцария (обе: св. 41 тыс. кв. км) и меньше, чем Московская область (47 тыс. кв. км). С учетом разных вариантов демографических прогнозов в ближайшие десятилетия египетское население достигнет 100 млн. чел. (80 – в 2015 г.) и к середине века может превысить по абсолютной численности убывающее российское. Вместе с тем средние темпы ежегодного прироста населения АРЕ к концу XX века несколько снизились и составили в 1990–2000 гг. около 2% (по другим оценкам, 2,1–2,2). По международной классификации, Египет относится к странам с нижне-средним доходом на душу населения; в этой группе уровень демографического роста составил

за указанный период 1,1% ежегодно, а в регионе Северная Африка, Ближний и Средний Восток – 2,2%. Но при этом египетский показатель был ниже, чем в некоторых арабских странах, например, в Сирии (2,8) или Йемене (3,9) и, соответственно, ниже, чем в странах южнее Сахары, где в целом население увеличивалось на 2,6% в год (в том числе: Нигерия – 2,8%, Уганда – 3%, Нигер – 3,4%).

[См.: The World Bank. World Development Report 2001/2002. – С. 232–233].

Что касается динамики рождаемости, то она в Египте имеет циклический характер; при этом пиковый показатель был достигнут за последние тридцать лет в 1985 г. Анализ статистики показывает тенденцию к снижению уровня рождаемости (с 40,9 промилле в 1985 г. до 29,7 в 1994 г. и 26 в 1999 г.) и позволяет сделать вывод о том, что Египет переходит к фазе воспроизводства населения, характерной для индустриального общества. В свою очередь, смертность снизилась с 19 промилле в 1950 г. до 15 в 1970 г. и 7 в 1990–1999 гг. Самодеятельное население в 1980 г. было зарегистрировано в количестве 14 млн. человек, в 1999 г. – 24 млн. Еще 2–4 млн. экономически активных египтян находятся за рубежом.

[См. *Касторный М.Е.* Демографические аспекты рынка труда в Египте. // Востоковедный сборник. Выпуск 2. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – С.168–174; The World Bank.World Development Indicators 2001. – С. 44, 46].

Таблица 2

Динамика компонент валового внутреннего продукта Египта

	I	II	III	IV	V	VI
1965			29	27	45	18
1966	**11 707**		**28**	**27**	**45**	**17**
1967	11 763	0, 5	29	27	45	15
1968	12 019	2, 2	29	27	43	13
1969	12 803	6, 5	30	28	42	14
1970	13 536	5, 7	29	28	42	14
1971	**14 060**	**3, 9**	**29**	**28**	**43**	**14**
1972	14 442	2, 7	31	27	42	13
1973	15 025	4, 0	31	25	45	14
1974	15 493	3, 1	30	25	44	21
1975	16 960	9, 5	29	27	44	20
1976	**19 507**	**15, 0**	**28**	**26**	**46**	**22**
1977	22 033	12, 9	27	27	46	22
1978	23 496	6, 6	25	29	46	22
1979	25 118	6, 9	21	36	43	30
1980	27 727	10, 4	18	37	45	31
1981	**28 796**	**3, 9**	**20**	**38**	**42**	**33**
1982	31 759	10, 3	20	32	48	27
1983	34 156	7, 5	20	30	50	25
1984	36 142	5, 8	20	29	51	22
1985	38 473	6, 4	20	29	51	20
1986	**39 510**	**2, 7**	**21**	**27**	**52**	**16**
1987	40 508	2, 5	20	27	52	13
1988	42 625	5, 2	19	29	52	17
1989	44 686	4, 8	20	28	52	18
1990	47 180	5, 6	19	29	52	20
1991	**47 680**	**1, 1**	**18**	**33**	**49**	**28**
1992	49 757	4, 4	17	33	50	29
1993	51 192	2, 9	17	33	50	28
1994	53 163	3, 9	17	33	50	23
1995	55 614	4, 6	17	33	50	24
1996	**58 380**	**5, 0**	**17**	**32**	**51**	**21**
1997		(5,0)	16	32	53	21
1998		6,0	16	32	50	17
1999		5,5	17	32	51	16
2000			**17**	**33**	**50**	

I. – ВВП в постоянных ценах 1987 г. (млн. ам. долл.). С 1997 г. перешли на другую базу.
II. – Рост ВВП (%)
III. – Сельское хозяйство – доля в ВВП (%)
IV. – Промышленность – доля в ВВП (%)
V. – Услуги – доля в ВВП (%)
VI. – Экспорт – доля в ВВП (%)

Источник: World Bank. World Development Indicators 1998 CD-ROM. Wash. World Bank. World Development Report 1998/1999, Oxford University Press, New York; World Bank. World Development Report 1999/2000, Oxford University Press, New York.

Таблица 3

Динамика вклада частного сектора в производство товаров и услуг (в процентах, по ценам 1991/92 г.).

Финансовый год (с 1 июля)	1987/88	1995/96	1996/97
ВВП	62, 4	63,3	66, 4
Первичный сектор (с.-х.)	98,6	98,7	98,7
Вторичный сектор	46,0	46,2	
Третичный сектор	58,5	61,5	
Отдельные отрасли			
Обрабатывающая и добывающая промышленность (без нефти)	49,8	62,2	
Нефтегазовый комплекс	26,8	16,1	13,3
Электроэнергетика	0	0	0
Строительство	65,5	72,1	73,8
Транспорт и связь	35,1	33,4	55,8
Торговля и финансы	70,6	81,5	

Источники: IMF. Egypt Beyond Stabilization. Toward a Dynamic Market Economy. Washington, D. C., May 1998. – C. 47;

Partners for Developmnet. New Roles for Government and Private Sector in the Middle East & North Africa / *Fawzy S., Galal A.*, eds. – Wash.: World Bank Institute, 1999.

Таблица 4

Динамика платежного баланса Египта

	I	II	III	IV	V
1975	-21,2	-2 426	2 503	5 141	225
1976	-10,2	-1 363	3 319	5 182	444
1977	-9,9	-1 456	3 888	5 879	477
1978	-9,2	-1 361	4 099	6 612	387
1979	-10,6	-1 915	5 401	8 781	1 375
1980	-1,9	-438	6 246	9 157	541
1981	-9,1	-2 136	6 536	10 405	747
1982	-9,9	-2 532	6 338	10 332	100
1983	-5,4	-1 522	6 682	10 766	120
1984	-8,2	-2 505	6 848	12 287	146
1985	-9,3	-3 209	6 866	12 606	212
1986	-9,4	-3 357	6 494	11 825	219
1987	-13,6	-5 513	4 679	11 306	176
1988	-2,5	-867	4 689	9 519	124
1989	-4,5	-1 803	5 418	9 796	124
1990	-5,5	-2 381	7 399	12 073	136
1991	-7,5	-2 763	10 284	13 234	141
1992	8,2	3 438	12 151	13 326	359
1993	9,2	4 327	13 177	14 555	453
1994	0,5	284	11 220	14 296	1 285
1995	0,8	480	13 470	16 894	735
1996	0,7	499	15 245	18 951	612
1997	3.1	2 905	16 171	18 296	891
1998	-3,5	-2 762	13 502	21 807	1 076
1999	-1,0	-1 708	14 256	21 740	1 065

I – Счет текущих операций (% ВВП)

II – Счет текущих операций (млн. ам. долларов)

III – Экспорт товаров и услуг (млн. ам. долларов)

IV – Импорт товаров и услуг (млн. ам. долларов)

V – Прямые иностранные инвестиции (млн. ам. долларов)

Источники: World Bank. World Development Indicators 1998, CD-ROM. Washington, DC; World Bank. World Development Report 1999/2000; 2001/2002. Oxford University Press, New York, N. Y.

Таблица 5

Некоторые показатели динамики экспорта товаров и услуг

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1988	5309.7	64	10	7	11	15	3423.6	378.1	132.4	572.1	803.5	4524.0	1004.8	1439.0
1989	4610.0	63	8	6	11	18	2882.2	287.9	101.0	490.5	848.3	6120.8	990.3	1436.8
1990	4388.8	55	8	4	16	21	2408.4	186.6	174.5	681.5	937.7	6526.7	1150.1	1579.3
1991	5401.7	64	4	1	10	22	3447.0	70.4	138.8	546.3	1199.3	6935.6	961.3	1716.5
1992	4790.8	59	5	1	12	24	2808.4	35.4	222.1	575.4	1149.5	7371.1	1727.2	1950.2
1993	6610.2	76	3	1	7	14	5018.3	42.6	161.6	442.2	945.5	6406.2	1540.8	1903.7
1994	5064.7	72	5	2	11	13	3628.5	81.8	164.9	549.1	640.4	7335.9	1716.3	1919.8
1995	4892.9	49	10	5	20	21	2385.8	233.1	232.9	998.6	1042.5	7675.2	2130.9	1908.0
1996	5182.8	43	10	5	23	24	2212.7	244.8	279.1	1191.1	1255.1	8635.6	2856.7	1927.0

1. Экспорт товаров (merchandise) млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
2. Экспорт нефти, в процентах от всего экспорта товаров.
3. Экспорт продукции сельского хозяйства, в процентах от всего экспорта товаров.
4. В том числе экспорт хлопка, в процентах от всего экспорта товаров.
5. Экспорт текстиля, в процентах от всего экспорта товаров.
6. Экспорт прочей промышленной продукции, в процентах от всего экспорта товаров.
7. Экспорт нефти, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
8. Экспорт хлопка, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
9. Экспорт прочей продукции сельского хозяйства, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
10. Экспорт текстиля, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
11. Экспорт прочей промышленной продукции, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
12. Экспорт услуг (за исключением капитальных), млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
13. В том числе доходы от иностранного туризма, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.
14. В том числе доходы от Суэцкого канала, млн. ам. долл., в ценах 1992 г.

Источник: Egypt in the Global Economy: Strategic Choices for Savings, Investments, and Long-Term Growth. – Washington: The World Bank, 1998.

Таблица 6

Приватизация в Египте: структура, динамика и доходы

	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Приватизированные компании*	10	11	32	42	119	127**
Продажа стратегическим инвесторам	2	1	3	2	???	16
Продажа контрольного пакета на рынке акций	-	-	15	13	31	37
Продажа малого пакета	1	1	7	1	???	10
Продажа пакета акций	4	3	0	2	6	8
Продажа акций трудовым коллективам (Employee Shareholder Associations)	4	6	0	5	26	29
Продажа основных фондов	-	-	2	19	27	27
Доходы от продаж, млн. египетских фунтов***	925	1003	3691	4240	3496	10717
Фондовая стоимость, млн. египетских фунтов	4030	3218	11800	8026	???	???
Выполнение программы (%)	6,6	7,3	13,7	22,3	26,7	40,5

Источник: Investing in Egypt. Cairo: Ministry of Economy, 1999. – С. 35.

* Начиная с 1994 г. по каждому году – кумулятивный итог.

**По итогам на декабрь 2000 г.: 156 предприятий из 314, подпадающих под закон № 203, прошли процедуру приватизации, часть из них ликвидирована.

*** По данным Всемирного банка, доходы от приватизации составили в АРЕ за период 1990–1999 гг. 2 905,4 млн. долл.; против 4 654,4 – в Турции, 3 102,2 – в Марокко (The World Bank. World Development Indicators 2001, Washington, D.C., 2001. – С. 270–272).

Таблица 7

Абсолютные и относительные показатели динамики внешней задолженности АРЕ

Финансовые годы:	1992/93	1993/94	1994/95	1995/96	1996/97	1997/98	1998/99	1999/2000	2000/2001
Внешний долг (млн. $ США)	30 281	30 893	32 965	31 043	28 774	28 076	28 224	27 783	26 560
Отношение внешнего долга к экспорту,%	251,1	257,1	227,1	203,6	173,5	180,2	182,4	156,0	141,5
Обслуживание внешнего долга (млн. долл.)	1 880,3	1 778,5	1 900,1	2 041,1	1 781,9	1 449,7	1 475,2	1 704,5	1 642,4
Отношение расходов по обслуживанию долга к стоимости экспорта товаров и услуг,%	15,6	14,8	13,1	13,4	10,7	9,3	9,5	9,6	8,7
Расходы по обслуживанию внешнего долга в% от валютных поступлений	10,6	11,1	10,2	10,9	8,6	7,2	7,3	7,6	7,3
Процентные платежи по внешнему долгу в% от экспорта товаров и услуг	7,2	9,6	7,8	7,6	5,6	4,1	4,3	3,6	3,3
Отношение внешнего долга к ВВП,%	64,5	59,8	54,6	46,1	38,1	33,9	31,7	28,5	28,0
Размеры долга в расчете на душу населения (долл.)	550,9	549,9	574,2	529,6	481,5	447,9	441,6	426,4	399,5

Источник: Central Bank of Egypt

Таблица 8

Некоторые показатели движения капитала (млн. ам. долл.)

Финансовые годы	92/93	93/94	94/95	95/96	96/97	97/98	98/99	99/00	00/01
Счёт движения капиталов	1821,4	2510,9	429,7	1017,3	2040,7	3386,9	918,6	-1199,2	-541,6
Прямые иностранные инвестиции в Египте	1139,6	1320,8	782,7	626,9	769,7	1103,9	710,6	1656,1	509,4
В том числе портфельные инвестиции	4,8	2,5	4,1	257,6	1462,9	-248,0	-173,6	472,6	260,5
Изменение золотовалютных запасов ЦБ *	4311,5	2106,2	754,2	570,6	1912,3	-135,0	-2116,7	-3026,7	-852,8

Источник: Central Bank of Egypt

*По данным на 1992 календарный год абсолютный размер золотовалютных резервов составил 11,6 млрд. ам. долл., на 1993 – 13, 9 млрд.; максимальный уровень был достигнут в 1997 году – 19,4 млрд., в дальнейшем шло снижение: в 1999 г. – 15, 2 млрд., в 2000/01 финансовом году – 13, 8 млрд., в 2001/02 ф.г. – 14 млрд. (прогноз). [The World Bank. World Development Indicators 2001, Washington, D.C., 2001; другие источники].

Таблица 9

Военные расходы и численность вооруженных сил Египта, Сирии и Турции

	Доля военных расходов в ВВП (%)		Численность ВС (тыс. чел.)		Численность ВС в% от самодеятельного населения		Импорт вооружений в% от всего импорта	
	1992	1997	1992	1997	1992	1997	1992	1997
Египет	3,7	2,8	424	430 *	2,2	1,9	19,4	12,1
Сирия	9,7	5,6	408	320	10,9	6,9	11,2	1,7
Турция	3,8	4,0	704	820	2,7	2,8	6,6	3,3

Источник::The World Bank. World Development Indicators 2001, Washington, D.C., 2001. – С. 294–296.

* По оценкам на 2000 г., численность вооруженных сил АРЕ составила 448,5 тыс. человек, в том числе 320 тыс. – сухопутные войска, 18,5 тыс. – ВМС, 30 тыс. – ВВС, 80 тыс. – войска ПВО. Численность внутренних войск составила 230 тыс., в том числе 150 тыс. – войска МВД, 60 тыс. – Национальная гвардия, 20 тыс. – погранвойска. [Middle East and North Africa, London, 2001. – С. 137–138.]

SUMMARY

In the first chapter of the book the authors look at the contemporary economic reform in Egypt as a distinctive pattern of authoritarian transition to market economy. Despite certain advantages, this type of transition has made the country vulnerable to the force of external factors. Egypt's goal of creating an open economy with an export-oriented strategy of development has not been achieved. Just like thirty years ago, when Egypt announced its plans, foreign currency come from the same sources – Suez Canal, tourism, remittances from Egyptians working abroad, international aid and partly oil. Meanwhile, by the end of 2000, only about fifty percent of the privatization plans has been implemented.

The second chapter examines the development of political institutions and processes in the aspects of presidency, its functions and means of legitimization, retreat from a one-party system to a greater degree of political pluralism, relations between executive and legislative branches of power, and partisan struggle for the seats in the National Assembly. The authors touch upon the role of the army and the bureaucracy in the Egyptian society, analyze the elements of democratic change furthered by the parties and the parliament as well as the pressure applied on them by the state apparatus. In this context a special focus is placed on the problem of political leadership, as demonstrated by the three presidents – Nasser, Sadat and Mubarak.

The history of the establishment of Egypt's modern political parities is a special case. Three of the main parties were created by fragmentation of the single existing political body in the parliament into left, centrist and right political platforms with the subsequent transformation of the second one into de-facto presidential. The study of the organizational forms of the political parties, their activities and particular peculiarities of their relationship with the regime reveal that the parties of the opposition lack popular support and influence.

The third chapter deals with the forces of Egypt's political Islam and offers a comprehensive study of the nature of the conflict between the state and various Islamist groups as well as the mechanisms of latter's penetration of Egyptian professional associations. Critical to understanding of the Islamic movement is the discussion on the validity and the limits of such definitions as radical and moderate political Islam. Chapter examines the pluralism and diversity of contemporary Islamic Egypt and centers on the role of Islamic activists in the country's political process.

It shows some typical collisions that take place in the broad Islamist trend and demonstrates the social and political implications of these occurrences.

In the analysis of formation of this country's political model, the authors demonstrate that while the development of political pluralism in Egypt follows the pattern common in the Arab region as well as other parts of the world, it is characterized by a set of unique conditions and attributes.

As the international environment changes rapidly it is simply not enough to describe the Egyptian political model using such terms as "controlled pluralism", "non-liberal" or "non-institutionalized democracy." One should rather perceive here a creation of a pro-democratic system with more than one possible scenario of development.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I
ЕГИПЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПУТЯХ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ 15

1. Основные этапы экономической политики: смена парадигм 16

2. Программа приватизации и «структурной адаптации» (1990-е годы) 29

3. Предварительные итоги экономических реформ рыночного типа 45

Глава II
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЕГИПЕТ 68

1. Диалектика демократии и авторитаризма в переходных обществах 68

2. Президентская власть, ее функции и способы легитимации 77

3. Общая характеристика эволюции режима и силуэты его лидеров 81

4. Развитие многопартийной системы. Демократизация сверху 105

5. Народное собрание АРЕ и борьба за парламентское представительство 122

Глава III
«ИСЛАМСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» 159

1. Политический ислам и демократия в египетском контексте 160

2. «Братья-мусульмане» и радикальные исламские группировки 166

3. Деятельность исламского движения в политических структурах, НПО и синдикатах 176

Комментарии 198

Библиография 205

Приложение 1. Основные современные политические партии Египта 221

Приложение 2. Выборочные статистические данные 227

Summary 235

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".

30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зеэв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. С.Э.Бабкин "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. ""Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian** and **A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In cooperation with the Academy of Geopolicy and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by **K.Polyakov** and **A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

М.Ф. Видясова, М.Ш. Умеров
ЕГИПЕТ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Опыт либерализации экономики и политической системы

Подписано в печать 12.08.2002 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 15,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 61

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»